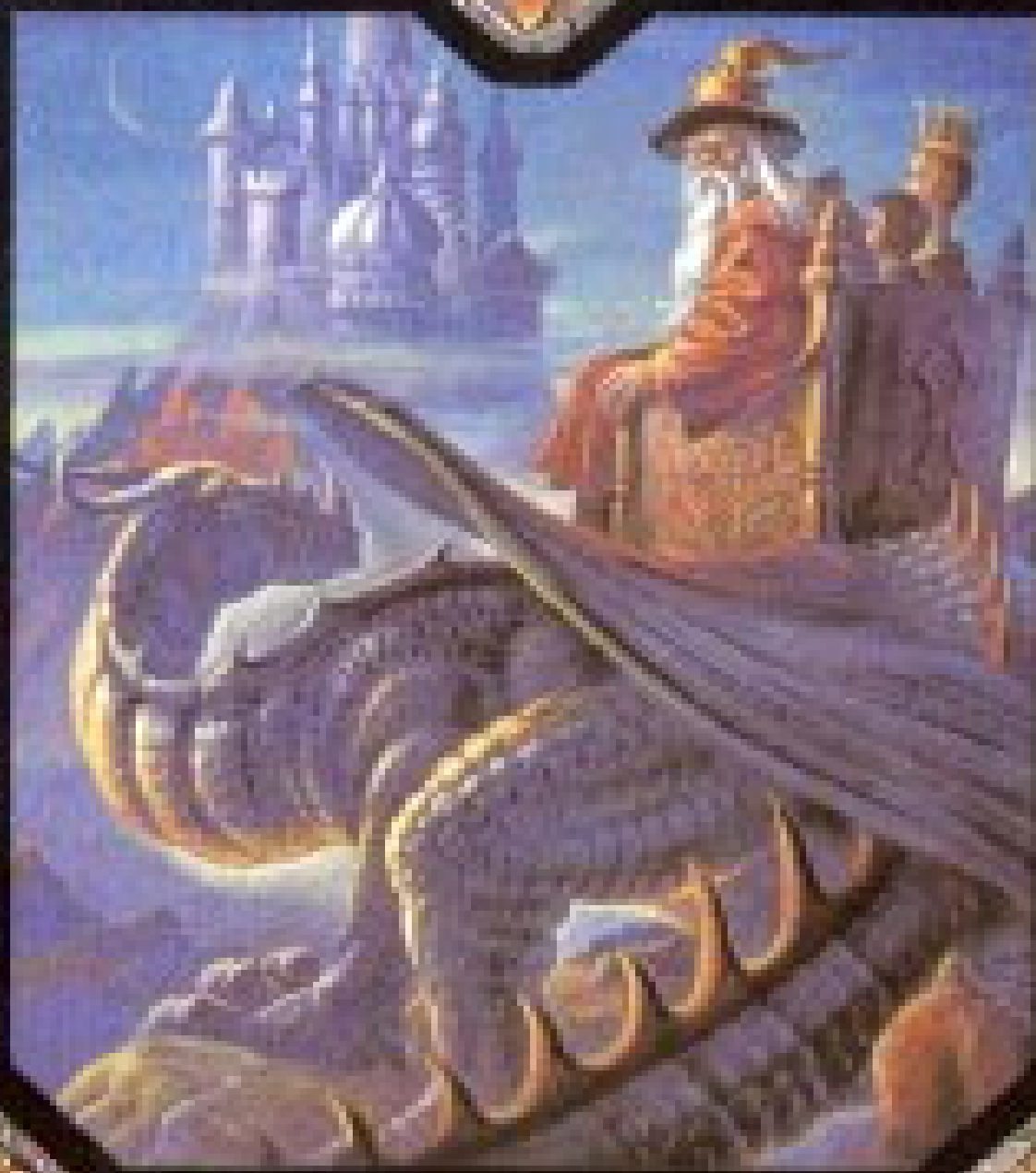

УРАЛСЫ

ДЖЕЙМС БРЭНЧ КЕЙБЕЛ
Сказание
о Мануэле

СЕРИЯ «УРАЛСЫ»

Annotation

Успеху Джеймса Бренча Кейбелла у русского читателя немало вредит успех Толкина. Эта книга выходит под грифом «фэнтези», который в действительности справедлив по отношению к американскому писателю ничуть не больше, чем по отношению к Мервину Пику или к тому же Толкину. Творил Кейбелл в первой половине XX века, когда о фэнтези еще и слуху не было, и занимался своими делами. Сравнить его уместнее не с фэнтези, а, например, со Свифтом, но если это и Свифт, то еще более ироничный и метафизически настроенный.

Земляные фигуры

Сказания о Мануэле-1

(Комедия внешнего вида и приличий)

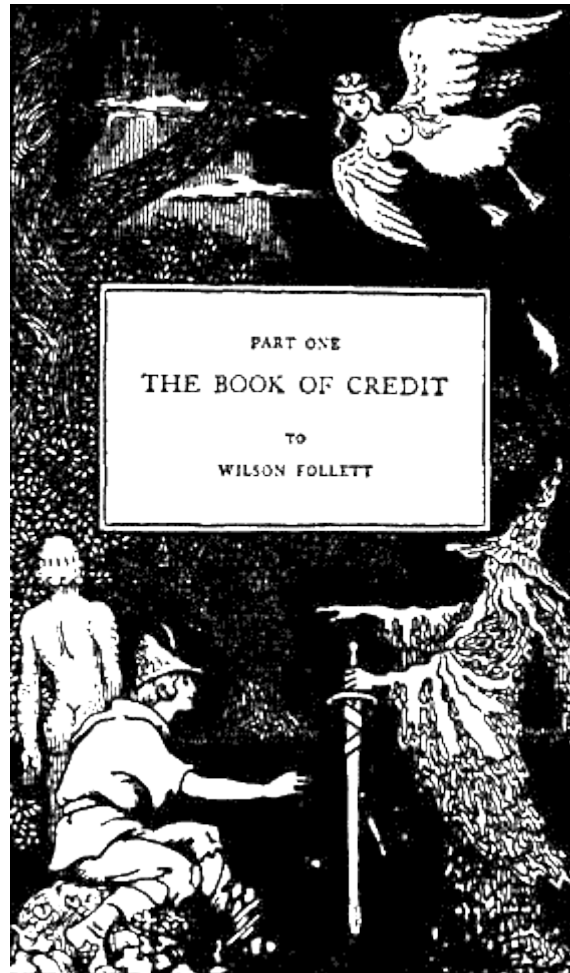
*«Cascun se mir el jove Manuel,
Qu'era del mon lo plus valens dels pros».*

ЧАСТЬ I

Книга Прихода

Отвeтил тогда Кудесник голосом страшным: «Мануэль, Мануэль, сейчас покажу я тебе множество книг по Некромантии и покажу, как с легкостью ей овладеть и знать, как ее применять. И, больше того, покажу и тебя научу так, что ты обретешь Желанье свое, коее, мыслю, Дар великий за деянье столь малое».

Глава I

Как Мануэль оставил болото

В Пуактесме рассказывают, что в стародавние времена, когда чудеса происходили в два счета, юный Мануэль был скромным свинопасом и присматривал за стадом мельника. Говорят к тому же, что Мануэль был вполне этим доволен и не догадывался о судьбе, которая ему предстоит.

Меж тем в окрестностях Ратгора и в крытых соломой деревушках Нижнего Таргамона его любили. А когда молодежь собиралась по вечерам, чтобы выпить коньяку, закусывая его орешками и тминным хлебом, никто не танцевал веселее Косого Мануэля. С девушками он был тих, а с мужчинами серьезен и прост, что заставляло людей, торопливых на обобщения, считать его круглым дураком. Бывало, молодого Мануэля обнаруживали блаженно улыбающимся без видимой причины, но больше всего в жизни, похоже, его тогда занимала статуя, которую он лепил из болотной глины на берегу Гарантонского пруда.

Эту статую он постоянно переделывал. Фигура стояла на кромке воды, а рядом два валуна, поросшие мхом, подпирали старинный, изъеденный червями деревянный крест, в память о том, что здесь некогда было содеяно.

В один прекрасный день, в начале осени, когда Мануэль сидел под крестом, глядя в глубокую спокойную воду, появился незнакомец, опоясанный длинным-предлинным мечом, сильно мешавшим ему при ходьбе.

– Диву даюсь, что ты нашел в этом темном пруду, коли так пристально в него уставился? – первым делом спросил незнакомец.

– Точно не знаю, – ответил Мануэль, – но мне кажется, я смутно различаю утонувшие там любовь, желания и приключения (что у меня были), когда я жил в ином теле. Я должен сказать, что вода Гарантона не похожа на воду других водоемов, потому как она навеивает странные сны.

– Я ничего дурного не говорю про толкование сновидений, хотя полная луна – едва ли лучшее время для подобных занятий, – заявил курносый незнакомец. – А это что такое? – спросил он.

– Это фигура человека, которую я делаю и переделываю, сударь, но не могу добиться того, чтобы она мне полностью понравилась. Поэтому думаю и дальше трудиться над ней, пока статуя не станет соответствовать моим помыслам и моему желанию.

– Но, Мануэль, зачем вообще нужно ее лепить?

– Потому что, сударь, моя мать всегда страшно хотела, чтобы я представлял в этом мире значительную фигуру, и, когда она умирала, я пообещал ей, что сделаю это, и тогда она наложила на меня гейс.

– О, разумеется! Но ты уверен, что она имела в виду именно этого истукана?

– Да, ибо я часто слышал ее слова, пока рос, и она хотела, чтоб я сделал все возможное, чтобы люди увидели великолепного и восхитительного во всех отношениях молодого человека. Поэтому необходимо, чтобы я создал статую молодого человека, ибо моя мать не из здешних краев, а из Ат-Клиата, и она наложила на меня гейс...

– Да-да, ты упоминал этот самый гейс, и мне интересно, что такое этот гейс.

– Вы могли бы назвать это долгом или обязательством, сударь, только он особенно сильный, непомерный и тайный: им пользуются Фирболги.

Незнакомец теперь перевел взгляд со статуи на Мануэля и задумался над вопросом (который позднее поставит в тупик множество людей), мог ли еще кто-нибудь быть так прост, каким казался Мануэль. Мануэль в двадцать лет еще не был тем великаном, которым стал потом. Но он уже был настолько высоким, что лишь немногие доставали ему до плеча, притом приятной наружности, с тонкими чертами лица, русыми волосами, небольшой головой, ясными светло-голубыми глазами и грудью жеребца; его левая бровь странным образом была опущена вниз, и многим казалось, что этот огромный молодой

человек при всей своей простоте лукаво подмигивает.

В целом незнакомец нашел этого молодого свинопаса довольно двусмысленным и, кроме того, заметил в облике Мануэля еще одну любопытную деталь.

– Так из-за этого гейса, – спросил незнакомец, – у тебя из шевелюры выстрижен большой клок?

В тот же миг лицо Мануэля стало мрачным.

– Нет, – сказал он, – это не имеет отношения к гейсу, и не будем об этом говорить.

– Станный ты парень, раз взял на свою голову такое обязательство, срезал с головы почти половину волос и имеешь в голове такие фантазии. И хотя, слушаясь матери, не наделаешь большого вреда, я удивляюсь, Мануэль, что ты валяешься тут на болоте среди свиней и отдаешь молодость этому пугалу и стоячей воде, когда у тебя впереди такое интересное приключение, когда Норны, прядя нить твоей жизни, предсказывают тебе великие подвиги.

– Ха, да будет славен Господь, сударь, но что это за приключение?

– Приключение состоит в том, что дочь графа Арнейского похитил некий волшебник, и этот высокородный граф Деметрий сулит несметные богатства, земли и руку девушки в придачу тому молодцу, который вернет ему любимую дочь.

– Я слышал разговоры об этом на кухне Арнейского замка, куда продаю поросят. Но какое до этого дело свинопасу?

– Мой мальчик, сейчас ты свинопас, дремлющий на солнце, так же как вчера был младенцем, кричащим в колыбели, но завтра ты не будешь ни тем, ни другим, если есть хоть какая-нибудь правда в словах Норн, шушукающихся под своим ясенем.

По-видимому, Мануэль покорился неизбежному. Он наклонил свою белобрысую голову и торжественно сказал:

– Честь и хвала Урд, Верданди и Скульд! Если мне предписано стать спасителем дочери графа Арнейского, глупо спорить с Норнами. Скажите же мне, как зовут этого проклятого волшебника и как добраться до него, чтоб отрубить его мерзкую голову?

– О нем говорят как о Мирамоне Ллуагоре, повелителе девяти снов и князе семи безумий. Он живет в сказочном великолепии на вершине серой горы Врейдекс, где изобретает всяческие иллюзии и, в частности, создает человеческие сновидения.

– Да, на кухне Арнейского замка говорят о Мирамоне и такое. И никто на кухне не отрицал, что этот самый Мирамон – опасная личность.

– Он самый хитрый из волшебников. Никто не может ему противостоять, и никто не может миновать ужасных змеев, поставленных Мирамоном для охраны серых склонов Врейдекса, если только человек не вооружен убийственным мечом Фламбержем, который висит у меня здесь, в этих синих ножнах.

– Что ж, тогда графскую дочь должны освободить вы.

– Нет, это не пойдет, потому что в жизни героя слишком много суматохи, схваток и кровопролитий, а мне это не подходит – ведь я миролюбивый человек. Кроме того, герою, который спасет госпожу Жизель, отдадут ее руку, а поскольку у меня уже есть одна жена, я знаю, что от двух жен будет только вдвое больше скандалов и все, а мне это не подходит – ведь я человек миролюбивый. Поэтому думаю, что лучше тебе взять меч и пуститься в приключение.

– В общем-то, – сказал Мануэль, – иметь под боком богатства, земли и красавицу жену лучше, чем стадо свиней.

Словом, Мануэль опоясался заколдованными ножнами, а заколдованным мечом он с грустью порубил на куски глиняную статую, которую так и не довел до совершенства. Затем Мануэль вложил Фламберж в ножны и прокричал свиньям слова прощания.

– Я никогда не вернусь к тебе, мое стадо, потому что, на худой конец, лучше доблестно умереть, чем проспать всю свою молодость. У человека лишь одна жизнь. Поэтому я покидаю вас, мои свиноушки, чтоб

добыть себе красавицу жену, много богатств и свободу и исполнить волю моей матушки. А когда мой гейс будет с меня снят, я не вернусь к вам, мои хрюшки, а отправлюсь путешествовать и дойду до самого края земли, чтобы увидеть пределы этого мира и их оценить, покуда жив. Ибо после этого не я буду оценивать, но меня: ведь, как говорят, человек, которого покинула жизнь, не годится, в отличие от вас, даже на хорошую ветчину.

– Такого красноречия для свиней, – говорит незнакомец, – больше чем достаточно, и похоже, это им понравилось. Но нет ли какой-нибудь девушки, с которой ты хотел бы попрощаться не только на словах?

– Нет, сначала я подумал, что попрощаюсь с Сускинд, которая иногда благоволила ко мне в своем сумрачном лесу, но, поразмыслив, решил этого не делать. Сускинд, вероятно, разревется и потребует обещаний вечной верности или, что еще хуже, охладит мой пыл, с которым я устремился вперед к завоеванию богатств и прелестной дочери графа Арнейского.

– Вижу, ты, мой юный Мануэль, странный малый, хладнокровный и откровенный, и зайдешь далеко – неважно, в добре или зле!

– Я не разбираюсь в добре и зле. Но я – Мануэль, и я буду следовать своим помыслам и своим желаниям.

– И, определенно, не менее странно, что ты говоришь так, – ибо, как все знают, это была любимая поговорка твоего тезки, знаменитого графа Мануэля, который совсем недавно умер на Юге.

На это юный свинопас с серьезным видом кивнул:

– Я должен воспринять этот знак, сударь. Очевидно, как я это понимаю, мой благородный тезка уступил мне дорогу для того, чтобы я смог пойти гораздо дальше его.

Затем Мануэль учтиво попрощался с курносый незнакомцем и, оставив свиней мельника на произвол судьбы у Гарантонского пруда, зашагал в своих лохмотьях навстречу судьбе, о которой предстоит длинный рассказ.

Глава II

Ниафер

Первым делом Мануэль наполнил дорожный мешок простой, но питательной снедью, а потом отправился к серой горе, называемой Врейдексом, к далекой, окутанной облаками вершине, на которой обитал в своем подозрительном дворце страшный Мирамон Ллуагор – повелитель девяти снов, изобретатель иллюзий и создатель человеческих сновидений. Когда Мануэль проходил под древними кленами у подножия Врейдекса, он увидел невысокого, невзрачного на вид, темноволосого юношу, поднимавшегося впереди.

– Привет, коротышка, – говорит Мануэль, – и что же ты делаешь в этом опасном месте?

– Я иду, – отвечает темноволосый юноша, – разузнать, как поживает на вершине этой горы госпожа Жизель д'Арней.

– Ого! Значит, нам по пути, ибо у меня такое же намерение. Но когда доберемся, мы сразимся с тобой, и тот, кто уцелеет, получит богатства, земли и графскую дочку себе на колени. Как тебя зовут, приятель?

– Меня зовут Ниафер. Но я считаю, что госпожа Жизель уже обвенчалась с Мирамоном Ллуагором. По крайней мере, я искренне надеюсь, что она замужем за этим волшебником, ибо иначе для нее было бы неприлично жить с ним вне брака на вершине этой серой горы.

– Что за чушь! Какая разница? – говорит Мануэль. – У нас нет закона, запрещающего вдове вновь выходить замуж. А вдовами быстро становятся с помощью героев, о которых уже поведали мудрые Норны. Но я не должен говорить тебе об этом, Ниафер, поскольку не хочу показаться хвастуном. Поэтому я просто скажу тебе, Ниафер, что меня зовут Мануэль, и у меня нет другого титула: я пока даже не барон.

– Однако ты слишком уверен в себе для молодого парня! – говорит Ниафер.

– А как же! На кого еще я могу полагаться в этом зыбком мире, кроме себя?

– Предки, Мануэль, считали, что подобное самомнение до добра не доводит, а говорят, они были мудрее нас.

– Предки, Ниафер, слишком давно занимались устройством этого мира, но сам видишь, как они сделали свое дело. Что это за мир, спрашиваю я тебя, где время похищает у нас золото волос и пурпур губ, где северный ветер уносит прочь блеск, сияние и изобилие октября, где старый идиот чародей-блудодей крадет прелестную девушку? Подобный разбой не лезет ни в какие ворота; это ясно говорит, что предки понятия не имели, как заниматься такими делами.

– Эх, Мануэль, разве ты переделаешь мир?

– Кто знает? – говорит Мануэль с величественной гордостью, свойственной юности. – Во всяком случае, я не собираюсь оставлять его без изменений.

И тогда Ниафер – более прозаичный человек – взглянул на него с восхищением и жалостью, но не стал спорить. Вместо этого они дали клятву, что будут верны друг другу до тех пор, пока не спасут госпожу Жизель.

– Затем мы сразимся за нее, – поспешил напомнить Мануэль.

– Во-первых, приятель, дай мне увидеть ее лицо, потом дай мне узнать ее нрав, а уж после я подумаю, драться ли с тобой. Между тем это очень высокая гора, и восхождение на нее потребует всех сил, а мы тратим их здесь на болтовню.

Итак, они вдвоем начали восхождение на Врейдекс по извилистой дорожке, по которой спускались в долину сновидений, когда их насылал на людей повелитель семи безумий. Сперва это была просто каменистая тропа. Но вскоре они добрались до разбросанных по небольшой полянке обглоданных костей – останков тех, кто, очевидно, поднимался перед ними. А из-за высоких репейников тут же

показался Змей Востока – самое страшное из созданий, которым Мирамон тревожит сон литов и татар. Змей ехал верхом на черном коне, черный сокол сидел у него на макушке, и за ним бежала черная гончая. Конь споткнулся, сокол закричал, а гончая поджала хвост и завывала. Змей взмахнул плетью и закричал:

– Эй, ты что, собачье мясо, спотыкаешься? А ты, сука, почему завывала? А ты, птичка, почему разоралась? Ведь эти три знамения предвещают мне какое-то несчастье.

– О, великое несчастье! – отвечает Мануэль, вынимая свой волшебный меч.

– Истину говоришь! Истинное несчастье предсказано тебе этим. Разве на Дубовом острове под двенадцатым дубом не стоит медная шкатулка, а в шкатулке – пурпурная утка, а в утке – яйцо, а в яйце – твоя смерть?

– Верно, что моя смерть находится в яйце, – сказал Змей Востока, – но никто никогда не найдет его, и поэтому я неодолим и бессмертен.

– А вот и нет, яйцо, как ты видишь, у меня в руке, и, когда я раздавлю это яйцо, ты умрешь, и твои братья – червяки – поблагодарят не тебя, а меня за сегодняшний ужин.

Змей взглянул на протянутое яйцо и задрожал. Он изогнулся так, что его чешуя заиграла солнечными зайчиками. Он вскрикнул:

– Отдай мне яйцо, и я позволю вам идти своим путем навстречу более ужасной гибели.

Хотя у его спутника было свое мнение, Мануэль решил, что так будет лучше, и в конце концов они совершили эту сделку ради детенышей змея. Затем они пошли дальше, в то время как змей завязал глаза коню и гончей, накрыл колпаком сокола и потихоньку пополз прочь, чтобы спрятать яйцо в укромном месте.

– Но как тебе, черт подери, – спрашивает Мануэль, – удалось достать такое бесценное яйцо?

– Это совершенно обычное утиное яйцо, Мануэль. Но у Змея Востока нет возможности обнаружить это, не разбив яйца. А это единственное, чего Змей никогда не сделает, поскольку думает, что это то яйцо, в котором заключена его смерть.

– Ну, Ниафер, хоть ты и замухрышка на вид, однако много умнее, чем я думал!

И только Мануэль хлопнул товарища по плечу, как лес у дороги закачался, затрещали кусты, а высокие буки стали ломаться и падать в разные стороны, – так сквозь толщу земли пробился Змей Севера. Только голова и шея этого создания Мирамона возвышались над поваленными деревьями, потому что нижние кольца Змея никогда не отпускали основание Норвегии. А все, что высунулось, было покрыто водорослями и ракушками.

– По воле Мирамона Ллуагора я сейчас же уничтожу вас обоих, – говорит этот змей, разевая пасть, похожую на пещеру со сталактитами и сталагмитами.

Еще раз юный Мануэль выхватил свой волшебный меч, но заговорил его товарищ.

– Нет, ибо прежде, чем ты погубишь меня, – говорит Ниафер, – я наброшу уздечку тебе на морду.

– Что это еще за уздечка? – презрительно спросил огромный змей.

– Разве эти вытаращенные глаза не достаточно велики и не видят, что это мягкая узда, называемая Глейпниром, которая сделана из дыхания рыб, слюны птиц и кошачьих шагов?

– Хотя несомненно, что подобная казнь мне предсказана, – проговорил змей с легким беспокойством, – как я могу быть уверен, что ты говоришь правду и вот эта штука и есть Глейпнир?

– Давай так: я брошу ее тебе на голову, и тогда ты сам увидишь, как исполнится древнее пророчество и тебя оставят силы и жизнь, а норманны больше не увидят снов.

– Нет, убери от меня эту штуку, маленький глупец! Нет, нет! Мы не будем проверять твою правдивость таким образом. Так и быть, вы вдвоем пойдете своей дорогой к более ужасной гибели и столкнетесь с варварской смертью запада, если дашь мне эту узду, чтоб я уничтожил ее вместо тебя. И тогда я, если буду жить вечно, удостоверюсь, что это в самом деле Глейпнир и ты сказал правду.

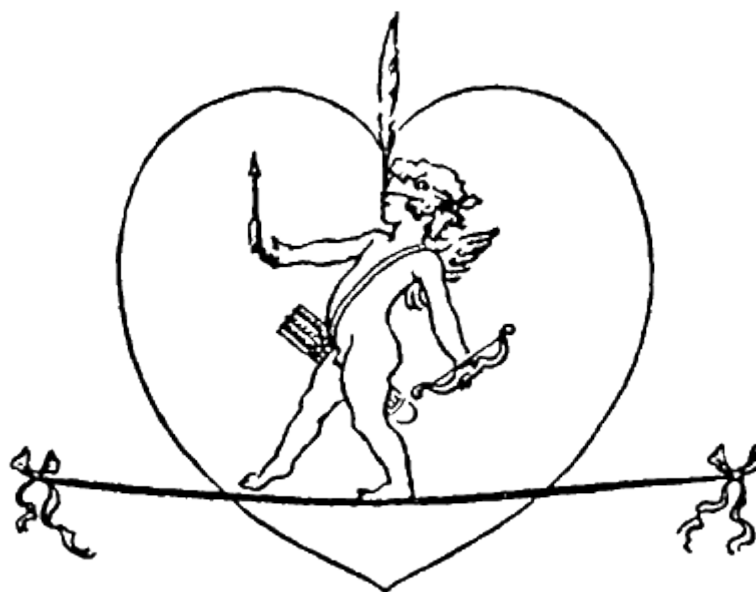
Поэтому друзья согласились, что лучше проверить правдивость своих слов, нежели позволить Змею погибнуть, а основанию Норрвегии (а Ниафер якобы состоит в родстве с одной из тамошних правительниц) таким образом пошатнуться, освободившись из объятий околёвшего Змея. Узда была отдана, и Ниафер с Мануэлем пошли дальше. Мануэль спросил:

– Коротышка, это правда узда, называемая Глейпниром?

– Нет, Мануэль, это обычная уздечка. Но у Змея Севера нет возможности обнаружить это, кроме как надеть ее на себя. А это единственное, чего Змей никогда не сделает, поскольку знает, что, если моя узда оказалась бы Глейпниром, силы и жизнь оставили бы его.

– О, хитрый и коварный коротышка! – сказал Мануэль. И вновь хлопнул товарища по плечу.

Затем Мануэль заговорил очень напыщенно про ум и сказал, что лично сам, со своей стороны, никогда не отрицал его большого значения.

Глава III

Восхождение на Врейдекс

Наступил вечер, и они нашли приют на мельнице рядом с дорогой, у маленького сморщенного старичка в залатанной куртке. Он дал им постель и добрый каравай хлеба с сыром, а себе на ужин достал из-за пазухи лягушек и поджарил на углях.

Затем юноши сели на пороге посмотреть, как ночные кошмары спускаются с Врейдекса в мир мечтательных людей, к которым эти призраки являются в виде причудливых белых паров. Сидя вот так, они начали болтать о том о сем, и Мануэль обнаружил, что Ниафер исповедует старую языческую веру, что, по словам Мануэля, было превосходно.

– Когда мы завершим наше восхождение, – говорит Мануэль, – то должны будем сражаться друг с другом за графскую дочку, и я несомненно одолею тебя, дорогой Ниафер. Если б ты умер христианином, вот так, гнусно пытаясь убить меня, ты немедленно провалился бы в неугасимое пламя Чистилища или даже в еще более жаркие места. Но у язычников все, доблестно погибающие в битве, попадают прямоком в языческий рай. Да-да, твоя отвратительная религия – для меня огромное утешение.

– Для меня это тоже утешение, Мануэль. Но как христианину тебе не следует одобрять язычества.

– Это не совсем так, – говорит Мануэль, – в то время как моя мать, Доротея Белоручка, была самой рьяной христианкой, ты должен знать, что мой отец не причащался.

– А кто был твоим отцом, Мануэль?

– Не кто иной, как Пловец Ориандр, который, в свою очередь, сын Мимира.

– О, замечательно! А кто такой Мимир?

– В общем, Ниафер, это не совсем понятно, но он прославился мудрой головой.

– Мануэль, а кто такой Ориандр, о котором мы говорим?

Мануэль же откашлялся и начал рассказ:

– О, из пустоты и темноты, населенной потомками Мимира, из бездны подводного мрака, из покоя безмолвия этой вечной ночи появился Ориандр, из Мимира, чтоб начать войну с морем и посмеяться над желанием моря. Когда бури вырываются с шипением и ревом из перевернутой чаши Асов, все моряки слышат его вопли и радостный крик. Когда водная поверхность опрокидывается и срывает крышу мира, его белое лицо мерцает в пучине, где обезумевшие волны терзают Пловца, но не властны над его силами. Сему Пловцу не дано глаз, но, и незрячий, он будет сражаться и насмехаться, пока не выйдет время, пока все любовные песни земли не будут спеты, и последняя погребальная песнь не будет спета, и изнуренное море не признает, что только Ориандру по плечу испытывать мощь его гнева.

– Поистине, Мануэль, таким отцом должно гордиться, хотя он и не похож на набожного родителя, и не его ли слепота ответственна за твое косоглазие? Да, несомненно. Теперь расскажи-ка мне о том, как же этот незрячий повстречался с твоей матерью, Доротеей Белоручкой, что, полагаю, где-то произошло.

– О нет, – говорит Мануэль, – Ориандр никогда не перестает плавать и всегда должен находиться в воде. Так что он в действительности никогда не встречался с моей матерью, а она вышла замуж за Эммерика, являющегося моим номинальным отцом. Но что-то там такое произошло.

Тут Мануэль рассказал все об обстоятельствах своего рождения в пещере и об обстоятельствах своего воспитания в Ратгоре и близ него. Юноши все говорили и говорили, пока рукотворные сновидения плыли снаружи, а внутри мельницы маленький сморщенный старичок сидел и прислушивался к ним с очень подозрительной улыбкой, но не произносил ни слова.

– А почему ты так странно пострижен, Мануэль?

– Об этом, Ниафер, нам говорить не нужно, во-первых, потому, что мои волосы больше так пострижены не будут, а во-вторых, потому, что время спать.

На следующее утро Мануэль и Ниафер заплатили, по обычаю древности, цену, которую затребовал их хозяин: они оставили ему залатанные башмаки. И, по-прежнему поднимаясь, не встретили больше костей, ибо еще никто из предшественников не забирался так высоко. Вскоре они подошли к мосту, на котором стояли восемь копий, а мост охранялся Змеем Запада. Этот Змей был голубой в золотую полоску и носил на голове огромную шляпу из перьев колибри.

Мануэль чуть было не вынул свой меч, чтобы напасть на это создание, с помощью которого Мирамон Ллуагор делал ужасным сон красных племен, что охотятся и рыбачат за Гесперидами, но взглянул на товарища. А тот показал Змею черепашку с причудливым узором на панцире, со словами:

– Масканакто, разве ты не узнаешь Тулапин – черепаху, которая никогда не лжет?

Змей завыл, словно тысяче псов одновременно поддали под ребра, и убежал.

– Почему, коротышка, он так поступил? – с сонной улыбкой спрашивает Мануэль, поскольку в третий раз обнаружил, что его заколдованный меч Фламберж не пригодился.

– Поистине, Мануэль, никто не знает, почему этот Змей боится черепахи. Но нас меньше заботит причина, чем следствие. Между тем до этих восьми копий нельзя дотрагиваться ни при каких обстоятельствах.

– А у тебя что, совершенно обычная черепаха? – спросил Мануэль.

– Конечно. Где я возьму необычных черепах?

– Я раньше не рассматривал эту проблему, – отвечает Мануэль, – но вопрос, несомненно, не имеет ответа.

Затем они сели позавтракать и обнаружили, что хлеб и сыр, которые они купили у маленького старичка этим утром, превратились в мешке у Мануэля в слитки серебра и золотые самородки.

– Вот гадость, – сказал Мануэль, – и я не удивляюсь, что хребет у меня чуть не переломился.

Он выкинул сокровища, и они смиренно позавтракали черной смородиной.

Из зарослей смородины тут же вышел сияющий Змей Юга, являющийся самым маленьким, красивым и наиболее ядовитым из созданий Мирамона. С этим Змеем Ниафер справился весьма оригинально: он пустил в дело три вещицы – о двух из них следует промолчать, а третьей была маленькая фигурка, вырезанная из орешника.

– Несомненно, ты очень умен, – сказал Мануэль, когда они миновали и этого Змея. – Все же то, как ты использовал первые две вещи, – неподражаемо, но показ резной фигурки окончательно меня смутил.

– С такой опасностью, что встретишься нам, Мануэль, нечего церемониться, – отвечает Ниафер, – а мое заклинание – очень древнее и очень действенное.

И со множеством других приключений и опасностей столкнулись они, так что если обо всех рассказывать, получится длинная и весьма неправдоподобная история. Но погода им благоприятствовала, и они прошли через все препоны и рогатки с помощью всяких хитростей, которыми Ниафер, как оказалось, обладает в великом множестве. Мануэль громогласно расхваливал удивительную смекалку своего невзрачного темноволосого товарища и заявлял, что с каждым часом его любовь к нему становится все сильнее и сильнее. Мануэль также сказал, что думает с отвращением о предстоящем им поединке из-за дочки графа Арнейского: ведь там один должен убить другого.

Между тем меч Фламберж оставался в своих затейливых синих ножнах.

Глава IV

В подозрительном дворце

Так Мануэль и Ниафер, живые и невредимые, добрались до вершины серой горы Врейдекс, до подозрительного дворца Мирамона Ллуагора.

Когда юноши пересекали небольшую лужайку, где трава чередовалась с белыми кашками, откуда-то, словно переговариваясь друг с другом, зазвучали гонги. Тут и там стояли жуткого вида карликовые деревца с фиолетовой и желтой листвой. Подозрительный дворец показался осторожно приближавшимся к нему юношам сложенным из черных и золотых изразцов, которые были разрисованы фигурами бабочек, черепах и лебедей.

В этот день, кстати, в четверг, Мануэль и Ниафер вошли без помех через ворота из рога и слоновой кости и попали в красную галерею, где пять серых зверей, похожих на огромных лысых кошек, играли в кости. Пока юноши шли мимо них, эти твари облизывались и ухмылялись.

В центре дворца Мирамон воздвиг наподобие башни один из зубов Бегемота: клык был искусно обработан так, что внутри него получилось пять просторных комнат, и в самой дальней комнате под балдахином с зелеными кистями они обнаружили волшебника.

– Выходи и умри, Мирамон Ллуагор! – кричит Мануэль, вынимая свой меч, которому рассчитывал наконец найти применение.

А волшебник запахнул старый потертый халат и, оторвавшись от своих заклинаний, отложил в сторону какое-то маленькое недоделанное создание, которое, хныча, улизнуло в камин. Мануэль увидел, что у волшебника внешность того вежливого незнакомца, всучившего ему заколдованный меч.

– О, хорошо, что ты пришел так быстро, – говорит Мирамон Ллуагор, откинув голову и полузакрыв свои добрые темные глаза, глядя на них поверх крыльев небольшого носа. – Да, и добро пожаловать твоему юному другу. Но вы, юноши, наверняка совершенно вымотались по дороге, так что садитесь и выпьем по чарке вина, прежде чем я отдам Вам мою дорогую жену.

Мануэль же спрашивает:

– Но что все это значит?

– Это значит то, – отвечает волшебник, – что у тебя, я вижу, заколдованный Фламберж, и, поскольку владеющий этим мечом неодолим для меня, мне бесполезно сопротивляться.

– Но, Мирамон, это же ты дал мне меч!

Мирамон потер свой забавный маленький носик, а потом заговорил:

– А как бы еще ты меня одолел? Ведь известно, что, по закону Леших, волшебник не может отдать свою добычу просто так, пока он не побежден. Дело в том, что, когда я утащил Жизель, я поступил, как вскоре обнаружилось, весьма неблагоприятно.

– Но клянусь Святым Павлом и Поллуксом! Я вообще ничего не понимаю, Мирамон.

– Мануэль, я тебе скажу, что она была весьма очаровательной девушкой и, как мне показалось, представляла именно тот тип жены, о котором я мечтал. Но, вероятно, не совсем мудро руководствоваться всецело одной внешностью, потому что потом оказалось, что у нее не только большая грудь, но и большая воля, а кроме хорошенькой головки – хорошенький язычок, а я не в равной степени восхищаюсь всеми четырьмя этими достоинствами,

– Но, Мирамон, если всего несколько месяцев назад твоя любовь была так сильна, что привела к похищению...

Волшебник же назидательно проговорил:

– Думаю я, что любовь – сплав мгновенный тени и плоти. Те, кто стремятся любовью владеть, часто в глупость впадают. Любящий, видя, что движется сплав, как богиня золотая, гонится следом за нею, в итоге

лишь плоть настигая. Тень золотая же меркнет с восходом семейного солнца, тает она, как туман, навсегда без следа исчезая. А остается в объятиях мужа лишь плоть, что прекрасна – нет тут сомнений, – но плоть, его же подобная плоти; и болтовня, болтовня, болтовня; поцелуи всех видов. Что ж, остается любовь, но уже не такая, как прежде.

Тут недоделанное создание вылезло обратно из камина и взобралось по ноге Мирамона, по-прежнему слабо хныча. Он задумчиво взглянул на него, затем открутил этому существу голову и бросил обломки в мусорное ведро.

Мирамон вздохнул и сказал:

– Вот плач мужей, что сейчас существуют и жить будут завтра: «Что приключилось с красавицей той, на которой женился? Как с этой женщиной мне обходиться, что в жизнь мою входит? К ней остается любовь, но уже не такая, как прежде».

Пока Мирамон философствовал, юноши тупо переглядывались: в их возрасте знание этого предмета было еще смутным.

Затем Мирамон продолжил:

– Да, тот мудрее, кто сдержит желанья свои от подобных излишеств. Да, тот мудрее, кто, зная, что тень прелестнее делает сущность, мудро следит за путями той безответственной тени, коею схватишь – она убежит, отвернешься же – шествует рядом, жизнь золотая сияньем своим и жену сохраняя вечно юной, прекрасной, и мудрой, и неотразимой; вечно тебя оставляя не очень довольным, при этом во всеоружье достоинства, что несохранно в довольстве. Что ж, поскольку любовь – сплав мгновенный тени и плоти, то наслаждаться ты можешь одной – не обеими сразу.

– В общем, – согласился Мануэль, – может, все это так. Но я никогда не понимал гекзаметров и поэтому не видел толку в разговоре с их помощью.

– О, но у меня так получается само собой, когда я глубоко взволнован. Полагаю, поэзия в моей душе прорывается наружу в тот миг, когда я теряю власть над собой, а сейчас я думаю о неизбежной разлуке с моей дорогой женой. Понимаете, она активно заинтересовалась моим творчеством, а этого не вынесет ни один художник в любом виде искусства, – мрачно говорит Мирамон.

– Но как так может быть? – спрашивает его Ниафер.

– Все знают, что я создаю людям сновидения. Теперь же Жизель заявляет, что у смертных достаточно неприятностей в реальной жизни, чтобы видеть их еще и во сне...

– Несомненно, это верно.

– Поэтому она разрешает мне создавать лишь жизнеутверждающие, назидательные и приятные сны. Она говорит, что я должен дать усталым людям то, в чем они больше всего нуждаются, и делает акцент на важности того, чтобы каждый человек спал в здоровой атмосфере. Поэтому мне не разрешается создавать ни изящные кошмары, ни милые ужасы – ничего будоражащего или шокирующего, никаких морских змеев, кракенов, гиппогрифов – ничего, что дает мне полную свободу творчества. И мое искусство страдает. Что же касается других снов, более шаловливой природы...

– Интересно, о какого рода снах ты говоришь, Мирамон?

Волшебник объяснил, что он имел в виду.

– Теперь подобные сны она тоже категорически запретила, – добавил он со вздохом.

– Понятно, – сказал Мануэль, – почему у меня с некоторых пор не было снов такого рода.

– Нигде ни одному человеку не позволено видеть сны такого рода в эти ночи, нигде никому во всем мире. И тут опять-таки страдает мое искусство, ибо мои создания в этой сфере всегда были особенно живы и действенны и доставляли удовольствие самым стойким. Кроме того, Жизель уверяет, что все делает и говорит все ради моего блага. Короче, ребята, моя жена проявляет такой «лестный» для меня интерес ко всем моим предприятиям, что единственный выход для любого гуманного волшебника организовать освобождение ее из моих когтей, – сказал Мирамон с раздражением. – Трудно объяснить это тебе, Мануэль, прямо сейчас, но после того, как ты женишься на Жизели, ты постигнешь это на своей шкуре.

– Но, Мирамон, я изумляюсь тому, что какая-то женщина во власти великого волшебника управляет им, женщина, которая, в конце концов, может всего лишь болтать.

Мирамон, какое-то время беспомощно моргая, смотрел на Мануэля.

– Неженатого человека это действительно удивляет, – сказал он. – В любом случае я позову ее, и ты сможешь объяснить, как ты победил меня, а значит, сможешь забрать ее и взять себе, да помогут тебе Небеса!

– Но объяснить ли мне, что это ты дал мне неодолимый меч?

– Нет, Мануэль. Нет, ты должен быть откровенным в разумных пределах. Теперь ты знаменитый герой, осененный победой, справедливый повод для которой создан высшей жертвой множества верных рыцарей и галантных кавалеров, поскольку они знали, что в итоге справедливость восторжествует. Твой успех, таким образом, представляет собой осуществление великого нравственного принципа, и объяснять практические мелочи подобных величественных процессов не всегда вполне порядочно. Кроме того, если Жизель дознается, что я хочу от нее избавиться, она определенно прибегнет к выражениям, которых я предпочитаю не слышать.

Но тут в комнату вошла жена волшебника Жизель.

– Она, несомненно, весьма мила, – говорит Ниафер Мануэлю.

Мануэль же восторженно заявляет:

– Она изящнейшее и прелестнейшее существо, которое я когда-либо видел. Созерцая ее несравненную красоту, я осознаю, что сбылись все прежние мечты. Я также вспоминаю свои прежние песни, которые обычно пел свиньям, о моей любви к прекрасной принцессе, которая «бела, как лилия, краснее роз, великолепнее рубинов стран Востока», ибо здесь приложимы все мои песенные эпитеты. И я поражен неспособностью этого жалкого волшебника оценить такую несравненную красоту.

– О, на этот счет у меня есть некоторые подозрения, – отвечает Ниафер. – И как только она заговорит, думаю, они оправдаются, ибо у госпожи Жизели далеко не мирный нрав.

– Что за чушь я слышала? – говорит гордая блестящая дама Мирамону Ллуагору. – Мне сказали, что ты побежден.

– Увы, любовь моя, это свершившийся факт. Этот герой неким необъяснимым образом достал магическое оружие Фламберж, являющееся единственным оружием, которым меня можно победить. Так что я сдался ему, и он, по-моему, вот-вот отрубит мне голову.

Прекраснейшая из девушек пришла в негодование, поскольку поняла, что, будь ты волшебник или нет, существует небольшая разница в супругах после первой пары месяцев замужества; и при вполне сносно прирученном Мирамоне она пока не собиралась менять его ни на кого другого. Поэтому Жизель тоном, предвещавшим бурю, спросила:

– А как же я?

Волшебник беспокойно потер руки.

– Моя милая, я, к сожалению, совершенно бессилен перед Фламбержем. Твое освобождение совершено по всем правилам, и герой-победитель обязан казнить меня за злодеяния и возратить тебя твоим горящим родителям. Я ничего не могу поделать.

– Посмотри мне в глаза, Мирамон Ллуагор! – приказала госпожа Жизель. Волшебник повиновался с умиротворяющей улыбкой. – Да, ты что-то затеял, – сказала она, – и только Небеса знают – что. Хотя в действительности это не имеет значения.

Затем госпожа Жизель посмотрела на Мануэля.

– Так это ты – герой, пришедший меня освободить? – спросила она с расстановкой, и ее большие сапфировые глаза блеснули поверх огромного веера из разноцветных перьев так, что Мануэлю стало не по себе.

Наконец она обратила внимание на Ниафера.

– Должна сказать, что твое прибытие произошло с достаточным опозданием, – заметила Жизель.

– Мне потребовалось два дня, сударыня, чтобы найти и поймать черепаху, и это меня задержало.

– Ох, у тебя всегда найдутся отговорки, отдаю тебе должное, но лучше поздно, чем никогда. Ну так, Ниафер, знаешь ли ты что-нибудь об этом желтоволосом герое-простофиле?

– Да, сударыня, он прежде жил, присматривая за свиньями мельника недалеко от Ратгора, и мне случалось видеть его на кухне Арнейского замка.

Жизель обернулась к волшебнику, а ее тонкие золотые цепочки и бесчисленные драгоценные камни вспыхнули не более ярко, чем сапфиры глаз.

– Вот как? – сказала она страшным голосом. – И ты собираешься отдать меня свинопасу с наполовину обстриженной головой и дырами на локтях!

– Моя дорогая, и прическа, и костюм – дело вкуса и только, и будь он хоть дважды свинопасом, но он владеет магическим мечом Фламбержем, перед которым все мои силы – ничто.

– Вздор, все очень легко устроить. У вас, мужчин, нет ни капли здравого смысла! Мальчик, дай мне этот меч, пока ты не поранился, балуясь с ним, и положим конец этому недоразумению, – потребовала надменная дама, и какое-то время герой-победитель по-детски обиженно смотрел на нее, но он не обратился в бегство.

– Госпожа Жизель, – ответил Мануэль. – Я, возможно, простофиля, бедно одет и молод, но, пока обладаю этим оружием, я – господин вас всех и своего будущего. Отдав его, я потеряю все, что мои предки научили меня ценить, ибо мои суровые предки считали, что богатство, земли и красавицу жену приятней иметь под боком, чем стадо свиней. Поэтому, если кто-то предлагает мне сделку, я сперва поторгуюсь, прежде чем договориться о цене.

Он повернулся к своему товарищу.

– Дорогой коротышка, – сказал Мануэль, – ты тоже должен сказать свое слово, потому что с самого начала именно твоя смекалка спасла нас и завела так высоко. Посмотри, я наконец обнажил Фламберж и стою на подозрительной вершине Врейдекса, и я – господин данного часа и будущего. Теперь мне осталось отрубить мерзкую голову этому проклятому волшебнику – и делу конец.

– Ради Бога! – сказал Мирамон. – Я после этого превращусь во что-нибудь другое, что, вероятно, нам лучше не обсуждать. Это ничуть меня не затруднит, так что воздержитесь от неуместного милосердия по отношению ко мне, а вместо этого действуйте мечом и забирайте заслуженную награду.

– И так и этак, – признал Мануэль, – мне нужно лишь ударить мечом – и я получаю большое богатство, плодородные пахотные земли и красавицу жену, и свинопас станет знатным дворянином. Но именно ты, Ниафер, добыл это для меня, и я чувствую сейчас, что эти неожиданные блага не так чудесны, как ты, мой дорогой друг.

– Но ты тоже чудесен, – был ответ Ниафера. Мануэль же сказал с печальной улыбкой:

– Я не такой, и в час своего триумфа я в ужасе от собственной ничтожности. Послушай, Ниафер, я думал, что изменюсь, когда стану героем, но, несмотря на то, что стою здесь, красуясь с этим длинным мечом, и являюсь господином данного часа и будущего времени, я остаюсь мальчишкой, который в прошлый четверг еще пас свиней. Я не испугался чудовищ, которые встретились нам на дороге, но графскую дочку я ужасно боюсь. Ни за что на свете не останусь я с ней наедине. Нет, такие изящные дамы не для свинопасов, и я хочу другую жену.

– Кого же ты желаешь себе в жены, – спрашивает Ниафер, – как не прелестнейшую и богатейшую даму во всем Ратгоре и Нижнем Таргамоне?

– Что ж, я возьму умнейшее, милейшее и самое чудесное существо на свете, которое, по моим воспоминаниям, я видел недель шесть назад, когда заходил на кухню Арнейского замка.

– А! Тогда это можно устроить. Но кто она, эта изумительная женщина?

Мануэль же сказал:

– Ты – эта женщина, Ниафер!

Ниафер ничего не ответила, но улыбнулась. Она подняла плечико и потерлась им о широкую грудь Мануэля. Так они вдвоем какое-то время смотрели друг на друга, не произнося ни слова, и, судя по всему, не замечая ни Мирамона Ллуагора, ни его чудес – ничего на свете, кроме друг друга.

– Для меня теперь здесь все изменилось, – сказал наконец Мануэль вполголоса, – и остаток жизни я теперь буду жить в мире, где Ниафер – единственная из всех женщин.

– Мой дорогой, – ответила Ниафер, – и блестящая королева, и изысканная принцесса – это лишь сердце женщины, прыгающее от радости, когда на нее посмотрят дважды, что говорить обо мне, я – простая служанка!

– Это точно, – сказала Жизель дребезжащим голосом, – Ниафер – моя переодетая служанка-язычница, на которую мой муж неделю назад наслал сон с приказанием явиться ко мне, чтобы следить за моими вещами. Поэтому, Ниафер, раз тебя вызвали служить, прекрати лапать этого свинопаса и отвечай мне, что это такое я слышу о твоём замечательном уме.

Но Мануэль сам с гордостью рассказал о ловушках, которые миновала хитроумная Ниафер, о змеях и прочих ужасах. И, покуда он хвастался, Мирамон Ллуагор улыбался, а Жизель скептически смотрела на Ниафер: и Мирамон, и его жена – оба знали, что ум Ниафер искать можно так же долго, как и ее миловидность, и что именно сон, насланный Мирамоном, досконально сообщил ей хитрости и уловки, которые так очаровали свинопаса.

– Поэтому, госпожа Жизель, – говорит в заключение Мануэль, – я отдам вам Фламберж, Мирамона, Врейдекс и все остальные горы в придачу в обмен на самую чудесную и умную женщину на свете.

И Мануэль изящным жестом вручил заколдованный меч Фламберж прелестной графской дочке, а сам взял руку ее смуглой невзрачной служанки.

– Ну, – говорит Мирамон в тихом смятении, – эта картина производит сильное впечатление. Но что касается твоих собственных интересов, Мануэль, неужели ты считаешь свой выбор вполне разумным?

Высоченный Мануэль посмотрел на него сверху вниз с презрительной жалостью.

– Да, Мирамон, ибо я – Мануэль, и я следую своим помыслам и своим желаниям. Конечно, с моей стороны очень великодушно отказаться от богатств и власти, но Ниафер стоит этой жертвы, и, кроме того, она свидетельница моего великодушия.

Ниафер же, конечно, размышляла: «Это очень мило с его стороны, и я буду вынуждена из простой порядочности позволять ему такие безумства пару первых месяцев замужества. После чего, надеюсь, мы перейдем к более благоразумному образу жизни».

Между тем она с обожанием смотрела на Мануэля: совершенно так, словно считала, что он выражает необыкновенную рассудительность.

А Жизель и Мирамон переглядывались, не понимая, что нашел этот длинноногий юноша в глупенькой замухрышке, которая на много лет его старше.

Так они наблюдали происходящее, и к ним пришла эта потрясающая мысль, которая удерживает множество супружеских пар в объятиях человеческой природы: «И насколько мудрее и счастливее наш брак, так или иначе, любого среднего брака!»

Мирамон лично был так глубоко тронут этим жутким открытием, что погладил жену по руке. Потом он вздохнул.

– Любовь победила мои создания, – сказал он загадочно, – а секрет счастливого брака, в конце концов, заключается в том, чтобы уделять как можно больше внимания чужим женам.

Жизель попросила его не строить из себя дурака, но сказала это очень мягко и, говоря, сжимала его руку. Она понимала этого могучего волшебника много глубже, чем позволяла ему это обнаружить.

Вслед за этим Мирамон стер с небесной тверди светила и зажег там праздничную радугу, а под ней затеял для свинопаса и служанки в честь их помолвки такое представление со всякими фантазиями и

иллюзиями, какое показало весь спектр искусства Мирамона и доставило удовольствие всем, но особенно самому Мирамону. Их смешил дракон, охраняющий сокровища, танцевали наяды, и порхали херувимы, сладкоголосо распевая песни и загадывая забавные загадки. Затем они пировали, а им прислуживали сказочные слуги и оказывали все почести, достойные небожителей. А когда это празднество закончилось, Мануэль сказал, что, поскольку он в конце концов не стал богатым дворянином, они с Ниафер должны найти ближайшего священника, а потом вернуться к его свиньям.

– Не уверен, что тебе это удастся, – сказал Мирамон, – ибо если восходящим на Врейдекс препятствуют мифические змеи, то тем, кто решил вернуться, мешают настоящие смерть и судьба. Ибо должен сказать тебе, что у меня есть весьма капризный брат – форменный скучный реалист, без намека на эстетическое чувство, и он совершенно непредсказуем.

– Однако, – сказал Мануэль, – нельзя вечно жить среди сновидений, а смерть и судьба ждут всех. Так что мы попробуем.

Тут какое-то время темные глаза Мирамона Ллуагора оценивали их, и волшебник слегка вздохнул. Он знал, что этим молодым людям можно позавидовать, но в итоге они уже для него не важны – они сыграли свою роль.

Поэтому Мирамон сказал:

– Тогда идите своей дорогой, и, если не встретите автора и разрушителя всего живого, это будет для вас хорошо, а если встретите его, это тоже хорошо, потому что таково его желание.

– Я не буду ни искать, ни избегать его, – ответил Мануэль. – Я только знаю, что должен следовать своим помыслам и желанию, которое не удовлетворено сновидениями, даже если они, – юноша, по-видимому, искал сравнение, а затем с улыбкой сказал: – великолепны, как рубины стран Востока.

После чего Мануэль попрощался с Мирамоном и его красавицей женой и стал спускаться с волшебного Врейдекса вместе со своей замухрышкой Ниафер. Оба были довольны, потому что с ними шло счастье, хотя и не очень долго.

Глава V

Засада Вечности

Мануэль и Ниафер без помех спускались с Врейдекса. Нигде не существовало более счастливого, да и более преданного влюбленного, чем юный Мануэль.

– Мы первым делом поженимся, милая коротышка, – говорил он, – и ты поможешь исполнить мой гейс, а после мы отправимся в путешествие на край земли, чтобы увидеть пределы этого мира и их оценить.

– Вероятно, нам лучше подождать до следующей весны, когда дороги станут лучше, Мануэль, но мы непременно первым делом поженимся.

В залог этого Ниафер позволяла Мануэлю поцеловать себя, и юный Мануэль говорил в очередной раз:

– Нигде нет такого счастья, как мое счастье, и любви, как моя любовь.

Вот так переговариваясь и вот так развлекаясь, они спустились к подножию серой горы и к старым кленам, под которыми обнаружили двух людей, явно кого-то поджидавших. Один – высокий мужчина, – сидя на белом коне, держал поводья другого черного коня без всадника. Шляпа у него была надвинута на лицо так, что едва можно было разглядеть его черты.

У второго – рыжего, с непокрытой головой – была внешность юнца, но его лица также было не разобрать, поскольку он сидел на обочине и подравнивал ногти маленьким ножичком с зеленой рукояткой.

– Приветствую вас, друзья, – сказал Мануэль, – и кого же вы здесь ждете?

– Я жду того, кто поскачет на моем черном коне, – ответил всадник. – Предписано, что первый, кто пройдет здесь, сядет в это седло, но вас двое, вы идете в обнимку. Поэтому выбирайте, кто из вас будет первым.

– Это отличный конь, – сказал Мануэль, – скакун, достойный Шарлеманя, или Гектора, или любого из знаменитых героев старины.

– Все они скакали на моем черном коне, – ответил незнакомец.

– Мне страшно, – прошептала Ниафер. Над ними в редкой, побуревшей листве кленов зашуршал укладкой ветер.

– Да, это отличный скакун, хоть и старый, – продолжил незнакомец, – он самый быстрый и неутомимый скакун, обгоняющий всех. Некоторые, правда, считают за недостаток, что его всадники не возвращаются, но всем не угодишь.

– Мой друг, – сказал Мануэль переменявшимся голосом, – кто ты и как тебя зовут?

– Я – брат Мирамона Ллуагора, повелителя девяти снов, но я – повелитель другого рода сна. А что до моего имени, то оно – в твоих мыслях. Это то, что больше всего страшит тебя, это то, о чем все думают с рождения.

Наступила тишина. Мануэль заставил губы двигаться.

– Если б мы шли по другой дороге! – сказал он. – Если б остались в стране сновидений!

– Все высказывают сожаления при встрече со мной. Но это уже не играет никакой роли.

– Если бы не выбор, то мне было бы легче вынести это. Ты говоришь, что только один последует за тобой, и если я скажу: «Ниафер» – я всегда буду помнить об этом и ненавидеть самого себя.

– Но я скажу то же самое! – Ниафер прижалась к нему: она дрожала.

– Нет, – заметил всадник на белом коне, – ты можешь выбрать.

– Увы, – ответил Мануэль, – другого я произнести не смогу. Однако мне бы хотелось, чтобы меня не принуждали в этом признаваться. Это звучит дурно. Так или иначе, я люблю Ниафер сильнее, чем кого бы то ни было, но я не могу ставить жизнь Ниафер выше своей, было бы просто нелепо так думать. Нет, моя жизнь мне весьма необходима, и на меня наложен гейс – я должен создать статую на этом свете, прежде чем покину его.

– Мой дорогой, – сказала Ниафер, – ты выбрал правильно.

Всадник ничего не сказал. Но он снял шляпу, и они затрепетали. Было видно родство с Мираном, поразительное сходство, но они ни разу не видели на лице изобретателя иллюзий того, что увидели здесь.

Затем Ниафер шепотом попрощалась с Мануэлем. Они поцеловались. После чего Мануэль помог ей подняться в седло, и Ниафер ускакала с Дедушкой Смертью вместо Мануэля.

– Сердце мое разрывается, – сказал Мануэль, мрачно рассматривая свои ладони, – но лучше она, чем я. Все же это скверное начало: вчера у меня в руках было огромное богатство, сегодня – огромная любовь, а сейчас я потерял все.

– Но в отношении того, как в чем-либо добиться успеха, вы рассуждаете неверно, – сказал другой незнакомец.

Теперь он перестал заниматься ногтями и поднялся. Было видно, что это высокий худощавый юнец, правда, не такой высокий, как Мануэль, и, конечно, не такой мощный, с румяными щеками, широко расставленными карими глазами и вьющимися темно-рыжими волосами.

Мануэль вытер о штаны свои влажные руки, и они зашагали вместе с этим юношей и тот рассказал о том, что было, и о том, что должно случиться. Мануэль сказал ему:

– Для меня, Горвендил (поскольку таково твое имя), подобные речи бессмысленны и не дают никакого утешения моему горю от потери Ниафер.

– Это лишь начало твоих утрат, Мануэль. Я думаю, что постепенно ты потеряешь все, некогда желанное, пока наконец не останется у тебя лишь пресыщение, усталость и тихое отвращение ко всему, что человеческая мудрость твоих предков побуждала тебя выполнить.

– Но, Горвендил, разве можно предсказать будущее? Или, может, Миранон прав, сказав, что вместе со смертью и судьба встречает покидающего эту гору?

– Нет, Мануэль, я не скажу, что я судьба или один из Леших, мне, скорее, кажется, что я сумасшедший. Поэтому чем меньше ты будешь меня слушать, тем лучше. Должен сказать тебе, что эта пустынная местность, эта гора, эта дорога, эти старые клены и вон тот камень существуют только в моем воображении; и ты, и эта Ниафер, от которой ты избавился не самым гуманным образом, и Миранон со своей прекрасной строптивой женой – все вы кажетесь мне персонажами, которых я придумал; и все происходящее на этом свете кажется мне лишь моими собственными фантазиями.

– Что ж, тогда определенно я бы сказал, или, скорее, я бы подумал, что необходимо сказать, что ты безумен.

– Ты говоришь без колебаний, и это происходит из-за твоей способности немедля осаживать чужие фантазии, благодаря чему ты, возможно, добьешься успеха.

– Да, но, – медленно спросил Мануэль, – что такое успех?

– В глубине твоей души, по-моему, этот вопрос уже решен.

– Несомненно, у меня есть свое мнение, но я спрашиваю о твоём.

Горвендил посмотрел сурово и, однако же, лукаво.

– Я где-то слышал, – говорит он, – что в своей высшей степени успех – всего лишь достижения бесхвостой обезьяны, отчаявшейся забраться на самый верх, но, однако, воображающей себя символом – неким полномочным представителем Всемогущего.

Мануэль, похоже, намотал это на ус.

– А чем занимается преуспевающая обезьяна?

– Она блуждает, переходя от тайны к тайне, при помощи жалких паллиативов, ничего не понимая, жадная во всех своих желаниях и одновременно пронизанная трусостью, но, однако, когда доходит до дела, готовая отдать все, даже умереть, ради той бредовой идеи, что она – наместница и наследница Небес.

Мануэль покачал своей небольшой головой.

– Ты употребляешь слишком много ученых слов. Но, насколько могу тебя понять, это не тот успех, о котором я мечтаю. Нет, я – Мануэль, и я должен следовать своим помыслам и своему желанию, не глядя на других людей и их представления об успехе.

– Что касается этого, то я вижу (будучи свидетелем того, как ты недавно избавился от своей возлюбленной), что ты уже в значительной степени освоил этот вид отрицания.

– Ха, но ты не знаешь, что происходит здесь, – ответил Мануэль, ударив себя в широкую грудь. – И я не стану говорить тебе об этом, Горвендил, поскольку ты не есть ни судьба, ни один из Леших, чтобы удовлетворить мое желание.

– А какое бы у тебя было желание?

– Я хочу всегда получать все, что могу пожелать. Да, Горвендил, я часто думал, почему в древних легендах, когда предложено три желания, никто не просит чего-то разумного и расчетливого с первого раза.

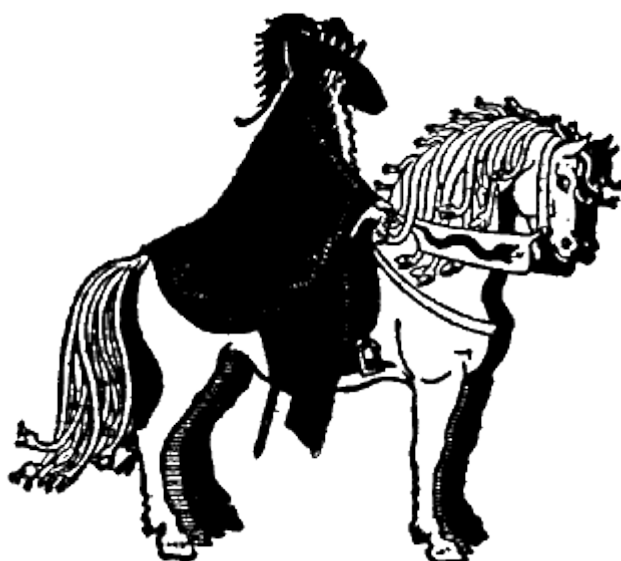
– Какая нужда беспокоить Леших по поводу такого скромного желания, если все всегда можно купить за определенную цену – получить все, что захочешь? Тебе нужно лишь идти вон туда, – показал Горвендил и объяснил Мануэлю одну, на первый взгляд, странную и рискованную затею. Затем он с грустью сказал:

– В этом-то пустяке в Михайлов день я не могу отказать никому. Но должен назвать тебе цену: по достижении каждого желания ты будешь ощущать, чего оно стоит!

Сказав это, Горвендил раздвинул кусты у дороги.

Там его ждала прекрасная, цвета сумерек, женщина в зеленом с голубым платье. На голове у нее сверкала голубая диадема, увенчанная зелеными перьями, в руке она держала вазу. Горвендил шагнул к ней, и кусты за ним сомкнулись.

Мануэль остался один. Ошеломленно озираясь, он прошел немного по дороге, а потом бросился ничком на землю и зарыдал. Причиной этого, как считают, было то, что юный Мануэль полюбил Ниафер так, как он не мог любить больше никого. Поплавав, он поднялся и отправился к Гарантонскому пруду – он возвращался домой, так ничего и не достигнув, во всем потерпев поражение.

Глава VI

Расчетливость Мафи

Все, что случилось на этот раз у Гарантонского пруда, доподлинно не известно, но, судя по всему, оказалось достаточно любопытным, чтобы придать мыслям Мануэля новое направление, однако при этом его мысли не стали веселей. Во всяком случае, Мануэль вернулся к своей сестре Мафи, которая была женой мельника, безо всякого оптимизма.

– И где тебя носило целую неделю? – спросила Мафь. – Свиньи-то совсем озверели и перерыли всю округу, мукомол целыми днями шпынял меня твоей никчемностью, а эта рыжая Сускинд каждый вечер спрашивала тебя и изводила меня жалобными стенаниями. И по какой такой причине ты хмур?

– У меня есть повод, – вздохнул Мануэль.

Он поведал ей о своих приключениях на Врейдексе, а Мафь сказала, что это доказывает, к чему приводит пренебрежение своими прямыми обязанностями, заключающимися в присмотре за свиньями ее супруга. Затем Мануэль поведал ей о том, что случилось у Гарантонского пруда.

Мафь укоризненно покачала головой:

– Бесстыдник, ведь твоя Ниафер едва устроилась в раю, а твоя Сускинд воеет о тебе в своих сумерках! Впрочем, это, наверно, Алианора – Недоступная Принцесса. Говорят, это она появляется в виде лебедя с той стороны Бискайского залива – прилетает из далекой страны Прованс, чтобы искупаться в нашем пруду, навевающим странные сны, а потом она надевает платье Апсар, когда ей приходится спастись от такого бесстыдного плута, каким оказался ты.

– Да-да! Одевание все было из сверкающих белых перьев, сестра. Вот одно, которое сломалось, когда я пытался ее схватить.

Мафь повертела перо в руке.

– Смотри-ка! Первый раз вижу такое чудо! Все же сломанное перо никому не нужно, а я не выношу у себя на кухне всякого хлама, сколько можно тебе говорить?

И Мафь бросила сверкающее белое перо в огонь, на котором подогревалась похлебка. Какое-то время они наблюдали, как горит перо, и Мануэль со вздохом сказал:

– Дни мои расточаются, и моя юность пропадает в безнадежном захолустье, где Сускинд только об одном и думает, где нет никого умнее Ниафер и где нет девушек, прелестных, как Алианора.

Мафь сказала:

– Я никогда не говорила плохого о мертвых. Так что пусть удача и прекрасные слова сопутствуют Ниафер в ее языческом раю. О Сускинд тоже, – Мафь перекрестилась, – чем меньше сказано, тем лучше. Но что до твоей Алианоры, то я тебе скажу, что порядочная девушка не станет летать, показывая свои лодыжки пяти народам, и снимать платье в местах, где может пройти кто угодно, к тому же в понедельник. Это совершенно неприлично, и куда смотрят ее родители?

– Но, сестра, она же принцесса!

– В том-то и дело. Вот я и сожгла это перо, поскольку не годится людям нашего звания что-либо брать у принцесс, пусть даже простое перо.

– Сестра, ты права! Согласен, что нехорошо красть, и это, по-видимому, накладывает на меня еще один долг и еще одно обязательство, которое надо выполнить, потому что, взяв это перо, я взял то, что мне не принадлежало.

– Мальчик, не думай меня одурачить, – когда у тебя на лице такое выражение, я знаю, что ты придумал очередную ерунду. По тому, как ты описал это дело, я догадываюсь, что легкомысленная, совершенно голая принцесса решила, будто ты собираешься отобрать у нее что-то другое. Поэтому я сожгла перо, чтобы его не узнали и не отправили тебя на виселицу или еще куда похуже. Ты почему не

вытер ноги, прежде чем зайти на мою чистейшую кухню? И сколько раз, по-твоему, мне нужно тебе об этом говорить?

Мануэль ничего не сказал. Он, похоже, решал в уме сложную задачу. Потом он вышел на птичий двор мельника, поймал гуся и выдернул у него перо. Затем Мануэль надел свой воскресный костюм.

– Слишком хорош, чтобы ты в нем странствовал, – сказала Мафь.

Мануэль посмотрел сверху вниз на сестру и пару раз моргнул своими странными, сверкающими глазами.

– Глупая, если б я был прилично одет, когда стал господином подозрительного дворца, госпожа Жизель отнеслась бы ко мне серьезней. Я помню, что она сказала о моих локтях.

– По одежке только встречают, – благочестиво ответила Мафь.

– Именно любовь к поговоркам сделала из тебя мельничиху, и ты будешь ею до скончания веков. Теперь я понял причину своих неудач на Врейдексе, а от безумного Горвендила я узнал, что должно случиться.

– Потому ты стал отращивать волосы? – подозрительно спросила Мафь.

Мануэль сказал:

– Да.

– Мальчик мой, нарушение правил может тебе дорого обойтись.

– Тоже рискованная затея, сестричка, однако мы все волей-неволей делаем ставки в этой игре.

– Сейчас ты говоришь чушь...

– Может, и так, но я начинаю подозревать, что и заведомая чушь может принести добрые плоды. Может, я не прав, но проверю свои догадки.

– Интересно, за какой такой дуростью погонишься ты теперь, чтобы только не присматривать за стадом?

– Я – Мануэль, сестра, я должен следовать своим помыслам и своим желаниям, а и то и другое намного выше свиней.

После чего Мануэль поцеловал Мафь и, вновь не попрощавшись с Сускинд, отправился в далекую страну Прованс.

Глава VII

Корона Мудрости

Случилось так, что, когда король Гельмас поехал на охоту в Невет в первое полнолуние после осеннего равноденствия, называемое Луной Охотника, ему повстречался громадный, пышущий здоровьем малый, весьма достойно одетый во все черное, у которого был странно опущен один глаз и который, по-видимому, искал приключений в осеннем лесу. И тут король вспомнил, что ему предсказали.

- Что это я вижу у тебя в кармане завернутое в красный шелк?
- Это перо, король, завернутое в лоскут от лучшей юбки моей сестры.
- Да славится твоя темная магия, мой друг, однако за какую цену ты продашь мне это перо?
- Но перо никому не нужно, король, ибо, как видите, это совершенно обычное перо.

– Ну, ну! – рассмеялся король. – Разве где-нибудь заворачивают обычное перо в красный шелк? Мой друг, не думай обмануть короля Албании Гельмаса, а то не поздоровится. Я точно узнаю в этом сверкающем белом пере перо, которое потеряла в лесу во время линьки Жар-Птица – еще в древности, до того, как мои деды пришли в эту страну. Ибо предсказано, что такой вот молодой кудесник, как ты, принесет глупейшему королю, правящему Этиопами, это перо, которое дарует его владельцу совершеннейшую мудрость. И для тебя было бы богохульством оспаривать пророчество.

– Я не оспариваю вашу глупость, король Гельмас, да не оспариваю и ничьих пророчеств в мире, где нет ничего определенного.

– Однако, по крайней мере, определенно, – заметил король Гельмас, строго нахмурившись, – а именно то, что среди Этиопов все, оспаривающие пророчества, сжигаются на костре.

Мануэль чуть вздрогнул и сказал:

– Оно мне кажется самым обычным пером. Но ваши пророки – без сомнения, вполне заслуженно – больше славятся мудростью, чем я, а смерть на костре достаточно непривлекательна! Поэтому я вспоминаю, что говорил мне один сумасшедший, и, раз вы уверены, что это перо Жар-Птицы, я продам его вам за десять цехинов.

Король Гельмас неодобрительно покачал головой.

– Так вообще не пойдет, эта цена меня не устраивает, поскольку предсказано, что за это перо ты попросишь десять тысяч цехинов.

– Я особо не желаю показаться неверующим теперь, когда стал молодым кудесником. Поэтому вы лучше получите перо за вашу цену, и не будем мешать исполнению пророчеств.

Затем Мануэль поехал на одном коне с королем, не хотевшим выпускать Мануэля из поля зрения, и так они добрались до Брунбелуа и до увитого плющом дворца короля Гельмаса. Они приблизились к двум аркам, расположенным по соседству: меньшая для пешеходов, а другая для всадников. Над ними в нише находилась конная статуя и большое окно, разукрашенное узорами из сердец и чертополохов.

Они въехали в большую дверь, и в тот же день двенадцать герольдов в ярко-красных камзолах, расшитых золотыми цветами чертополоха, выехали из этой двери, чтобы объявить об исполнении пророчества, касающегося пера Жар-Птицы, и в тот же день жрецы Этиопов вознесли благодарения во всех подземных храмах. Простой люд, который последние десятки лет стыдился того, что живет под властью такого короля дурака, обнимался, танцевал и распевал патриотические песни на каждом углу. Собрался Нижний Совет и проголосовал, что, из уважения к его величеству, День Всех Дураков изымается из календаря. Впрочем, королева Пресина (родом из водяных), в спешке сжигая личные бумаги, заявила, что на это следует посмотреть и с другой стороны. Вечером были устроены фейерверки, король произнес речь, а Мануэлю заплатили десять тысяч цехинов.

Потом Мануэль в течение месяца пребывал при дворе короля Гельмаса, отмечая повсюду то, что

казалось самым примечательным. Его весьма любила знать, и, когда бароны и светские дамы собирались по вечерам потанцевать паваны и бранли, никто не танцевал более величаво, чем мессир Мануэль. Он был тих с дамами, а с баронами – прост, что восхищало в могучем кудеснике, чья магия принесла королю давно желанное перо Жар-Птицы. «Но самый ученый, – как справедливо сказал король Гельмас, – всегда самый скромный».

Теперь Гельмас носил перо из крыла мельникова гуся прикрепленным ко второй своей самой лучшей короне, потому что в ней он обычно вершил суд. И когда по округе пронесся слух, что у короля Гельмаса перо Жар-Птицы, Этиопы с радостью шли под суд, а соседние короли начали отсылать к нему наиболее запутаннее дела, и все его приговоры воспринимались с благоговением, поскольку все знали, что мудрость короля Гельмаса теперь непогрешима и что критиковать его вердикты – лишь выказывать собственное скудоумие.

И теперь, когда сомнения в самом себе покинули его душу, Гельмас жил без забот, улучшилось его пищеварение, а его доброта была бесконечна, поскольку он не мог гневаться на жалких недоумков, которые были беспомощны там, где он, Гельмас, все раскумекивал до тонкостей. И все его деяния были милосердными и справедливыми, и народ славил его. Даже королева согласилась, что можно привыкнуть к его манерам, но, чтоб из тебя не сделали «тряпку», надо проявить некоторую твердость и заставить его понять раз и навсегда, что ждать, пока он явится к столу, не будут. Впрочем, по ее мнению, некоторым женщинам бывает и хуже.

А Мануэль между тем достал глину и вылепил фигуру молодого человека, у которой были черты лица и мудрый взгляд короля Гельмаса.

– Я вижу сходство, – сказал король, – хотя в ней и не отдается мне должного. Однако любопытно, почему ты изобразил меня совершенным молокососом и, кроме того, сделал похожим на себя?

– Не знаю, – ответил Мануэль, – но, полагаю, из-за гейса, наложенного на меня: я должен создать великолепного и восхитительного во всех отношениях молодого человека, а не старика.

– И тебя эта скульптура удовлетворяет? – спросил король с мудрой улыбкой.

– Она мне нравится сейчас, когда только закончена, но я почему-то уверен, что это не та фигура, которую я мечтаю создать. Нет, я должен следовать своим помыслам и своему желанию, а мудрость мне ни к чему.

– Эх вы – художники! – сказал король. – Сейчас я бы посчитал, несмотря на всю мощь твоих чар, что мудрость тебе, мессир Мануэль, крайне необходима, особенно если ты собираешься ехать куда-то еще, дабы искать нужный вид для своей фигуры. Я тебе скажу, что такие разъезды в поисках неопределенных выразительных средств не кажутся мне наделенными здравым смыслом.

Но юный Мануэль твердо ответил:

– Я разъезжаю, чтобы собрать для себя про запас все, что есть у жизни. Я уверен, что мой урожай взойдет из семени, которое я сам посеял. Мой гейс – силен, и, рано или поздно, я исполню его, и дальнейшая судьба будет наградой мне как плата за фигуру, которую я создаю в этом мире людей.

– Я вижу детали, однако в целом фигура скрыта от меня, лишь порой она мерцает вдали, будто в свете некоего сна. И неважно, любовь или отвращение родится во мне, когда ее лицо станет видно отчетливо, – как скажет судьба, так скажу и я, служащий своему гейсу, потому что в свое время возьму плату, что по справедливости мне положена за фигуру, которую я создаю в этом мире людей. Этому творению я отдаю все силы юности, весь пыл и знаю, что никакие таланты, которыми наделил меня Бог, не дадут мне ничего, если провалится эта затея. Потому все, что есть у меня, должен я привнести в этот образ, дабы сделанное мною осталось жить, когда время разделается и со мной и смерть отделит меня от фигуры, которую я создаю в этом мире людей.

На это король весьма сухо заметил:

– В сказанном тобой что-то есть. Но это что-то, могу тебя уверить, отнюдь не мудрость.

Так что все в Албании были счастливы, за исключением Мануэля, заявившего, что он доволен, но не удовлетворен образом, который создал по подобию короля Гельмаса.

– Кроме того, – говорили ему, – вы выглядите так, словно ваша душа чем-то вас тревожит.

– По сути, я просто ошеломлен при виде того, как ожидаемая от дурака мудрость сделала его умником.

– Но это же причина для радости и подтверждение могущества ваших чар, мессир Мануэль, тогда как вы просто думаете о сопряженных с неприятностями материях.

Мануэль же ответил:

– Я думаю, нехорошо что-то у кого-то красть, и считаю, что мудрость весит ровно столько, сколько и перышко.

Затем Мануэль зашел на птичий двор короля Гельмаса, поймал гуся и выдернул у него из крыла перо. В этот раз Мануэль выехал разодетый, в парчовых штанах и при золотых шпорах. Статуя, которую он создал по подобию короля Гельмаса, была упакована в роскошный дорожный мешок из тисненой кожи. В этот путь, по дороге на юг, огромный Мануэль отправился на здоровенном, под стать ему, коне в яблоках, ибо денег у Мануэля теперь было полным-полно.

Глава VIII

Нимб Святости

Далее Мануэль на корабле пересекает роковой Бискайский залив, постоянно держа курс на Прованс и Алианору, которую называли Недоступной Принцессой. Говорят, что за кораблем следовал Пловец Ориандр, однако он не пытался причинить вреда Мануэлю.

Затем Мануэль ступает в страну порочного короля Фердинанда, и в День Всех Святых громадного, пышущего здоровьем молодого человека приводят в королевскую камеру пыток. Король Фердинанд в то время не бездельничал, но он достаточно милостиво отвлекся от своих занятий, и почти тотчас же его жизнерадостное лицо помрачнело.

– Боже мой! – говорит Фердинанд, роняя раскаленные добела клещи в ведро с водой. – А я надеялся, ты не побеспокоишь меня еще добрый десяток лет!

– Если я вообще вас беспокою, то это чистая случайность, – очень вежливо заявляет Мануэль, – да я бы по своей воле и не зашел сюда. И, не говоря худого об обстановке этих покоев, тут есть пара предметов, которые, по-моему, выдают застенки.

– Так может и оказаться. Между тем что это у тебя в кармане завернутое в красный шелк?

– Это перо, король, завернутое в лоскут от лучшей юбки моей сестры.

Тут Фердинанд вздохнул и с сожалением оторвался от своих любимых экспериментов, от того, что осталось от маркиза де Энестрозы, к которому этим утром у короля появилась неприязнь.

– Так-так! – сказал Фердинанд. – Однако, в конце концов, я провел прекрасные времена в гнусностях и беззаконии, и есть на что оглянуться! Итак, за какую цену ты продашь мне это перо?

– Но наверняка перо никому не нужно, король, разве оно не кажется совершенно обычным пером?

– Ну-ну! – говорит король Фердинанд, намыливая руки. – Разве где-нибудь заворачивают обычные перья в красный шелк? Косоглазый мошенник, не думай лишить меня вечного блаженства подобными, дурацкими речами! Я узнал в этом перо, которое Милка вырвала из левого крыла архангела Орифиила, когда сыны Божии находились в более запутанных и скандальных отношениях с дочерьми человеческими, чем принято ныне.

– В общем, сударь, – ответил Мануэль, – может, вы и правы, в мире нет ничего определенного. В любом случае я сделал вывод, только завидя эту пару предметов, что лучше не спорить с королем Фердинандом.

– Как я могу быть не прав, когда давным-давно предсказано, что такой божественный посланник, как ты, принесет эту священную реликвию, чтоб отвратить меня от грехов и сделать из меня святого?

– Мне оно кажется совершенно обычным пером, король. Но я помню, что сказал мне один сумасшедший, и не считаю, что ваши пророки умнее меня, ведь я сделался божественным посланником совсем недавно.

– Тогда назови цену.

– Думаю, было бы более уважительным, сударь, справиться у пророков, ибо я нахожу их щедрыми и великодушными существами.

Фердинанд кивнул в знак одобрения.

– Весьма благочестивая речь, поскольку в пророчестве говорилось, что эта реликвия будет дана мне вообще без вознаграждения крупным дворянином. Поэтому я должен тотчас же составить тебе грамоту, полагаю, на графский титул, и должен отписать тебе вчерашним числом плодородные земли и крепкий замок или два.

– Несомненно, – сказал Мануэль, – для вас было бы неразумно пренебречь соответствующим уважением к такому знаменитому пророчеству, тем более что чернильница у вас под рукой.

Поэтому король Фердинанд послал за графом Пуактесмским и объяснил ему по старой дружбе, как обстоят дела, и в тот же день высокородного графа исповедали и обезглавили. Пуактесм стал теперь вакантным местом и король Фердинанд пожаловал Мануэлю дворянство и сделал его графом Пуактесмским.

Правда, тогда всем Пуактесмом владел герцог Асмунд, возглавлявший войско норманнов, с презрением отрицавший власть короля Фердинанда и побеждавший его на поле брани с досадным постоянством. Так что Мануэль в настоящее время не приобрел ничего, кроме громкого титула.

– Я думаю, что очень скоро какая-нибудь беда случится с Асмундом и его гнусными приспешниками, и нам не нужно будет из-за них волноваться, – успокоил Мануэля король Фердинанд.

– Но как я могу быть в этом уверен, сударь? – спросил Мануэль.

– Граф, меня удивляет подобный скептицизм! Разве не ясно утверждается в Священном писании, что, хотя нечестивые могут какое-то время процветать, они вскоре будут подкошены, как зеленеющее дерево?

– Да, разумеется. Поэтому нет сомнения в том, что ваши воины скоро победят герцога Асмунда.

– Но я не должен посылать солдат воевать против него сейчас, когда я – святой. Это выглядело бы неприлично и имело неблагоприятный вид подсказки Небесам.

– Все же, король, вы посылаете войска против мавров...

– Ах, но это же не ваши земли, граф, а мой город Уведа, на который напали мавры, а нападать на святого, что вы без сомнения должны понимать, опасная ересь, подавить которую – мой долг.

– Да, разумеется. Значит, вот так! – сказал Мануэль. – Что ж, быть графом – это кое-что, и лучше бережно носить красивое имя, чем караулить стадо свиней, хотя, по-видимому, со свиньями не пропадешь с голоду.

Между тем герольды короля в парадных доспехах разъехались по округе, чтобы объявить об исполнении древнего пророчества, касающегося пера архангела Орифиила. Никогда прежде не бывало в этих краях такого шума, ибо в колокола всех церквей звонили день-деньской, а весь народ бегал вокруг, молясь что есть мочи, прощая родственников, целуя девушек, свистя в свистки и звеня бубенчиками, поскольку город теперь стал прибежищем реликвии настолько священной, что и последний грешник, лишь коснувшись ее, очищался от любой скверны.

В этот день король Фердинанд прогнал дурных сотоварищей, с которыми он так долго буйствовал, прибегая ко всем возможным порочным способам, и зажил, как святой. Он строил по две церкви в год и питался одними кореньями и травами; он ежедневно мыл ноги трем беднякам и ходил в рубище; когда сжигали еретиков, он сам приносил и складывал дрова, чтобы никого не обременять; и он сделал матерями-настоятельницами своих самых близких друзей прежних дней, поскольку знал, что люди делаются святыми при соприкосновении со святостью.

А граф Мануэль пребывал в течение месяца при дворе короля Фердинанда, отмечая повсюду то, что казалось самым примечательным. Мануэль в основном нравился избранным, и по вечерам, когда двор собирался на домашнюю молитву, никто не был более набожен, чем граф Пуактесмский. Он был тих с матерями-настоятельницами, а с анахоретами и епископами – прост, что не могло не восхищать в божественном посланнике. «Особая благосклонность Небес, – как указывал король Фердинанд, – всегда сберегается для скромных людей».

Перо из крыла гуся Гельмаса король Фердинанд велел прикрепить к неприязательной камилавке с нимбом из золотой канители, которую он теперь носил вместо тщеславной земной короны, чтобы постоянная близость с этой реликвией умножала его святость. И теперь, когда его душу покинула неуверенность в самом себе, Фердинанд жил без забот, и его пищеварение улучшилось за счет легкой диеты из кореньев и трав, и его доброта была бесконечна, поскольку он не мог сердиться на жалких грешников, которых ожидают бесконечные муки ада или чистилища, в то время как Фердинанд в раю будет играть на золотой арфе.

Поэтому Фердинанд со всеми обходился мягко и великодушно. Половина его подданных говорила, что это им все просто кажется, а остальные утверждали, что в самом деле такое вполне возможно, что они

всегда мечтали об этом и теперь думают только о том, чтобы молодежь извлекла для себя пользу и относилась к подобным вещам посерьезней.

А Мануэль достал глину и вылепил фигуру, у которой были черты лица и кроткий взгляд Фердинанда.

– Да, в этом молодом человеке, которого ты сделал из грязи, есть что-то от меня, – согласился король, – хотя материал, конечно же, не может передать цвет лица и красный нос, которые у меня были до духовного возрождения, когда я думал о всякой тщете; и, кроме того, он весьма похож на тебя. Все же, граф, в этой вещи есть чувство, здоровье, она свежа и свободна от модного сейчас болезненного внимания к анатомии, и это делает тебе честь.

– Разумеется, король, мне эта фигура нравится сейчас, когда она только закончена, но я почему-то уверен, что это не та фигура, которую я мечтаю создать. Нет, я должен следовать своим помыслам и своим желаниям, и святость мне ни к чему.

– Эх вы, художники! – сказал король. – Но у тебя на уме нечто большее, чем грязь месить.

– По сути, король, я ошеломлен тем, как создали святого, и тем, как легко все достается, если этого от вас ждут.

– Пустяки, граф, это никого не должно печалить, я пока не жалею. Но на самом деле ты думаешь о чем-то более серьезном.

– Я думаю, сударь, что нехорошо что-то у кого-то красть, и считаю, что абсолютная праведность – это красивое перо на шапочке.

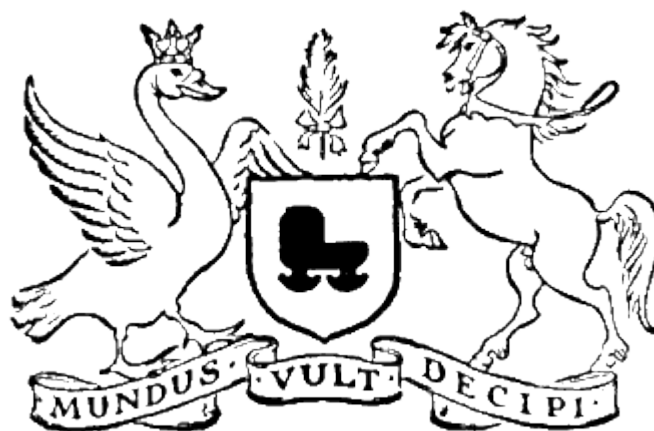
Затем Мануэль зашел на птичий двор за дворцом короля Фердинанда, поймал гуся и выдернул у него из крыла перо. После чего граф Пуактесмский выехал на громадном в яблоках коне и пустился в путь на восток, в сопровождении свиты. Шестеро слуг в желто-голубых ливреях галопом скакали за ним, двое везли впереди в мешках с золотой диадемой изваяния, созданные доном Мануэлем. А третий – оруженосец – вез щит дон Мануэля, на котором был изображен вставший на дыбы и взнузданный жеребец Пуактесма, но у старого герба пришлось изменить девиз.

– Что это за латынь? – спросил дон Мануэль.

– «Mundus decipit», граф, – сказали ему, – древний благочестивый девиз Пуактесма: он означает, что дела мира сего – суетная мимолетная видимость и что земные подвиги нигде особо не ценятся.

– Подобный девиз обнаруживает крайнюю неопытность хозяина, – сказал Мануэль, – и для меня носить его было бы черной неблагодарностью.

Поэтому надпись переписали в соответствии с его указаниями, и теперь она гласила: «Mundus vult decipi».

Глава IX

Перо любви

В таком виде граф Мануэль появился рождественским утром – через два дня после того, как ему исполнился двадцать один год, – в Провансе. Эта страна, имевшая славу колдовской, никоим образом не показала каких-либо необычных особенностей, если не считать того, что мраморный королевский дворец был огорожен серебряными пиками, на которых торчали набальзамированные головы молодых людей, помогавшихся руки принцессы Алианоры. Слугам Мануэля сперва это не понравилось, и они сказали, что мертвые головы не подходят к рождественскому убранству, но дон Мануэль объяснил, что во время всеобщего веселья такой палисад тоже выглядит забавно, тем более (погода в этих краях стояла, в сущности, невиданная), ночью выпал снег и кажется, что на каждую голову надели ночной колпак.

Мануэля провели к Раймону Беранже – графу Провансскому и королю Арльскому, устроившему рождественский пир в теплом зале. Раймон восседал на изящном троне из резной слоновой кости и золота под пурпурным балдахином, а рядом с ним на точно таком же троне, только чуть поменьше, сидела дочь Раймона Беранже Алианора – Недоступная Принцесса в платье из муарового шелка семи цветов, отороченном темным мехом. В ее короне выделялись хризолиты и аметисты: чудо, насколько ярко они сверкали, но они были не так прекрасны, как глаза Алианоры.

Она пристально смотрела на Мануэля, идущего по залу с высоко поднятой головой, где, согласно рангам, сидели бароны. Говорят, у нее было четыре причины запомнить этого дерзкого, громадного, косоглазого, белобрысого малого, которого она повстречала у Гарантонского пруда. Она зарделась и заговорила с отцом на свистяще-шипящем языке, которым пользуются в своем кругу Апсары. И отец смеялся долго и громко. Отсмеявшись, Раймон Беранже говорит:

– Все могло бы выйти намного хуже. Ну-ка, скажи мне, граф Пуактесмский, что это я вижу у тебя в нагрудном кармане завернутое в красный шелк?

– Это перо, король, – заученно отвечает Мануэль, – завернутое в лоскут от лучшей юбки моей сестры.

– Ага, – говорит Раймон Беранже с усмешкой, становящейся даже благожелательной, – и мне не надо спрашивать, какую цену ты ожидаешь за это перо. Тем не менее ты – знаменитый искусный волшебник благородного сословия, который, без сомнения, убил достаточное количество великанов и драконов и который навсегда отвращает королей от глупости и порочности. Ты появился в моем королевстве далеко не незнакомцем, ибо добрая молва обгоняет добрые деяния. И, повторяю, все могло бы выйти намного хуже.

– Теперь послушайте все вы, что празднуете здесь Рождество! – вскричал Мануэль. – Не так давно я украл у вашей принцессы перо, и этот грех у меня на душе был тяжелее пера, поскольку я взял то, что мне не принадлежало. Поэтому я посчитал за долг отправиться в Прованс, чтобы вернуть ей его. Однако по дороге случилось так, что в день Святого Михаила я принес мудрость в одно королевство, а в день Всех Святых я принес благочестие в другое королевство. И только Небеса знают, что я принесу в ваше королевство в самый светлый праздник Небес. На первый взгляд, перо может показаться совершенно обыкновенным. Впрочем, жизнь на белом свете, как я обнаружил, намного страннее, чем некогда представлялось юному свинопасу в его плетеной хижине, а люди повсюду питаются собственной верой так, как не сможет никого насытить никакая свинина.

Раймон Беранже, с мудрым видом кивнув, сказал:

– Я чувствую, что у тебя на сердце, и равным образом вижу, что у тебя в кармане. Так зачем ты говоришь мне то, что все знают? Все знают, что платье Апсар, являющееся главным сокровищем Прованса, потеряло силу, так что моя дочь не сможет больше летать в виде лебедя, пока перо, которое у тебя в кармане, не будет с древними магическими формулами возвращено на место.

– В самом деле, это все знают! – говорит Мануэль.

– Все знают также, что моя дочь чахнет, потеряв возможность двигаться на свежем воздухе и по

желанию менять климат. И, в конце концов, все знают, что, по самому благоразумному совету дочери, я пообещал ее руку тому, кто вернет это перо, и смерть всякому наглецу, который посмеет войти сюда без него, чему свидетельством ограда моего дворца.

– Ах, ах! – с улыбкой говорит Мануэль. – По-видимому, сия чаша еще не миновала меня!

– За этим, как ты признался, ты и появился в Провансе; и мне, у которого глаза еще видят, надеюсь, нет нужды говорить, что ты успешно достиг цели. Так зачем ты продолжаешь говорить мне о том, что я знаю так же хорошо, как и ты?

– Но, король Арльский, откуда вы знаете, что это не простое перо?

– Граф Пуактесмский, разве люди где-нибудь...

– О, избавьте меня от этой обывательской логики, сударь, и я соглашусь с чем пожелаете!

– Тогда прекрати городить чушь и возврати моей дочери перо!

Мануэль взошел к белому трону Алианоры.

– Мне выпала удивительная судьба, – сказал Мануэль, – но еще более странно и невозможно то, что я стою возле вас и держу вашу маленькую ручку. Вы, вероятно, не настолько красивы и умны, как Ниафер. Тем не менее ваша прелесть, Недоступная Принцесса, избавила меня от тщетной печали уже через полчаса после того, как я потерял Ниафер. Ваша красота зажгла мечту и неудовлетворенность в сердце свинопаса, дабы вывести его в мир на запутанные дороги и вершины, а в самом конце поставить его в золоте, атласе и дорогих мехах здесь, у вашего трона; и в самом конце рука Недоступной Принцессы лежит в его руке, а в его сердце – горе.

Принцесса же сказала:

– Я ничего не знаю об этой Ниафер, которая, вероятно, не лучше, чем ей следует быть, да и не догадываюсь о причине вашего горя.

– А разве не правда, – неуверенно спросил Мануэль, – что вы обязаны выйти замуж за человека, вернувшего перо, украденное у вас близ Гарантонского пруда, и не можете выйти замуж ни за кого другого?

– Правда, – ответила она прелестным, слегка испуганным голосом, – и я уже не печалюсь, что это так, и, по-моему, с вашей стороны невежливо горевать по этому поводу.

Мануэль невесело рассмеялся:

– Вот как, мы век живем и век учимся! Я вспоминаю одного доверчивого малого, который наблюдал, сидя у очага, как сгорает волшебное перо, а думал о капустной похлебке, потому что опыт предков убедил его, что от пера никому нет никакой пользы. И это после того, как он видел, что можно сделать со старой уздечкой, утиным яйцом, с чем угодно! В общем, вода, прорвав плотину, должна течь дальше, даже если это поток слез...

Тут Мануэль слегка пожал широкими плечами. Он вынул из кармана перо, которое выдернул из крыла Фердинандова гуся. Он сказал:

– Некое перо я взял у вас в красном осеннем лесу, и некое перо я возвращаю теперь вам, моя принцесса, в вашем белом дворце, не прося никакой награды и не требуя помнить обо мне до конца дней, но лишь стараясь не оставить ни одного обязательства невыполненным и ни одного долга неоплаченным. А лучше ли в этом мире, где нет ничего определенного, одно перо другого, я не знаю. Вполне может статься, что я прямо сейчас приму судьбу из прекрасных уст, и вскоре моя голова будет сохнуть на серебряной пике. Даже при этом я счастлив выкинуть из своей души все сомнения.

Он подал ей перо, которое выдернул из третьего гуся, и трубы затрубили в знак того, что поиски пера Алианоры завершились, а все придворные закричали здравницы в честь графа Мануэля.

Алианора посмотрела на предмет у себя в руке и увидела, что это гусиное перо, ничем не напоминающее то, перо, которое она в девическом смущении, спасаясь от чересчур откровенного напора Мануэля, выдернула из платья Апсар и бросила к ногам Мануэля для того, чтобы отец был вынужден

объявить этот конкурс, победитель которого был известен заранее.

Затем Алианора взглянула на Мануэля. Сейчас перед ней странные неодинаковые глаза этого огромного молодого человека были ясны и непоколебимы, как алтарные свечи. Подбородок у него был поднят, и ей казалось, что этот красивый малый готов услышать правду, означающую для него смертный приговор. Принцесса не могла этого допустить.

Алианора сказала с прелестной спокойной улыбкой:

– Граф Мануэль успешно завершил поиски. Он вернул мне перо из платья Апсар. Я узнаю его.

– Что ж, разумеется, – сказал Раймон Беранже. – Тогда возьми иглу и рецепт древних магических формул, почини платье и на деле покажи всем моим баронам, что платье возвращена прежняя сила: полетай немного по залу в виде лебедя. Ибо все нужно делать в установленном порядке, дабы не вызвать кривотолков.

Положение донна Мануэля выглядело весьма щекотливым, так как они с Алианорой знали, что платье безнадежно испорчено и добавление любого количества гусиных перьев не превратит Алианору в лебедя. Однако приятное румяное лицо юноши оставалось учтиво послушным желаниям своего хозяина и не меняло выражения.

Но Алианора с негодованием сказала:

– Отец, ты меня удивляешь! Неужели у тебя вообще нет чувства приличия? Тебе следует знать, что не подобает помолвленной девушке летать по Провансу в виде лебедя, тем более над обществом мужчин, которые пили все утро. Это приведет к сплетням и слухам.

– Верно, моя милая, – смущенно сказал Раймон Беранже, – и такие настроения делают тебе честь. Вероятно, я лучше предложу что-нибудь другое.

– В самом деле, отец, я догадываюсь, что ты предложишь. И считаю, ты прав.

– Я не непогрешим, моя милая. Но все же...

– Да, ты совершенно прав. Не к лицу любой замужней женщине иметь подобное платье. Не говоря уж о том, как ты и сказал, что о ней будут нашептывать друг другу люди, да и какие отвратительные шутки она может сыграть со своим мужем.

– Дочь моя, я лишь собирался сказать тебе...

– Да, и ты изложил это неопровержимо. Ибо ты, имеющий славу самого мудрого графа, когда-либо правившего в Провансе, и самого проницательного короля, который был у Арля, отлично знаешь, как люди болтают, и как люди любят поболтать, и как все перетолковывают в худшую сторону; и ты также знаешь, что мужу такая болтовня будет не по душе. Несомненно, я о таком и не думала, отец, но считаю, что ты прав.

Раймон Беранже погладил густую короткую бородку и сказал:

– Поистине, дочь моя, мудрый и проницательный я или нет... хотя, как ты говоришь, конечно, были достаточно добрые люди, чтобы считать... и в прошениях тоже... Однако, может, оно и так, и, оставляя в стороне то обстоятельство, что все любят, когда их ценят, должен признаться, не могу вообразить другого подарка, более подходящего к этому великому празднику, более приятного любому мужу, чем пепел этого платья.

– Вот слова, – заявляет тут Алианора, – вполне достойные Раймона Беранже, и я всегда удивлялась твоей потрясающей способности излагать свои мысли.

– Это божий дар, – с надлежащей скромностью сказал король-граф, – который одним дан, а другим нет, так что за него я особого уважения не заслуживаю. Но, как я говорил, когда ты меня перебила, моя милая, молодости нужно перебеситься, поскольку (как я часто думал) мы молоды лишь раз, и поэтому я закрывал глаза на твои прогулки по дальним странам. Но муж – это совсем другой коленкор. Мужу не понравится, когда его жена летает над верхушками деревьев, над горами и долами, причем никто за ней не следит: это правда. Поэтому, будь я на твоём месте и имей достаточно мудрости, чтобы послушать старика отца, который любит тебя и мудрее тебя, моя милая... что ж, сейчас, когда ты собираешься выйти

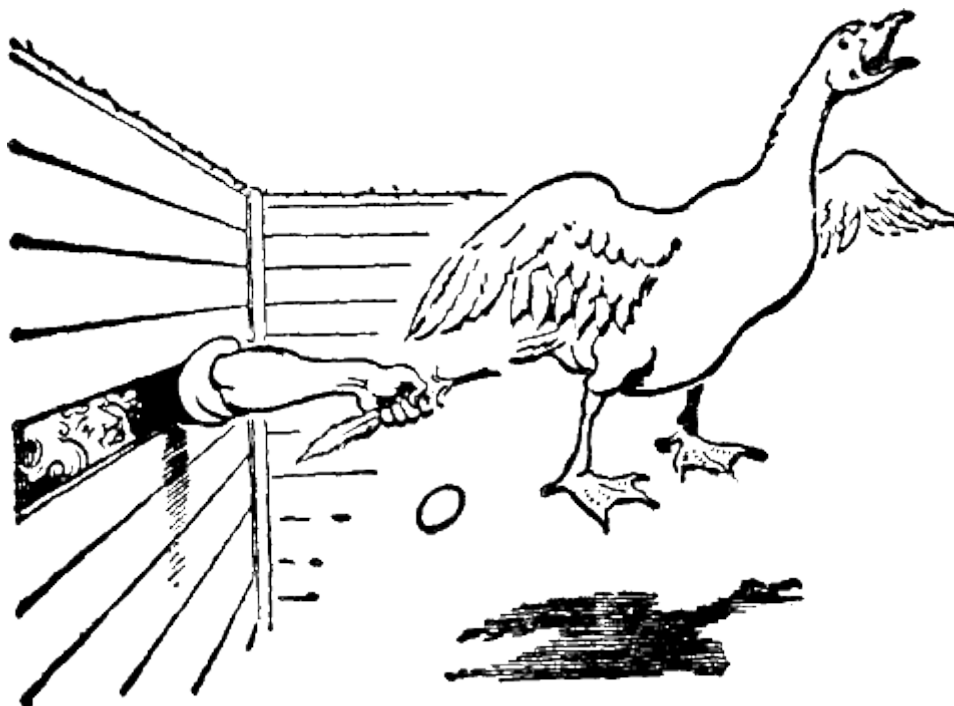
замуж, повторяю тебе со всей возможной серьезностью, моя дорогая, я бы спалил это перо, а заодно и платье, если только граф Мануэль на это согласится. Ибо именно он теперь обладает властью над всем твоим имуществом, а не я.

– Граф Мануэль, – сказала Алианора со своей прелестной спокойной улыбкой, – понимаете, мой отец упрям, а мой долг повиноваться ему. Я не скрываю, что по его настоянию прошу у вас разрешения уничтожить эти волшебные вещи, ценность которых неизмеримо выше женской мольбы. Но теперь я знаю, – они встретились взглядом, и любой молодой человек, имеющий в груди сердце, увидел бы в ясных восторженных глазах Алианоры лишь одну, почти невыносимую радость, – но теперь я знаю, что вы, который должен стать моим мужем и который принес мудрость в одно королевство, а благочестие – в другое, принесет в третье королевство любовь. И я считаю, что это чудо сильнее и прекраснее магии Апсар. И я уверена, что мы с вами вполне обойдемся без всего второсортного.

– Я придерживаюсь того мнения, что вы необыкновенно рассудительная молодая женщина, – сказал Мануэль, – и думаю, что не следует отказывать желаниям будущей жены в мире, где люди питаются своей верой.

Все было согласовано, и большое полено, по обычаю сжигаемое в сочельник, бросили в огонь, где полыхало гусиное перо и платье Апсар. После чего прозвучали фанфары, извещая, что отбивные Раймона Беранже приготовлены и поперчены, винные бочки откупорены, а запеканки в печи. Затем бывший свинопас разделил рождественский ужин с дочерью короля-графа Алианорой, которую повсюду звали Недоступной Принцессой.

И рассказывают, что пока Алианора и Мануэль уютно сидели перед камином и щелкали орешки, а в паузах любовались, как падает за окнами снежок, призрак Ниафер неугомонно метался по зеленым полям под вечно лучезарным сводом языческого рая. Когда добрые густобровые стражи поинтересовались, что он ищет, беспокойный дух не мог им объяснить, потому что Ниафер отведала летийских вод и забыла дону Мануэля. Только любовь к нему не была забыта, поскольку та любовь стала ее частью, и вот так продолжалась как некое слепое желание или стремление, не знающее своей цели. И еще рассказывают, что Сускинд в своем низком дворце с красными колоннами с одной навязчивой думой все ждала и ждала своего гостя.

ЧАСТЬ II

Книга Расхода

Мануэль часто слышал, как рассказывают о красе королевы Фурий, Гоблинов и Гидр, так что бил он ею очарован, хотя никогда ее не видывал; потом же с помощью хитрости своей сделал он Дыру в огне и прошел к ней, а когда говорил с ней, раскрыл он ей свою душу.

Глава X

Алианора

В Пуактесме рассказывают, что сразу после ужина король Раймон послал гонцов к своей жене, проводившей Рождество с их дочерью королевой Французской Мерегреттой, просить госпожу Беатрису вернуться как можно скорее, дабы они смогли выдать Алианору за знаменитого графа Мануэля. Перечисляют также все праздничные увеселения и забавы и говорят, что дон Мануэль великолепно ладил со своей принцессой, и со стороны казалось, что для них обоих, даже для рассеянно-снисходительного юноши, взаимные ухаживания являлись самым чудесным и желанным занятием.

Дон Мануэль в ответ на ревнивые расспросы признавался, что, по его мнению, Алианора не так красива и умна, как Ниафер, и что это едва ли можно исправить. Во всяком случае, принцесса была миловидной рассудительной девушкой, с чем дон Мануэль легко соглашался, а магия Апсар, в которой она его наставляла, по его словам, была очень любопытна, если интересоваться подобного рода вещами.

Принцесса в ответ скромно допускала, что, конечно, ее магия несравнима с его магией, поскольку ее магия властна лишь над телами людей и зверей, тогда как магия дон Мануэля так замечательно управляет сердцами и умами королей. Все же Алианора могла насылать болезни на хлеба и скот, вызывать бури и поражать врага почти любым физическим средством по собственному выбору. Она, разумеется, еще не могла убивать наповал, но и без этого ее безобидные проказы являлись для юной девушки несомненными достижениями. «Как бы то ни было, – говорила она в заключение, – жестоко смеяться над лучшим из того, что она делает».

– Но полно, моя милая, – говорит Мануэль. – Я шучу. В действительности твоя деятельность многообещающа. Нужно лишь совершенствоваться. Говорят, во всех искусствах самое главное практика.

– Да, и с твоей помощью.

– Нет, у меня для занятий есть более серьезные предметы, чем черная магия, – говорит Мануэль, – я обязан снять с себя гейс, прежде чем начать приносить беды другим.

Затем дон Мануэль извлек из мешка оба изваяния и, с досадой осмотрев их, принялся месить глину и лепить очередную фигуру. Эта статуя также напоминала молодого человека, но у него были изящные черты и влюбленный взгляд Алианоры.

Мануэль признался, что, безусловно, доволен, но, даже при этом, не совсем узнал в ней фигуру, которую мечтал создать, и из этого, по его словам, он заключил, что любовь для него не самое главное.

Алианоре изваяние вообще не понравилось.

– Сделать мою статую, – заметила она, – было бы весьма милым комплиментом. Но когда ты начинаешь вольно обращаться с моими чертами лица, словно они тебя не удовлетворяют, и смешивать их с собственными, пока не получается некий молодой человек, похожий на нас обоих, это не комплимент. Наоборот, это с твоей стороны форменный эгоизм.

– Вероятно, если вдуматься, я – эгоист. Но в любом случае я – Мануэль.

– Дорогой, – сказала она, – вовсе не подходит человеку, который помолвлен с принцессой и вскоре станет повелителем Прованса и королем Арля, как только я избавляюсь от отца, вечно копаться в жидкой грязи.

– Я это отлично знаю, – ответил Мануэль, – но тем не менее на меня наложен гейс – исполнить волю покойной матери и создать самую восхитительную и значительную фигуру на свете. Хотя повторяю тебе, Алианора, твой замысел отравить отца, как только мы поженимся, по ряду причин кажется мне неблагоразумным. Я не спешу стать королем Альским, а по сути, вообще не уверен, хочу ли я быть королем, поскольку мой гейс важнее.

– Милый мой, я очень тебя люблю, но моя любовь не закрывает мне глаза на одно обстоятельство: неважно, какие у тебя таланты в колдовстве, в бытовых вопросах ты являешься безнадежно непрактичным

человеком. Предоставь это дело мне, и я все устрою со всем уважением к приличиям.

– Ох, а разве следует сохранять приличия даже в таких вопросах, как отцеубийство?

– А как же! Отцу больше подойдет, если он умрет от несварения желудка. Люди будут подозревать беднягу во всех прегрешениях, если станет известно, что его собственная дочь не могла с ним поладить. Во всяком случае, мой милый, я решила, что, поскольку, к большому счастью, у отца нет сыновей, ты станешь королем Арльским до конца наступившего года.

– Нет, ведь я – Мануэль, а для меня больше значит быть Мануэлем, чем королем Арльским, графом Прованским, сенешалем Экса, Бриньоля, Грасса, Массилии, Драгиньяна, и прочее, и прочее.

– Ах, таким пренебрежением к своим истинным интересам ты разбиваешь мне сердце! А все из-за трех отвратительных изваяний, которые ты ставишь выше, чем древний трон Босона и Ротбольда, и гораздо выше меня!

– Ну, я же этого не сказал.

– Да, и к тому же ты только и думаешь об этой своей умершей служанке-язычнице, а не обо мне – принцессе и наследнице королевства.

Мануэль, прежде чем заговорить, довольно долго смотрел на Алианору.

– Моя милая, ты, как я тебе уже говорил, необычайно миловидная и рассудительная девушка. И да, ты, конечно же, принцесса, хотя ты уже больше не Недоступная Принцесса, что, несомненно, имеет значение... Но самое главное в том, что не может быть второй Ниафер, и было бы нелепо делать вид, что это не так.

Принцесса же сказала:

– Потрясающе! Ты владеешь странным колдовством, не известным Апсарам. После чудес, которые ты сотворил с Гельмасом и Фердинандом, твое искусство неоспоримо. У меня тоже в этом деле немного набита рука, и несправедливо с твоей стороны обращаться со мной так, будто я грязь у тебя под ногами. И я это выношу! Я не понимаю, я удивляюсь самой себе, и мое единственное утешение в том, что твоя расчудесная Ниафер мертва и с ней покончено.

Мануэль вздохнул.

– Да, Ниафер мертва, и эти изваяния тоже мертвы, это постоянно меня тревожит. Полагаю, с Ниафер ничего поделать нельзя, но если бы мне удалось оживить эти фигуры, думаю, гейс, наложенный на меня, был бы выполнен.

– Это чистое святотатство, Мануэль. Сам Небесный Отец не сделал бы больше того, что он сделал со своими куклами в Эдеме.

Дон Мануэль прищурил свои ясные голубые глаза, словно о чем-то размышляя.

– Однако, – сказал он серьезно, – если я – дитя Бога, по-моему, вполне естественно, что я должен унаследовать вкусы и привычки своего отца. Нет, желание создать одушевленную, живую фигуру, в чем-то более восхитительную и значительную, чем простой человек, – не святотатство. По-моему, так. Как бы то ни было, как бы это ни называлось, такова моя потребность, а я должен следовать своим помыслам и своему желанию.

– А если б это желание было выполнено, – загадочно спросила Алианора, – смог бы ты перейти к образу жизни, подобающему знатному кудеснику и королю?

– Конечно да, ибо у короля нет господина, и он волен повсюду путешествовать, чтобы увидеть пределы этого мира и их оценить. Конечно, да. Во всяком случае, в мире, где нет ничего определенного.

– Если б я хоть вот настолечко поверила этому, я попыталась бы достать Шамир и тебя испытать.

– А что такое этот чертов Шамир?

– Оговорка, – с улыбкой ответила Алианора. – Нет, я не хочу иметь ничего общего с твоими дурацкими фигурами из грязи, и больше я тебе ничего не скажу.

– Ну полно, девочка моя! – сказал Мануэль. И он начал осыпать принцессу Провансскую такими комплиментами, какими этот статный юноша прежде завоевывал крестьянских девушек Ратгора.

– Шамир, – наконец проговорила Алианора, – это камень в перстне, хорошо известном в стране по ту сторону огня. Шамир похож на черную галечку, но если после специального обряда коснуться им любой из твоих фигур, фигура оживет.

– В общем, – сказал Мануэль, – вся беда в том, что, если я попытаюсь пройти сквозь огонь, чтобы достичь этой страны, я сгорю, и не видать мне этого талисмана.

– Для того, чтобы его получить, – поведала ему Алианора, – нужно сварить вкрутую яйцо из соколиного гнезда и положить его обратно, а самому прятаться поблизости от ветви под красно-белым зонтиком. Когда соколиха обнаружит, что одно яйцо не насиживается, она улетит, бросится в ближайший огонь и вернется с кольцом в клюве, чтобы коснуться яйца и этим возратить его к жизни. В этот миг ее нужно подстрелить, и кольцо окажется у тебя, прежде чем соколиха вернет талисман его владелице, которой – тут Алианора сделала непонятный жест, – которой является королева Аудельская Фрайдис.

– Ну, – сказал Мануэль, – и какой мне прок в этом посреди зимы! Пройдут месяцы, прежде чем соколы совьют гнезда.

– Мануэль, Мануэль, тебя не поймешь! Неужели ты не видишь, что некрасиво, когда взрослый мужчина и более того, прославленный герой и могущественный кудесник дуется, злится и топает ногами, вообще не имея никакого терпения?

– Да, полагаю, это некрасиво, но ведь я – Мануэль, и я следую...

– Ох, избавь меня от этого, – воскликнула Алианора, – или иначе – неважно, как сильно я тебя люблю, дорогой, – я надаю тебе оплеух.

– Тем не менее то, что я собирался сказать, верно, – заявил Мануэль, – и если б ты только в это поверила, отношения между нами стали бы намного глаже.

Глава XI

Магия Апсар

Теперь история рассказывает, как для успокоения Алианоры граф Мануэль занялся магией Апсар. Он отправился вместе с принцессой на одну уединенную возвышенность, и Алианора, сладкоголосо прокричав по-древнему: «Тороликс, Чиччабау, Тио, Тио, Торолилиликс!», произнесла соответствующие заклинания, после чего со всех сторон ниспадающим потоком красок, крыльев, свиста и писка появилось множество птиц.

И павлин закричал:

– Какой мерой судишь других, такой будешь судим сам.

Соловей пропел:

– Удовлетворенность – величайшее счастье.

Горлица отозвалась:

– Некоторым тварям лучше было бы никогда не быть сотворенными.

Чибис прочирикал:

– Тот, у кого нет милосердия к другим, не найдет его и по отношению к себе.

Аист сипло сказал:

– Сей мир преходящ.

А клич орла был таков:

– Как бы ни длинна была жизнь, ее неизбежный конец – смерть.

– Это, в сущности, то, что сказал я, – заявил аист, – и ты – пошлый плешистый плагиатор.

– А ты, – ответил орел, вцепившись аисту в горло, – мертвая птица, которая никогда больше никому не принесет детей.

Но дон Мануэль придержал орла за крыло и спросил, действительно ли тот имеет это в виду и отстаивает свое заявление в силе перед Птичьим Судом. И когда разъяренный орел раскрыл свой безжалостный клюв и разжал когтистую лапу, чтобы торжественно поклясться, что в самом деле намерен растерзать аиста последний весьма благоразумно улетел прочь.

– Я никогда не забуду твою доброту, граф Мануэль – крикнул аист, – и помни, что я исполню для тебя три желания.

– И я тоже благодарен тебе, – сказал остывший орел, – да, честное слово, я благодарен, ибо, если б я убил этого длинноногого паразита, это явилось бы оскорблением суда, и меня бы посадили высидывать красных василисков. К тому же, его упреки справедливы, и мне нужно выдумать новый клич.

Так что орел уселся на скалу и на пробу произнес:

– Можно быть чересчур гордым, чтоб драться. – Он с отвращением покачал головой и попытался еще раз: – Единственный прочный мир – мир без победы, – но это, похоже, его также не удовлетворило; затем он выкрикнул: – У всех, кто противостоит мне, ничтожные мозги, – а потом: – Если все не сделают именно то, что я приказал, сердце мира разобьется. – И множество другой ерунды он повторял и снова качал головой, ибо ни одна из этих аксиом не доставляла орлу радости.

Так что озабоченный поисками высказывания, достаточно звучного и бессмысленного, но пригодного для выкрикивания в качестве великого морального принципа, орел совершенно забыл о графе Мануэле. Но аист не забыл, поскольку в глазах аиста его жизнь была ценна.

Остальные птицы произносили различные мысли вроде приведенных выше, и все они, как сказал Мануэль, обладали признанными чарами. Громадный желтоволосый юноша не стал спорить: он редко

спорил о чем бы то ни было. Прищурив свой любопытный левый глаз, он признался Алианоре, что удивляется, правда ли подобные тщедушные, ограниченные источники в самом деле являются вершинами мудрости, не считая религии и публичных выступлений. Затем он спросил, какая птица самая мудрая, и ему сказали, что это Жар-Птица.

Мануэль попросил Алианору позвать Жар-Птицу, которая слыла самой старой и ученой из всех живущих тварей, хотя она, конечно, не научилась ничему, кроме того, как держаться. Появилась Жар-Птица и устало крикнула:

– Птиц красят перья.

Ее было слышно издали, и у Жар-Птицы имелись все основания тешить себя этой аксиомой, ибо ее оперение было сверкающе-пурпурным, за исключением золотистых перьев на шее и голубого хвоста с более длинными перьями красного цвета. У нее были витиеватые сережки и хохолок, а на вид она казалась чуть крупнее орла. Жар-Птица принесла с собой гнездо из кассии и веточек ладана, положила его на покрытые лишайником камни и, сев в него, начала беседовать с Мануэлем.

Легкомысленный вопрос относительно глиняных фигур, поднятый Мануэлем, Жар-Птица посчитала обычной человеческой глупостью. И мудрое существо было вынуждено указать, что ни одна благоразумная птица никогда не мечтала о создании изваяний.

– Но, сударыня, – сказал Мануэль, – мне не хочется обременять этот мир еще какими-то безжизненными изваяниями. Вместо этого мне хочется создать для этого мира одушевленную фигуру, почти так же, как однажды сделал Бог...

– Полно, не нужно пытаться возложить на Яхве чересчур большую ответственность, – с терпимостью возразила Жар-Птица, – ибо Яхве создал только одного человека и больше этим не занимался. Я отчетливо помню создание первого человека, ибо была сотворена в предыдущее утро с предписанием летать над землей под небесным сводом, поэтому-то я все видела. Да, Яхве действительно сотворил первого человека на шестой день. И я не собираюсь давать этому оценку, хотя, конечно же, после непрерывной работы в течение почти целой недели, создав такое множество по-настоящему важных вещей и существ, ни одного художника-творца нельзя винить за то, что на шестой день он был не в самой лучшей форме.

– А вы, сударыня, случаем не заметили, – спрашивает с надеждой Мануэль, – каким способом был одушевлен Адам?

– Нет, когда я впервые его увидела, он сушился на солнце, а у его ног, играя на флажолете, сидел Гавриил. И, естественно, я не обратила особого внимания на подобную глупость.

– Ну и ну. Я не утверждаю, что создание людей – высшая форма искусства, но тем не менее на меня наложен гейс создать великолепного и восхитительного молодого человека.

– Но зачем вам тратить на это свой небольшой запас жизненных сил? Для какого долговременного использования можно применить человеческое существо, даже если создание будет добродетельным и приятным на вид? Ах, Мануэль, видели бы вы, как они уходят толпами со всеми своими войнами, реформами и великими идеалами, оставляя позади одни кости.

– Да-да, для вас, бывшей уже далеко не девочкой, когда строилась Ниневия, это должно казаться странным. А я не знаю, почему мать пожелала, чтобы я создал великолепного и восхитительного молодого человека. Но гейс наложен.

Жар-Птица вздохнула.

– Несомненно, женские капризы нелегко объяснить. Но у вас, людей, есть некий способ создавать совершенно новых мужчин и женщин всех разновидностей. Я в этом уверена, ибо иначе человечество угасло бы давным-давно при той скорости, с которой вы убиваете друг друга. Впрочем, я допускаю, что люди прибегают к методу Яхве и создают новые человеческие существа из земли, ибо, если вдуматься, то маленькие, недавно законченные человечки как будто бы сделаны из красной глины.

– Бесспорно, что младенцы выглядят примерно так, – согласился Мануэль. – Значит, по крайней мере, вы думаете, что я работаю с соответствующим материалом?

– Похоже на правду, поскольку уверена, что ваши люди недостаточно разумны, чтобы класть яйца, да такой беспомощный вид, конечно, и не высидел бы яиц. В любом случае люди, без сомнения, нашли какой-то способ, и вы могли бы разузнать про него у самого глупого из людей.

Кто же тогда самый глупый из людей?

Вероятно, король Албании Гельмас, ибо давным-давно я предрекла, что он станет мудрейшим из людей, если достанет одно из моих сверкающих белых перьев, и я слышала, он это сделал.

– Сударыня, – с сомнением сказал Мануэль, – должен доложить вам по секрету, что перо, имеющееся у короля Гельмаса, не ваше, а выдернуто из крыла обычного гуся.

– Какая разница? – спросила Жар-Птица. – Я никогда не думала, конечно же, что он действительно найдет одно из моих сверкающих белых перьев, потому что у меня все перья красные, золотистые или пурпурные.

– Но откуда взялась магия в гусином пере?

– Магия заключается в том, что, обладая этим пером, король Гельмас приобрел веру в себя и прекратил сомневаться в самом себе.

– Разве сомневаться в самом себе не высочайшая мудрость?

– О нет! О Боже мой, нет! Я просто сказала, что это высочайшее, на что способен человек.

– Но ведь мудрецы и философы, сударыня, имевшие в древности громкую славу, создали крылатые выражения для вас, птиц! Что же, разве царь Соломон, к примеру, не поднялся выше этого?

– Да-да, разумеется! – сказала Жар-Птица, опять вздохнув. – Это была печальная ошибка. Беднягу наделили, просто в качестве эксперимента, значительной мудростью. И она заставила его понять, что человек достигает настоящей удовлетворенности только тогда, когда пьян или занят делами, которые не очень прилично описывать. Так, Сулейман-бен-Дауд отдал остаток своего времени буйной жизни и совместному обучению лиц обоего пола. Это было логично, но привело к созданию дорогостоящего серала и к весьма неподобающему внешнему виду и, в сущности, подорвало его здоровье. Да, вот что получается, когда одного из вас наделяют настоящей мудростью, просто в качестве эксперимента, чтобы посмотреть, что произойдет. Поэтому эксперимент, конечно же, никогда не повторяли. Но из ныне живущих, смею утверждать, вы найдете короля Гельмаса ощутимо освободившимся от тысячи общих заблуждений по причине заблуждения относительно самого себя.

– Отлично, – сказал Мануэль. – Я подозреваю, что в большинстве сказанного вами содержатся сознательные парадоксы и притворный цинизм, но я посоветуюсь с королем Гельмасом о человеческой жизни и о фигуре, которую должен создать.

Так что они попрощались, а Жар-Птица взяла свое гнездо из кассии и веточек ладана и с ним улетела.

– Птиц красят перья! – прокричала она, поднявшись в воздух.

– Но эта поговорка неверна, сударыня, – крикнул Мануэль ослепительной птице, – такие высказывания, как мне говорили, означают лишь претензию на ум.

– Это тебе так кажется сейчас, мой мальчик, но время – весьма могущественная фея, – ответила птица с высоты. – Поэтому подожди, вот станешь старше, тогда узнаешь, что лучше: сомневаться в моем кличе или его повторять.

Глава XII

Лед и железо

Затем из-за моря прибыли епископы Ильский и Линкольнский, настоятель Херла и магистр Храма, умоляя короля Раймона отдать одну из дочерей с подходящим приданым в жены английскому королю.

– Охотно, – сказал Раймон Беранже.

И он предложил им взять его третью дочь Санчу с приданым в тысячу марок.

– Но, отец, – сказала Алианора, – Санча еще ребенок. Хорошей же королевой она станет!

– Все же, моя милая, – ответил Раймон Беранже, – ты уже обручена.

– Я думала не о себе. Я думала об истинном благоденствии Санчи.

– Конечно, моя милая, и все знают, какую сестринскую любовь ты к ней испытываешь.

– Бойкая девчонка, Бог знает, как избалована. И если случится так, что мне придется вставать, когда Санча войдет в комнату, и сидеть на табурете, когда она развалится в кресле, как это делает Мерегретта, ребенка это окончательно погубит.

Раймон Беранже сказал:

– Несомненно, тебе будет тяжело иметь двух сестер-королев, и, вероятно, маленькая Беатриса тоже выйдет замуж за какого-нибудь короля, когда придет время, а ты останешься лишь графиней, которая, правда, краше всех.

– Отец, я понимаю, к чему ты клонишь, – воскликнула Алианора. – Ты думаешь, мой долг – преодолеть свои личные склонности и выйти замуж за английского короля по высшим, безжалостным политическим соображениям и ради Прованса.

– Я лишь сказал, моя дорогая...

– Ибо ты сразу увидел, с присущей тебе проницательностью, от которой ничему не скрыться, что с помощью твоей мудрости и совета я бы отлично узнала, как управиться с этим возвышенным королем, являющимся хозяином не крошечного, с носовой платок, Прованса, но всей Англии, да в придачу еще и Ирландии.

– Также, по праву, Аквитании, Анжу и Нормандии, моя драгоценная. Все же я просто заметил...

– О, поверь мне, я с тобой не спорю, дорогой отец, ибо знаю, что ты намного мудрее меня, – сказала Алианора, прекрасным жестом смахивая крупные слезы со своих прелестных глаз.

– Тогда будь по-твоему, – ответил Раймон Беранже, разведя руками. – Но что делать с графом Мануэлем?

Король посмотрел на гобелен, изображающий жертвоприношение Иеффая, рядом с которым сидел Мануэль, переделывая фигуру молодого человека с любящим взором Алианоры, которую Мануэль создал побуждаемый своим гейсом и, похоже, не мог добиться совершенства.

– Я уверена, отец, что Мануэль в этом вопросе тоже будет великодушен и принесет себя в жертву.

– О да! Но что произойдет после? Ибо всякий видит, что ты и этот косоглазый длинноногий парень по уши влюблены друг в друга.

– Думаю, после моего замужества, отец, ты, или король Фердинанд, или король Гельмас пошлет графа Мануэля в Англию послом, и я уверена, что мы с ним всегда будем настоящими хорошими друзьями, не дающими повода для сплетен.

– Ого! – сказал король Раймон. – Я понимаю твой маневр, и он направлен в сторону гавани английского короля, а не моей. Моя роль теперь – удалиться, чтобы вы вдвоем смогли уладить детали этого посольства, в котором дон Мануэль должен быть представителем стольких королей.

Раймон Беранже взял скипетр и ушел, а принцесса повернулась к Мануэлю, одновременно трудившемуся над тремя изваяниями, которые он создал по подобию Аельмаса, Фердинанда и Алианоры.

– Понимаешь, дорогой Мануэль, мое сердце разбито, но ради королевства я должна выйти замуж за английского короля.

Мануэль поднял голову от работы.

– Да, слышал. Я сожалею, что никогда ничего не понимал в политике, но, полагаю, ничего не поделаешь. Ты не могла бы встать чуточку левее? Ты загораживаешь свет, и я не совсем отчетливо вижу, что делаю с верхней губой.

– И как ты можешь возиться с этой грязью, когда мое сердце разбито?

– Потому что на меня наложен гейс – создать эти изваяния. Я не знаю, зачем моя мать это пожелала, но уверен: все, что суждено, нужно вынести, так же как сейчас нам нужно пережить обязательство, наложенное на тебя: выйти замуж за возвышенного английского короля.

– Мое замужество не отразится на наших отношениях. После того, как я стану королевой, ты вскоре сможешь приехать ко мне в Англию, ибо говорят, что этот король – убогое долговязое ничтожество.

Мануэль смотрел на нее пару секунд. Она покраснела. Он, сидя у ног плачущего Иеффая, улыбнулся.

– В общем, – сказал Мануэль, – я отправлюсь в Англию, когда ты пришлешь мне гусиное перо. Так и договорились.

– Ах, ты сделан из льда и железа! – воскликнула она. – И тебя ничего не интересует, кроме твоих мокрых, грязных чучел. Ты мне отвратителен!

– Моя дорогая, – спокойно ответил Мануэль, – неприятность состоит в том, что каждый из нас ставит что-то свое превыше всего остального. У тебя это – власть, громкое имя и муж-король, который сразу станет твоим глашатаем, твоим слугой и твоим любовником. Откровенно говоря, я сейчас не могу тратить время на светскую жизнь, поскольку мое желание отлично от твоего желания, но так же неодолимо. Кроме того, становясь старше и наблюдая за поступками людей, я начинаю подозревать, что у большинства нет заветных желаний, а лишь скромные предпочтения. В мире таких заурядных людей, мы с тобой не можем и надеяться на избавление, нам всегда скажут, что мы из льда и железа, но нам не подобает бросаться такими затасканными словами.

Некоторое время она молчала. Потом неловко рассмеялась.

– Я часто гадаю, Мануэль, кто внутри этой огромной розовощекой, косоглазой, серьезной оболочки: великий мудрец или круглый дурак.

– Значит, у нас есть еще кое-что общее. Ведь я тоже часто размышляю о тебе.

– Значит, договорились.

– Договорились, что вместо того, чтобы править маленьким Арлем, ты станешь королевой Англии, владычицей Ирландии, герцогиней Нормандской и Аквитанской и графиней Анжуйской; что наш знак – гусиное перо; и мне неловко повторять, что тебе нужно отойти от света и больше не вмешиваться в выполнение моего гейса.

– А что будешь делать ты?

– Мне, как всегда, нужно следовать своим помыслам...

– Если ты скажешь еще хоть одно слово, я закричу.

Мануэль добродушно рассмеялся.

– Полагаю, я произношу это довольно часто. Значит, это правда, а самая большая неувязка в наших отношениях, Алианора, что ты эту правду не замечаешь.

Она же сказала:

– А я полагаю, ты теперь пойдешь за утешением к какой-нибудь женщине?

– Нет, утешение, которого я желаю, не найти среди юбок. Нет, во-первых, я отправлюсь к королю Гельмасу. Ибо мои изваяния упорно остаются безжизненными, и в каждом из них чего-то не хватает, и ни одно из них не является той фигурой, которую я желаю создать. Сейчас я не знаю, что с этим поделать, но Жар-Птица поведала, что король Гельмас, поскольку все сомнения покинули его душу, способен мне помочь, если это вообще способен сделать человек.

– Значит, нам нужно попрощаться, хотя, надеюсь, ненадолго.

– Да, – сказал Мануэль, – это расставание, а для какой-то части моей жизни это прощание навеки.

Мануэль оставил свои изваяния там, где на них, казалось, смотрит с дикой, тупой болью древнееврейский военачальник; и Мануэль взял девушку за обе ее прелестные ручки и стоял так какое-то время, глядя сверху вниз на принцессу.

Мануэль очень печально сказал:

– Я выплакиваю эту элегию в таких выражениях, которые могут себе позволить одни мальчишки. «Наверняка, – сказал я, – наполненная чувствами и во всем совершенная душа просвечивает сквозь это прекрасное тело и раскрывает себя в нем». Так началось мое поклонение тебе, чьи фиолетовые глаза все время сохраняют холодный, хрупкий свет и не смягчаются, но для меня они всегда были теми глазами, которыми, как говорится, богиня смотрит на погубленных влюбленных, которые выплакивают элегию надежде и удовлетворенности бескровными устами, опаленными страстью, которую она, бессмертная, не может ни ощутить, ни постичь. Даже при этом, милая Алианора, не являясь богиней, ты смотришь на меня, не движимая ничем, кроме безразличного интереса, покуда я выплакиваю свою элегию...

...Я, несмотря на любовь и на обаяние ярких, обманчивых снов, что, паря над нами, очаровывают и пленяют всех влюбленных, ни разу до сего дня не мог отчетливо увидеть, кому докучаю своими взглядами. Я, будучи слеп, не мог ощутить твою слепоту, которая слепо пыталась меня понять и которая жаждала понимания, как я – любви. Так наши поцелуи в основном скрывали поставленные в тупик устремления плоти, что охотно поднялась бы к вершинам души, но не способна на это. Игра закончена, и какие у нее цели и итог, должно проверить время. По крайней мере, мы должны слегка печалиться о том, что потеряли в этой игре: ты – о любовнике, я о – любви...

...Нет, это не любовь лежит здесь, угасая, когда мы дружески расстаемся у смертного одра того чувства, которое вчера разделяли. Это чувство, к тому же, не божественно и не смогло бы пережить бесполезных месяцев, в течение которых я, словно ловающий жемчуг в мельничной запруде, с трудом извлекал из твоего сердца больше, чем Небеса поместили в это сердце, в котором не лежит любовь. Теперь плач, что был плачем одиночества по найденной паре, стих: уже легкая серая пыль собирается на неподвижных устах. Поэтому давай похороним усопшую и, поместив тело в гробницу, честно напишем на могиле этого хрупкого, подобного цветку, погибшего чувства: «Здесь лежит похоть, а не любовь».

Тут Алианора недовольно надула губы.

– Ты употребляешь такие ужасные слова, дорогой. И ты к тому же говоришь глупости, ибо я точно так же сожалею обо всем, как и ты.

Мануэль подарил ей ту вялую, сонную улыбку, в которой весь Мануэль.

– Точно, – сказал он. – Вот это-то и унижает. Да, мы с тобой второстепенные личности, Алианора, и мы разыскивали друг друга. В этом вся жалость. Но мы всегда будем держать это в тайне от остального мира, и наша тайна всегда нас будет связывать.

Он очень нежно поцеловал принцессу и покинул ее.

Затем с высоко поднятой головой Мануэль оставил Арль вместе со своими слугами и изваяниями, подставив весеннему солнцу свой щит со вставшим на дыбы жеребцом и девизом: «Mundus vult decipi». Алианора, наблюдая за этим из окна замка, лила обильные слезы, поскольку бедная принцесса имела несчастье по-настоящему влюбиться в донна Мануэля. Но Алианора обнаружила, что ничего не поделаешь с его упрямством и непостижимыми взглядами, так что начала распорядиться собой и будущим более пластичными средствами. Ее методы волей-неволей изменились, но ее цель осталась прежней. И она по-прежнему намеревалась добиться всего, чего желала (включая и Мануэля), как только она и английский

король перейдут к более размеренному образу жизни.

Милую девушку взволновали совещания с зеркалом, она знала наперед, что английский король, вероятно, влюбится в нее на долгие месяцы. Но значит, философски подумала она, всем женщинам приходится подчиняться назойливой романтичности мужчин. Так что она вытерла свои большие ясные глаза и послала за портнихами.

Она заказала два платья из пяти эллей ткани каждое: одно зеленое на шелковой подкладке, а другое коричневое. Она выбрала материал для пары пурпурных сандалий и четырех пар туфель с вышивкой на лодыжках, и она выбрала также девять ожерелий, выполненных из золотой филигрании и усеянных драгоценными камнями. Вот так ей удалось разделаться с этим утром и выбросить Мануэля из головы, но ненадолго.

Глава XIII

Что велел Гельмас

Далее граф Пуактесмский выезжает из Прованса вместе со своими слугами и изваяниями, а в начале апреля прибывает к Гельмасу Глубокомысленному. Мудрый король играл тогда со своей маленькой дочкой Мелюзяной (которая впоследствии заточит его в темницу и убьет), но он с поцелуем отослал девочку и внимательно выслушал дона Мануэля.

Король Гельмас осмотрел изваяния, потыкал в них сморщенным указательным пальцем и откашлялся. А потом ничего не сказал, поскольку, в конце концов, дон Мануэль был графом Пуактесмским.

– Что необходимо сделать? – спросил Мануэль.

– Они не являются жизненно правдивыми, – ответил Гельмас, – особенно вот этот, похожий на меня.

– Да, знаю. Но кто может дать жизнь моим изваяниям?

Король Гельмас сдвинул на затылок свою вторую лучшую корону, к которой было прилеплено перо из крыла мельникового гуся, и почесал лоб. Он сказал:

– Существует некая власть над всеми земляными фигурами и некая королева, по чьей воле не освобождают и не обязывают. – Гельмас обратился к толстому руководству по магии. – Да, «королева» – то же самое, что «коей-роль-ева». Поэтому тебе может помочь королева Аудельская Фрайдис.

– Да, именно она владеет Шамиром! Но соколам рано еще вить гнезда! И как мне добраться до Фрайдис, этой женщины странных деяний?

– Нет, люди нынче уже не пользуются яйцами, и, конечно, нельзя попасть к Фрайдис без приглашения. Все же можно устроить так, что Фрайдис придет к тебе, когда луна пуста и бессильна и когда заранее приготовлено то-то и то-то.

После чего Гельмас Глубокомысленный рассказал графу Мануэлю, что от того требуется.

– Тебе понадобится множество вещей, – говорит король Гельмас, – но, самое главное, не забудь мазь.

Граф Мануэль в одиночку отправился в Пуактесм, который был его фьефом и которым он не мог овладеть. Он, крадучись, подошел к Морвену – месту, пользующемуся жуткой славой, и рядом с десятицветным камнем, на котором, когда время было молодо, приносили жертву Нановизу, он построил высокую ограду из ивовых прутьев, предварительно сняв с них кору, обмазал их маслом и связал желтыми лентами, как велел Гельмас. Мануэль подготовил все и внутри ограды, как велел Гельмас. И в последнюю ночь апреля Мануэль стал ждать, глядя на полную луну.

Через некоторое время стало видно, как тени на сияющей луне начали дрожать и колебаться, потом они сошли с лика луны, словно небольшие облака, и луна лишилась своих пятен. Это был знак того, что Лунные Дети ушли к колодцу, из которого раз в месяц они набирают воду, и что в течение часа луна будет пуста и бессильна. С теми-то и теми-то церемониями граф Мануэль зажег огонь на древнем жертвеннике Нановиза, как велел Гельмас.

Мануэль громко крикнул:

– Будь же благосклонна, адская, земная, небесная Бомбо! Владычица больших дорог, покровительница перекрестков, ты, несущая свет! Ты, которая всегда трудится во мраке; ты, противница дня; ты, подруга и соратница тьмы! Ты, радующаяся лаю собак и пролитой крови, вот так я чту тебя.

Мануэль сделал все, как велел Гельмас, и какое-то время слышались жалобные крики, но огонь их быстро заглушил.

Затем Мануэль крикнул еще раз:

– О ты, кто бродит среди теней и над могилами и ставит на привязь даже могучее море! О капризная сестра постылого солнца и неверная любовница старой смерти! О Горго, Мормо, владычица тысячи образов и свойств! Взгляни благосклонным взором на мою жертву!

Так говорил Мануэль, и огонь на жертвеннике становился все выше и ярче, а Мануэль отвратительным образом его подпитывал.

Когда огонь стал высотой с воина и вокруг стали происходить странные вещи, граф Мануэль произнес предписанные слова. И внезапно цвета пламени изменились, так что в огне показалось зеленое мерцание, словно горела соль. Мануэль ждал. Зеленый цвет двигался, изгибался и усиливался посередине, пока из огня не выполз зеленый змей толщиной почти в человеческое тело.

Это жуткое страшилище двинулось к графу Мануэлю. Он, знакомый со змеями, тут же схватил его за глотку, и прикосновение к чешуе напомнило прикосновение к очень холодному стеклу.

Огромная змея извивалась и наступала так, что Мануэль был вынужден отходить к огню: это было не страшней, чем сгореть заживо. И отблески огня играли в презрительно мудрых глазах змеи. Мануэль был крепкий мужчина, но его сила не давала ему никакого преимущества до тех пор, пока он не начал вслух повторять по памяти, как велел Гельмас, таблицу умножения: Фрайдис не может противостоять математике.

Так что, когда Мануэль дошел до дважды одиннадцать, высокий огонь опал, словно склонился под порывом сильного ветра. Затем пламя взмыло вверх, и Мануэль увидел, что сжимает горло чудовищной свиньи. Он, знакомый со свиньями, сразу увидел, что это черная свинья, испеченная в свернувшемся Млечном Пути; она была прохладна на ощупь, как мертвец; ее длинные клыки, жившие своей жизнью, потянулись к Мануэлю, словно жирные белые черви. Тогда Мануэль сказал, как велел Гельмас:

– Продовольствие Соломона на каждый день составляли: тридцать мер муки пшеничной и шестьдесят мер прочей муки, десять волов откормленных и двадцать волов с пастбищ, и сто овец, кроме оленей, и серн, и сайгаков, и откормленных птиц. А Илию Феевитянина кормили вороны, приносявшие ему хлеб и мясо.

Вновь высокое пламя опало. Теперь Мануэль сжимал толстый холодный кусок хрусталя, похожий на зеркало, в котором видел себя совершенно отчетливо таким, каким он в действительности был. Он, не знакомый с подобными зеркалами, видел графа Мануэля, помещенного в некую грязную лужицу, а вокруг него плыли древние нестареющие звезды, и это зрелище могло напугать кого угодно.

На сей раз Мануэль сказал:

– Слон – самое большое животное, а по разуму приближается к человеку. Его ноздри вытянуты и выполняют функцию руки. Пальцы ног не разделены. И он живет двести лет. Слоны водятся в Африке, но самые крупные обитают в Индии.

Зеркало тут же растаяло и превратилось в темную, теплую жидкость, убежавшую сквозь пальцы в землю. Но Мануэль крепко держал то, что осталось в его ладонях, и говорят, он ощутил, что в жидкости борется нечто маленькое, мягкое и живое, будто он сжимал крошечную рыбку.

Мануэль сказал:

– Прямая – кратчайшее расстояние между двумя точками.

Внезапно огонь стал обыкновенным огнем, и завопили Амнеранские ведьмы, Морвен был освобожден от колдовства, а у Мануэля в руках оказалась теплая и нежная шея женщины. В один миг он втащил ее за ограду из голых ивовых прутьев, обмазанных маслом и связанных желтой лентой, потому что внутри такой ограды власть и господство Фрайдис сводятся на нет.

Все это Мануэль сделал точно так, как велел король Гельмас.

Глава XIV

Поединок на Морвене

И так, при свете семи свечей дон Мануэль впервые увидел королеву Фрайдис в том обличье, которое знают лишь у нее в стране. О чем думал Мануэль, никогда не сообщалось, но любой другой человек, узревший королеву Фрайдис в таком виде, утверждал, что тотчас же вся его жизнь представлялась ему приглушенной прелюдией к этому мгновению, когда он оказывался лицом к лицу с Фрайдис – возвышенной королевой Аудельской.

Фрайдис являла сейчас собой самую прелестную женственность. У нее были черные, заплетенные в косы волосы, ее белоснежное тело скрывали складки малинового шелка, на плечи был накинут черный плащ, расшитый золотыми звездочками и роговыми чернильницами, и она носила сандалии из позолоченной бронзы, а лицо ее было так прелестно, что это невозможно передать.

Фрайдис обошла все углы и обнаружила магию, защищавшую эту ограду.

– Вижу, вы крепко меня держите, – сказала возвышенная королева. – Что вы хотите?

Мануэль показал ей три поставленные в ряд изваяния.

– Мне нужна ваша помощь в отношении вот этого. Королева Фрайдис посмотрела на них и улыбнулась.

– Эти холодные недоноски сделаны с должным усердием. Чего еще можно желать?

Дон Мануэль рассказал ей, что хочет создать одушевленную живую фигуру.

На это она весело рассмеялась и презрительно ответила, что никому и ни за что не будет помогать.

– Отлично, – сказал Мануэль, – у меня есть средства, чтобы заставить вас это сделать. – Он показал прелестной женщине орудия пыток. Его приятное молодое лицо было очень серьезно, словно его сердце уже было растревожено. Он засунул ее кисть в приготовленные тиски искренности. – Теперь, чародейка, которой страшатся все, кроме меня, вы расскажете мне заклинания Туйлы в награду за мои усилия, или иначе я постепенно уничтожу эту руку, которая натворила так много несчастий.

При свете семи свечей Фрайдис казалась бледной, как молоко. Она сказала:

– Здесь я – смертный человек и не обладаю силой, большей, чем обыкновенная женщина, то есть вообще беззащитна. Тем не менее я вам ничего не скажу.

Мануэль положил ладонь на рукоятку, готовый начать пытку.

– Откройте то, чего я хочу, иначе будет больно...

– Нет, – ответила Фрайдис, – я не собираюсь подчиняться ни вам, ни кому-либо другому на свете.

– А бросив мне вызов, вы будете ужасно страдать...

– Буду! – ответила Фрайдис. – Очень вас это волнует! – сказала она с укоризной.

– Поэтому, я думаю, что вы поступаете глупо.

Фрайдис сказала:

– Вы сделали из меня обыкновенную женщину и ожидаете, что я буду поступать разумно. Это вы ведете себя глупо.

Граф Мануэль задумался, ибо, без сомнения, здесь звучал голос рассудка. По его приятному молодому лицу можно было судить, что его сердце сейчас чрезвычайно растревожено. Королева Фрайдис облегченно вздохнула и улыбнулась той женской улыбкой, которая не сверхчеловечна, а просто безжалостна.

– К тому же, мы бы испортили ручку, – сказал Мануэль, посмотрев на нее более внимательно. На среднем пальце было медное кольцо с черным камнем – это и был Шамир! Но Мануэль видел только руку.

Он коснулся ее.

– Ваша ручка, королева Фрайдис, какие бы несчастья она ни приносила, нежна, как бархат. У нее цвет лепестков розы, но благоухание намного слаще. Нет, определенно, мои изваяния не стоят подобной руки.

Затем Мануэль со вздохом освободил ее.

– Мой гейс должен оставаться на мне, а мои изваяния должны подождать, – сказала Мануэль.

– Что, вам действительно нравятся мои руки? – спросила Фрайдис, критически их разглядывая.

Мануэль сказал:

– Ах, прелестная, милая соперница, не насмехайтесь надо мной! Все было готово, чтобы заставить вас выполнить мою волю. Сохрани вы какое-нибудь уродливое обличье, я бы вас победил. Но с обликом, который у вас сейчас, я бороться не могу. Драконов, химер и тому подобных сказочных чудовищ, которые, как мы видим, толкаются вокруг ограды из намасленных ивовых прутьев, я вообще не боюсь, но не могу сражаться против вас в таком облике, который вы сейчас приняли.

– Что, вам действительно нравится моя внешность? – спросила Фрайдис, невероятно удивленная. – Забавно, конечно, время от времени принимать ее, но, так или иначе, я никогда, по правде, об этом не задумывалась...

Она подошла к большому зеркалу, которое было установлено, как и велел Гельмас.

– Во всяком случае, мне никогда не нравилась вот такая прическа. Что до этих чудовищ, то это мои подданные вышли из огня, чтобы меня освободить, в давно забытых обличьях спорнов, калькаров и других ужасов античности. Из-за вашей магии они, бедняжки, не могут войти в эту ограду из намасленных ивовых прутьев. Как нелепо – не правда ли? Они строят рожи и скрежещут зубами, когда вокруг нет ни одного сужерного человека, чтоб обратить на них внимание.

Тут королева сделала паузу: она деликатно кашлянула.

– Но вы говорили какую-то ерунду о моей естественной внешности, которая якобы недурна. Сейчас большинство мужчин предпочитают блондинок, и, кроме того, вы, ей-богу, меня не слушаете, а это невежливо.

– Трудно услышать, – сказал Мануэль, – когда ваши отвратительные слуги строят рожи и скрежещут зубами по всему Морвену.

Возвышенная королева Фрайдис подошла к двери в ограде, утыканной булавами и иглами и увешанной подковами, через которую она не могла пройти, если только человек не перенесет ее через порог.

Она крикнула высоким приятным голосом:

– Грош, грош, два гроша, полтора гроша и полгроша! Уходите все, ибо мудрость Гельмаса для нас слишком сильна. Вы не сможете войти в загородку из намасленных ивовых прутьев, а я не могу выйти, пока я не окручу и не одурачу этого надоедливое косоглазое смертного. Спускайтесь в Бельгард, пролейте кровь норманнов, поднимите бурю с градом или развлекитесь как хотите. И забудьте обо мне на то время, пока я обыкновенная женщина. Ибо мой противник – простой смертный, а в таком поединке меня еще никто не побеждал.

Она обернулась к Мануэлю и сказала:

– Я – Фрайдис, ужасная и возвышенная королева Аудельская. Но вы воспользовались моими слабостями и сделали из меня обыкновенную женщину. Поэтому я связываюсь с призраками, ибо мое потерянное королевство – единственное, что реально. Здесь все – лишь непрерывная борьба теней, которые вскоре пройдут; здесь все видимое и все цвета, известные людям, суть тени, затуманивающие истинные цвета, а время и смерть, самые темные из известных людям, обманывают вас ложной видимостью: ибо все подобные вещи, что люди считают неопровержимыми, поскольку они очевидны для зрения и органов чувств, суть усталое движение тумана, что закрывает мир, который больше не принадлежит мне. Так что в этом вашем сумеречном мире мы, жители Ауделы, являемся лишь простыми

мужчинами и женщинами.

– Хотелось бы, чтобы такие женщины появлялись почаще, – сказал Мануэль.

– Я – Фрайдис, ужасная и возвышенная королева Аудельская, королева всего того, что лежит за покровом человеческих чувств и зрения. Этот покров нельзя приподнять, но очень часто покров разрывается, и, замечая отверстие, люди называют его огнем. Через эти разрывы люди могут мельком взглянуть на реальный мир, и он ослепляет их слабые глаза и насмехается над их скудными силами. Когда отверстие делается достаточно большим, несколько человек тут и там, не такие безмозглые, как их сородичи, знают, как через эти прорехи вызвать нас из Ауделы, когда на час луна становится пуста и бессильна. Мы приходим по одной древней причине. И мы приходим простыми людьми.

– Ах, но вы не говорите голосами простых людей, – ответил Мануэль, – ибо ваш голос – сплошная музыка.

– Я – Фрайдис, ужасная и возвышенная королева Аудельская, и очень часто, исключительно ради забавы, я и мои слуги тайно разгуливаем среди вас. В виде человеческих существ мы блуждаем по вашему затемненному миру теней, связанному законами зрения и чувств, но в душе всегда храня тайны Ауделы и тайный способ нашего возвращения туда. К тому же, порой, ради забавы, мы заточаем в земные фигуры искру истинной жизни Ауделы. И тогда вы, маленькие людишки, не обладающие подлинной жизнью, но лишь мельканием некоей раздосадованной тени, поддерживающей вас в мимолетной раздраженности, говорите, что это очень мило. И вы беспечно рукоплещете нам как самым тривиальным людям.

– Нет, мы рукоплещем вам как образу красоты, – говорит Мануэль.

– Полно, граф Мануэль, прекращайте свою бесполезную лесть, вы ничего у меня не выманите! Вы поймали королеву Фрайдис и рассчитываете, что я должна пребывать в теле обыкновенной женщины и оставаться пленницей ваших прихотей и прекрасных, огромных мускулов до тех пор, пока не вложу искру истинной жизни Ауделы в ваши смехотворные изваяния. Но чтоб вы были обо мне еще более высокого мнения, знайте, я никогда не подчинюсь ни вам, ни кому-либо другому на свете.

Граф Мануэль молча рассматривал восхитительные очертания и чистые, пылающие цвета лица этой женщины. Он сказал, будто бы с грустью:

– Изваяния уже не имеют значения. Лучше оставить их как есть.

– А вот и нет, – быстро ответила королева Фрайдис, – они нуждаются в моей помощи, если когда-либо изваяния нуждались в помощи. Однако это не означает, что я когда-нибудь их коснусь.

– На самом деле, я запрещаю вам дотрагиваться до них, прекрасная соперница. Ибо стань изваяния живыми, как мне хотелось, я бы все время смотрел только на них и не интересовался женщинами. И ни одна из них не смогла бы околдовать меня так, как ваша красота, и я ценил бы ее не больше гнилой луковицы.

– Вы выдумываете! – сердито говорит Фрайдис. – Мужчина, удовлетворенный изваянием, которое он создал, в отношении женщин останется, как и любой другой. И кто вы такой, чтобы мне что-либо запрещать?

– Я хочу, чтобы вы запомнили, – сказал очень уверенно Мануэль, – это мои изваяния, и делать с ними можно только то, чего захочу я. К тому же, будет полезно, если вы поймете, что, кем бы вы ни были в Ауделе, здесь я сильнее вас.

Тут гордая женщина рассмеялась. Она с вызовом коснулась ближайшего изваяния соответствующим древним жестом, и было видно, что черный камень Шамир приобрел цвет опала. От ее прикосновения глиняное изваяние, имевшее внешность Алианоры, вздрогнуло и издало всхлипывающий звук. Оно ожило – живое существо, более прекрасное, чем человек, – презрительно взглянуло на Мануэля, а затем, прихрамывая, вышло за ограду, и Мануэль вздохнул.

– Это сильная магия, – сказал Мануэль, – и это почти точно та восхитительная и значительная фигура, которую я желал создать для этого мира. Но, как я слишком поздно понимаю, я сделал ей ноги разной длины, и радость по поводу оживления гораздо меньше стыда из-за ее неполноценности.

– Подобная магия – пустяк, – ответила Фрайдис, – хотя это единственная магия, которой я могу заниматься внутри ограды из намасленных ивовых прутьев. Теперь вы сами видите, что я не собираюсь выполнять ваших приказаний. Так что созданная вами фигура, хотите вы этого или нет, должна хромать на виду у всех, разумеется, не больше нескольких столетий – ровно столько, чтобы доказать, что мной повелевать нельзя.

– Мне, по большому счету, на это наплевать, о прекраснейшая и строптивейшая из соперниц. Полчаса тому назад мне казалось важным добыть у вас тайну оживления. Теперь, когда я видел это чудо, я знаю, что, заручившись вашей благосклонностью, можно стать богом, творящим жизнь и творящим более прелестные и долговечные живые существа, нежели сотворенные каким угодно богом. Но даже при этом я думаю сейчас только о ваших глазах.

– Что, вам нравятся мои глаза? – спросила Фрайдис. – Вам, который, оживив свои чучела, больше не интересуется женщинами?

Но Мануэль сказал ей, что ее глаза отличаются от всех остальных тем, что они более опасны. А она слушала достаточно охотно, ибо сейчас Фрайдис была обыкновенной женщиной. После этого оказалось, что из-за прелестей Фрайдис Мануэля посетили глубокая печаль и великое смятение души, и он высказал такую жалобу:

– Множество потерь происходит в мире, где люди непрестанно воют с грустью, а время, словно вор, отнимает у всех людей всю их добычу. Однако, когда император проигрывает битву и теряет свои обширные земли, он, пожав плечами, говорит: «В следующей битве победу одержу я». И когда корабль бородатого купца пропадает без вести, он говорит: «Следующий рейс, быть может, станет успешным». Даже когда жизнь старого бродяги покидает его в канаве, он говорит: «Я верю, что завтра окажусь в раю счастливым юным серафимом». Так надежда поддерживает при любой боли. Но у того, кто узрел красоту Фрайдис, вообще нет надежды».

...Ибо, в сравнении с этой чистой, неземной красотой, в сем мире не существует красоты. Тот, кто узрел красоту Фрайдис, обречен на вечные скитания, на насмешки и зависть своих собратьев. Весь мир обеспокоен его глупостью, зная, что его вера в мощь мира уже не тверда и что он стремится к тому, что находится вне пределов этого мира. В глубине души он снисходителен к сильным и глупым владыкам земли, а они, будучи сильны, замысливают месть, покуда он где-то в углу создает изваяния как напоминание о том, что потеряно. Поэтому у того, кто узрел красоту Фрайдис, вообще нет надежды...

...Того, кто решился взглянуть на королеву Фрайдис, не остановят ни змеи, ни свиньи. Его не смутит зеркало, в котором он увидит себя без обмана. Его не испугает кровь, капающая с его грязных рук, поскольку он знает, что без этого не обойтись. Однако такими испытаниями покупается лишь один час, который пройдет, а с ним покинет его и возвышенная королева Фрайдис. Останется лишь память об этом часе, жальная безжалостней овода, и бедный влюбленный будет из влажной грязи и воспоминаний лепить себе убежище. Поэтому для того, кто узрел красоту Фрайдис, вообще нет надежды.

Фрайдис внимательно его выслушала.

– Интересно, скольким другим женщинам вы рассказывали подобную ерунду о красоте, отчаянье и вечности, – сказала Фрайдис, – а им, дурочкам, весьма вероятно, нравилось это слушать! Мне интересно, как вы можете ожидать, что я вам поверю, когда вы прикидываетесь, будто думаете обо мне так изысканно, а сами держите меня в этом загоне, словно старую норовистую корову.

– Нет, этого больше не будет. Ибо теперь фигура, которую я создал для этого мира, и все прочее в этом мире, и все, что есть где-либо вне этой ограды из намасленных ивовых прутьев, для меня ничего не значит, и нет никакого смысла ни в чем, кроме красоты Фрайдис.

Дон Мануэль подошел к двери ограды, потом к окнам, вытаскивая позолоченные булавы и сверкающие иголки и снимая с медных гвоздей подковы, некогда принадлежавшие кобылице Магомета, Валаамовой ослице и Пегасу.

– Вы были в моей власти. Теперь я уничтожил эту власть, а с ней и самого себя. Теперь это место не охраняется: все ваши слуги вольны сюда войти, и для всех ваших ужасов дорога открыта. Можете спустить их на меня – мне бояться больше нечего. Ибо я люблю вас такой смертельной любовью, которая не

дорожит ничем, кроме предмета своего обожания, а вам на меня наплевать.

Она смотрела на него какое-то время, а потом со вздохом сказала:

– Это дурацкий поступок истинного влюбленного. И вы мне действительно очень нравитесь. Но, Мануэль, я не знаю, как поступить. Ничего подобного прежде не случилось, так что все мои запасы мудрости бесполезны. Еще никто не осмеливался махнуть рукой на беспощадную власть Фрайдис, как делаете вы, да еще строить мне глазки. И, кроме того, я не хочу испепелять вас молниями, а поражать безумием, похоже, нет необходимости.

– Я люблю вас, – сказал Мануэль, – а ваше сердце твердо, ваша красота умопомрачительна, и не в вашей воле освобождать или обязывать. В таком на редкость затруднительном положении как меня может, вообще волновать, что вы выберете?

– Тогда, определенно, я не стану тратить на вас свои прекрасные ужасы! – сказала она, с досадой тряхнув головой. – Да и тратить на вас время уже больше нельзя, ибо вскоре Лунные Дети вернутся на свои места, а до окончания часа, в который луна остается пустой и бессильной, я должна возвратиться в свое королевство, куда вы, чтобы досаждать там мне своей ерундой, последовать не можете. Но, смею сказать, вы меня не забудете, жаль только, что вы станете искать утешение в обычных женщинах, а они – жалкие создания.

Фрайдис вновь подошла к зеркалу и в задумчивости остановилась перед ним.

– Да, вы всегда будете помнить меня с такой прической, а жаль, но все же вы будете меня помнить всегда. И когда вы создадите новые изваяния, они будут изображать меня. Нет, я не могу допустить, чтобы вы понаделали оскорбительных пародий, похожих на изумленные трупы, чтобы люди повсюду насмеялись над королевой Фрайдис!

Она взяла волшебное перо, положенное наготове, как велел Гельмас, и начертала что-то этим пером грифона.

– Вот магическая формула заклинаний Туйлы, которые оживят ваши изваяния. Может, хоть эта примитивная магия вас немного утешит. Может, она помешает никчемным распутницам серьезно воспринимать ваше манерничанье по поводу изваяний, которые вы слепите по моему подобию вот с такой неподобающей прической.

– Ничто не сможет меня утешить, прекрасная соперница, раз вы уходите от меня, – сказал Мануэль, но достал мазь.

Глава XV

Перевязка победителя

Они вышли за ограду и подошли к древнему жертвеннику Нановиза, тогда как луна все еще была пуста и бессильна. Слуги Фрайдис толпой неслись к Морвену после часа, приятно проведенного в Пуактесме за буйствами и неистовствами. Они появились в облике спорнов, калькаров и других давно забытых существ безо всякого звука, так что Морвен стал похож на расстроенный рассудок несчастного, умирающего в лихорадке. А со всех сторон Амнеранские ведьмы одобрительно кивали при виде этого зрелища.

Одно за другим эти существа подбегали к огню и кричали: «Грош, грош, два гроша, полтора гроша и полгроша!», входя в огонь, являющийся воротами их дома.

– Прощайте! – сказала Фрайдис, и, говоря это, она вздохнула.

– Не таковым должно быть наше расставанье, – сказал Мануэль. – Послушайте, королева Фрайдис! Именно Гельмас Глубокомысленный открыл мне необходимое. «„Королева“ – то же самое, что „коей-роль-ева“, что означает „женщина“, ни больше и ни меньше, – сказал мудрый король. – Тебе нужно запомнить лишь это».

Она поняла его мысль и в гневе воскликнула:

– Значит, все эти глупости, которые вы наговорили о моей внешности и своей любви, подготовлены заранее! И вы коварно выманили у меня тайное заклинание Туйлы, делая вид, что меня любите, соблазняя, как скотник молочницу! Теперь, определенно, я награжу вас за искренность так, что об этом еще долго будут перешептываться.

С этим королева Фрайдис распространила вокруг опустошительную магию.

– Все-все было подготовлено заранее, кроме одного, – сказал Мануэль со смехом, даже не глядя на отступающих его чудовищ. Он бросил в огонь пергамент, данный ему Фрайдис. – Да, все было подготовлено заранее, кроме одного: Гельмас не учел, что я не смогу вам солгать. Из-за этого вся мудрость Глубокомысленного пошла прахом.

Тут Фрайдис сделала знак удалиться тем отвратительным чудовищам, которых она уже вызвала на погибель дона Мануэля.

– Но у вас вообще нет здравого смысла, ибо вы жжете себе руку, – крикнула она.

Юноша сморщился и отдернул руку, ведь, делая благородный жест, он не рассчитал, как заметила королева Фрайдис, насколько горяч ее огонь.

– Для меня, испытывающего настоящую боль, это пустяки, – угрюмо сказал Мануэль. – Я собирался солгать, а ложь у меня на устах обернулась правдой. По крайней мере, я не получаю выгоды от своего вероломства, и я машу вам на прощанье пустыми руками, огнем очищенными от воровства.

Тут она, являющаяся теперь обыкновенной женщиной, сказала:

– Но вы же обожглись!

– Не беспокойтесь, у меня есть мазь. Ступайте, королева Фрайдис, подходит к концу тот час, когда луна пуста и бессильна.

– Еще есть время. – Она быстро принесла из-за ограды воду и обмыла руку дона Мануэля. Из огня послышался шепот:

– Поторопитесь, королева Фрайдис, поторопитесь, дорогая сказочная повелительница!

– Еще есть время, – сказала Фрайдис. – Перестаньте меня будоражить! – Она принесла из-за ограды горшочек с мазью и смазала Мануэлю руку.

– Боррам, боррам, Леанхаунши! – затрещал огонь. – Час подходит к концу.

Тут Фрайдис отбежала от Мануэля к пламени, за которым она была королевой древних таинств и где не ее воля, освобождать или обязывать. И она поспешила проговорить:

– Грош, грош, два гроша...

На мгновение она оглянулась на Морвен и на сидящего посреди Морвена одинокого и больного Мануэля. В его глазах она увидела безмерную и безнадежную любовь. И в груди Фрайдис шевельнулось сердце обыкновенной женщины.

– Ничего не могу поделать, – сказала она, когда ее час уже прошел. – Кто-то должен вас перевязать, а мужчины ничего не смыслят в таких делах.

При этом огонь сердито заревел, вспыхнул и погас, ибо Лунные Дети Биль и Хьюки вернулись от колодца, называемого Бюргир, и луна уже больше не была пуста и бессильна.

– Ведь так лучше? – сказала Фрайдис. Она знала, что в этот миг вечность, печаль и смерть где-то затевают неизбежные засады, чтобы вскоре наброситься на нее, ибо после того, как погас этот огонь, она стала смертной, но она намеревалась использовать новую ипостась наилучшим образом.

Какое-то время граф Мануэль молчал. Потом он сказал срывающимся голосом:

– О, женщина – дорогая, прелестная, верная и сострадательная, тебя и только тебя должен я любить вечно с такой нежностью, которая отвергается гордыми и одинокими королевами на их высоких тронах! И именно тебе должен я всегда служить такой любовью, которая не может быть отдана никакому изваянию, кем бы оно ни было создано в этом мире! Может быть, вся жизнь лишь мелочная трата нескончаемых усилий, может быть, пути людей зачастую безрассудны, однако эти пути впредь – наши и вовсе не безнадежны, ибо мы пойдем по ним вместе.

– Определенно, в Ауделе не услышишь подобного бреда и не проживешь подобного часа, – ответила Фрайдис, – который сегодня ночью лишил меня королевства.

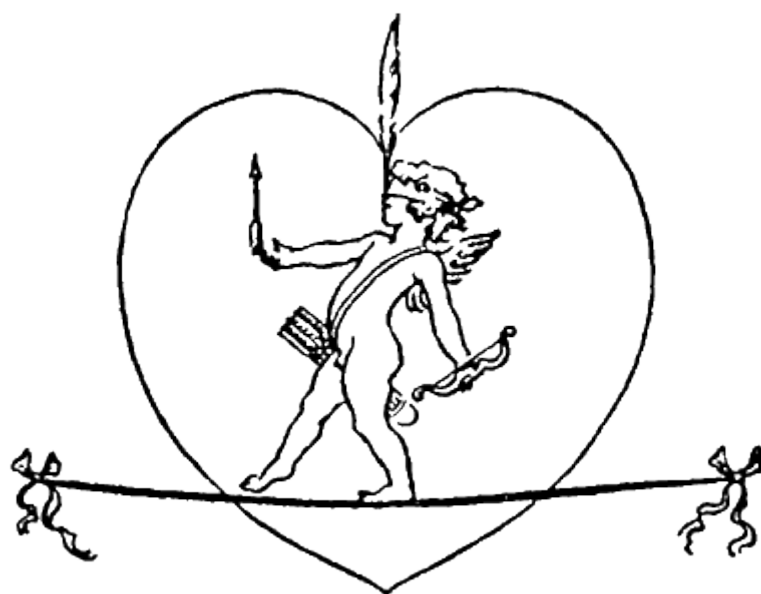
– Любовь возвратит долг, – сказал Мануэль в легкомысленной манере мужчин.

А Фрайдис, теперь во всем обыкновенная женщина, тихо и нежно рассмеялась в темноте.

– Возвратит его мне так, мой дорогой: сколько бы я тебя ни уговаривала, никогда не рассказывай мне, как так получилось, что бинты и горшочек с мазью были наготове у зеркала. Ибо обыкновенной женщине не следует разгадывать замыслы мудрых королей, а еще хуже для нее разгадывать высокопарные уловки своего мужа.

Между тем в Арле юная Алианора готовилась к замужеству с большой осмотрительностью. Англичане, которые поначалу требовали двадцать тысяч марок в качестве приданого, после непрерывных переговоров согласились принять ее с тремя тысячами, и она получала в наследство Плимут, Экстер, Тивертон, Торкуэй, Бриксем и оловянные рудники в Девоншире и Корнуолле. Во всем, кроме супруга, ее брак виделся превосходным, так что весь Арль в тот вечер был украшен знаменами, флажками, гирляндами, яркими фонарями и факелами, и по всему Провансу проходили народные гуляния, а принцесса приобрела огромную славу и уважение.

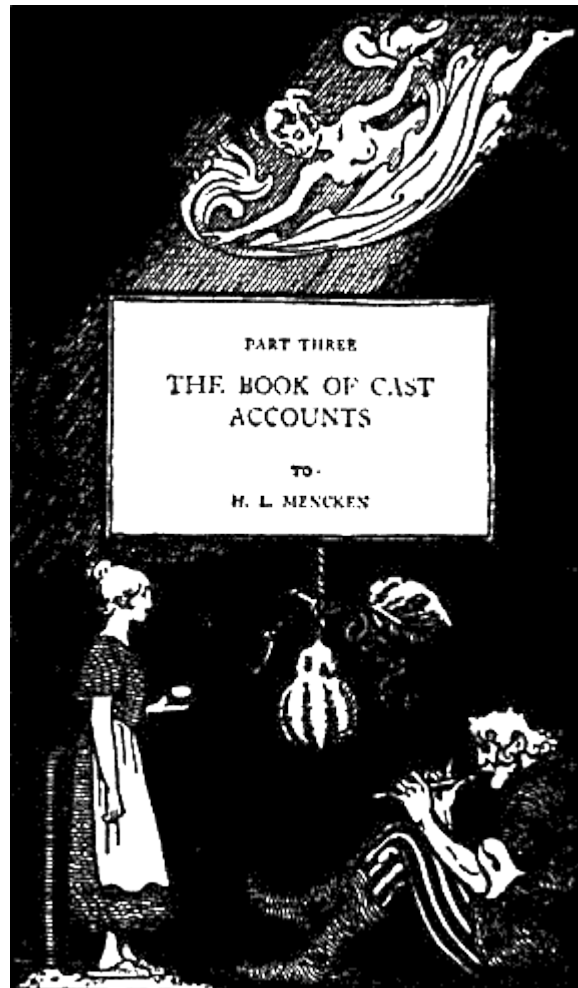
А на темном Морвене они приобрели счастье: неважно, надолго ли.

ЧАСТЬ III

Книга Баланса

«Прими во внимание, беспристрастная Беда, – молвил Мануэль, – что не в силах человека любовь свою поместить туда, куда пожелает, поскольку он – творение высшего Божества. „В Понте никогда не видали Птицу“, да и истинную любовь в мелкой душе. Но никогда не уйдет страсть из моего сердца, которое по природе своей напоминает камень Абистон».

Глава XVI

Фрайдис

В Пуактесме рассказывают, как королева Фрайдис и граф Мануэль дружно жили вместе на Морвене. Также повествуется, как незаконный захватчик, герцог Асмунд, в это время владел неподалеку Бельгардом, но его норманны держались подальше от Амнеранской Пустоши и Морвена из-за сверхъестественных существ, которых в любой момент можно было там повстречать, так что у Мануэля и Фрайдис соседей сначала не было.

– Когда-нибудь, – сказала Фрайдис, – тебе придется захватить Бельгард и отрубить герцогу Асмунду его мерзкую голову, поскольку по праву собственности в соответствии с грамотой короля Фердинанда весь Пуактесм принадлежит тебе.

– Думаю, мы с этим немного погодим, – сказал Мануэль. – Я от всей души не хочу быть связанным пергаментами с позолоченной графской печатью, а хочу путешествовать, чтобы увидеть пределы этого мира и их оценить. В любом случае, милая Фрайдис, на данный момент меня вполне устраивает наш маленький домик, а политика может подождать.

– Все же в связи с этим что-то следует сделать, – сказала Фрайдис. И, так как Мануэль имел упорное предубеждение против любой моровой язвы, она напустила на Асмунда проклятие, из-за которого он оказался подвержен всем незначительным недомоганиям, которые могли иметь место между мозолями на ногах и перхотью под короной.

На Морвене Фрайдис своими чарами возвела скромный дом, построенный из яшмы, порфира, желтой и фиолетовой брекчии. Изнутри каменные стены повсеместно были покрыты замечательными ажурными рельефами, а через равные промежутки инкрустированы кругами и квадратами из фаянса бирюзового цвета. Пол, конечно же, был цинковый, защищавший от недружелюбных Альвов, которые находились в постоянной войне с Ауделой, и, более того, дом огораживал палисад из ивовых прутьев, намазанных не животным, а растительным маслом и связанных лентами без узлов.

Все было очень просто, по-домашнему, а когда возникала необходимость, им прислуживали подданные Фрайдис. Падшая королева теперь стала серой колдуньей – конечно же, не по внешнему виду, но по возможностям, которые не были ограничены рамками черной или белой магии. Она обучила дону Мануэля магии Ауделы, и они с Мануэлем в ту весну и в то лето посвятили много времени вызыванию для собственного развлечения в перерывах между супружескими утехами древних развенчанных богов, забавных чудовищ и назидательных призраков.

Они больше не слышали о глиняной фигуре, которой дали жизнь, кроме известия, принесенного одним привидением, о том, что, когда хромой веселый малый спустился с Морвена, добропорядочные жители повсюду были напуганы, поскольку он шел, как и был сотворен, совершенно голым, а это не считается приличным. А с запада, из болот Филистии, появился некий огромный жук-навозник и повсюду следовал за одушевленной фигурой, крича и брызгая слюной: «Мораль, а не искусство!» И на некоторое время эта фигура уходит из сказания о Мануэле с этим зловонным спутником.

– Но мы создадим более прекрасную фигуру, – говорит Фрайдис, – так что это не важно.

– Да, – говорит Мануэль, – но мы с этим немного погодим.

– Ты теперь всегда так говоришь!

– Но, моя милая, насколько приятно здесь отдыхать, когда мой гейс выплачен, какое-то время не занимаясь ничем серьезным. Вскоре мы, конечно же, отправимся в путешествие, а когда мы увидим пределы этого мира и их оценим, у меня будет достаточно времени и знаний, чтобы отдать их созданию этого изваяния.

– Не в каких-то далеких странах, милый Мануэль, а в своей земле должен человек искать материал для творений.

– В общем, может, оно и так, но твои поцелуи мне нравятся больше твоей магии.

– Мне приятно слышать такие слова, мой дорогой, но все же...

– Нет, ничего подобного. Ты мне действительно намного милее, когда обнимаешь меня, а не когда носишься по свету, обернувшись свиньей, змеей или молнией, и элегантно истребляешь целые народы.

Сказав это, он поцеловал ее, и спор прекратился сам собой, поскольку в эти мирные времена королеву Фрайдис в глубине души поцелуи интересовали много больше всякой магии. На самом деле, никогда не существовало чародейки более трепетной и нежной, чем Фрайдис. А теперь, когда она стала обыкновенной женщиной, эти черты раскрылись в полной мере.

Если она и раздражалась, то лишь тогда, когда Мануэль признавался в ответ на ревнивые расспросы, что он находит ее не такой красивой и не такой умной, какой была Ниафер. Но с этим, как подчеркивал Мануэль, ничего не поделаешь, поскольку никогда не будет второй Ниафер, и бессмысленно говорить обратное.

Возможно, Мануэль в это верил. Весьма безыскусная, не очень рассудительная и ни в каком отношении не ослепительная служанка вполне могла стать – тем необъяснимым образом, каким происходит все на свете, – женщиной, которую избрало сердце Мануэля и которой в его глазах всю оставшуюся жизнь не должно быть равных. Определенно, ни один беспристрастный судья не постановил бы, что эта смуглая Ниафер, если можно так выразиться, стоит хотя бы мизинца Фрайдис или Алианоры, тогда как Мануэль не утаивал даже от самих этих августейших особ своих личных своеобразных оценок.

С другой стороны, некоторые говорят, что дамы, привыкшие к ежечасному восхищению собой, не могут вынести проходящего мимо мужчину, который, похоже, не от всего сердца восхищается ими. Тот, кто вообще не восхищается, очевидный дурак, и о нем не стоит и беспокоиться. Но вокруг того, кто признает, что «вы достаточно милы», и вроде как проходит мимо, возникает некая тайна. И есть один способ разрешить ее – преследовать этого выскочку. Некоторые утверждают, что косоглазому Мануэлю была известна эта аксиома и он не забывал о ней при отношениях с Фрайдис и Алианорой. В любом случае подобные теоретики никогда не получали от дон Мануэля никакого словесного подтверждения. Ниафер умерла и была для него потеряна, и он, не щеголяя каким-либо беспримерным пылом, влюбился в Алианору. А теперь, когда Фрайдис ради его поцелуев лишила себя бессмертия, у высокого юноши вновь было некое выражение согласия на лице, признающее ее жертву, ее красоту, всю ее власть и мудрость в целом в качестве самой доступной и близкой замены скудному очарованию Ниафер.

Однако другие заявляют более просто, что дон Мануэль был так устроен, что меньше ценил любое желание после того, как оно исполнялось. И они говорят, что он заметил это – опять-таки тем необъяснимым образом, каким происходит все на свете, – теперь, когда Мануэль овладел неземной королевой, которая стала, точно так же, как и Алианора, обычной женщиной и которая в общении со своим возлюбленным вела себя именно как таковая.

– Но действительно ли ты меня любишь, о мужчина из всех мужчин? – обычно спрашивала Фрайдис. – И, не считая этой проклятой Ниафер, любишь ли ты меня чуточку больше, чем любишь какую-либо другую женщину?

– Разве есть какие-либо другие женщины? – удивлялся Мануэль. – О, разумеется, я полагаю, есть, но я о них забыл. Я не слышал, не видел и не думал о тех существах в юбках с тех пор, как появилась моя дорогая Фрайдис.

Чародейка при таких речах мурлыкала и склоняла голову туда, где, по мнению Фрайдис, было место именно для нее.

– Мне бы хотелось верить твоим словам, король моего сердца. Мне теперь приходится прилагать такие усилия, чтобы побудить тебя произнести эти глупые, милые слова. И даже когда наконец ты их говоришь, голос у тебя легкомысленный и веселый, и они звучат так, будто ты шутишь.

Он поцеловал ее косу, благоухавшую возле его губ.

– Неужели ты не знаешь, что, несмотря на мои шутки, я очень тебя люблю?

– Я постоянно повторяю это самой себе, – критически заметила Фрайдис. – Ты должен позволять

своему голосу немного срываться после первых трех слов.

– Я говорю так, как чувствую. Я люблю тебя, Фрайдис, и именно это тебе и повторяю.

– Да, но ты уже не надоедаешь этим все время.

– Увы, моя милая, ты уже не недоступная Королева страны с той стороны огня, а это, несомненно, имеет значение. Однако я люблю тебя, как ни одну из всех живущих на свете женщин.

– Но, мой дорогой, кто любит тебя сильнее, чем может выразить человеческий язык?

– Одна безнадежно неизлечимая, прелестная, слабоумная, – сказал Мануэль. Притом он сделал так, что его слова оказались вполне подходящими.

Через некоторое время Фрайдис с наслаждением вздохнула:

– Это избавляет тебя от объяснении, не правда ли? А ведь в ту первую ночь, чтобы облапошить меня со своими изваяниями, ты говорил на редкость безумно и привлекательно, тогда как теперь твои речи вообще не радуют мой слух.

– О Небеса! – сказал Мануэль. – Я обнимаю маньячку! Милая Фрайдис, что бы я ни сказал, все это те же самые банальные слова, которые от сотворения мира миллионы мужчин шепчут миллионам женщин, а моя любовь к тебе не имеет себе равных, и ей не следует рядиться в поношенные одежды.

– Ты сейчас снова отделяешься от меня шутками, твой голос весел и легкомыслен, и в нем не слышно никакой верности: это меня беспокоит.

– Я говорю так, как чувствую. Я люблю тебя, Фрайдис, и именно это тебе и повторяю, но я не могу повторять это каждые пятнадцать минут.

– Однако я вижу, что этот огромный косоглазый юноша – самая неразговорчивая и самая упрямая скотина из всех двуногих!

– А иначе был бы я у тебя?

– Увы, в этом и состоит вся странность. Но я теряюсь в догадках о том, предвидел ли ты именно это?

– Я? – воскликнул Мануэль. – Моя милая, когда ты удостоверишься, что я – самое честное и откровенное существо из когда-либо живших на свете, ты начнешь ценить меня по-настоящему.

– Знаю, что ты именно такой, мой большой мальчик. Но все же я гадаю, – сказала Фрайдис, – а догадки – утонченная, изысканная печаль.

Глава XVII

Магия создателей образов

Вскоре по окрестностям разнесся слух, что королева Аудельская Фрайдис стала обыкновенной женщиной, и вслед за этим местные маги начали приходить на Морвен в поисках ее благосклонности, за советом и помощью Шамира.

Эти маги, как пояснили Мануэлю, тоже создавали образы, пытались их оживлять, – правда, никто точно не знал, как это делается, а сами маги и вовсе не имели об этом представления.

Однажды Мануэль посетил вместе с Фрайдис одно темное место, где работали некоторые из этих чудотворцев. При свете раскаленных углей их глиняные изваяния казались румяными, а сами создатели двигались перед ними, производя действия, которые, весьма сострадательно, были скрыты от Мануэля необычайно ароматным сумраком.

Когда Мануэль вошел на галерею, один из кудесников снизу из темноты резким голосом что-то запел.

– Это незаконченная руна Черных Дроздов, – шепотом сказала Фрайдис.

Под ними раздавались пронзительные завывания:

– Втиснуты, сжаты и так погребены, несмотря на крики (спокойны будьте), по образу того, как худой раджа поступал с пойманными конями в Калькутте. Смело пробей толщу земли и стань их бранить, открыв пошире рот, тем, что клювы шепчут Саксу, как раньше всегда говорил Витенагемот! Как ни одна белая птица, они поют (там, где не разводят фениксов), взглядом сердито отменяя бездарность; но там нигде нет отказа: их чеканка – о, изящество! – есть благодарность.

В темноте заговорил второй волшебник:

– Вдали от их хора сидел король в золотом костюме, играя роль скупца, что считает горы монет, жалея, что в них пары франков нет. А королева в ту жуткую ночь, хотя клялась, что поститься не прочь, сидела, делая (слух гласил) седьмой бутерброд из последних сил (так слухами все дворы полны) со золотом из королевской казны. А к ней из парка, как свежий бриз, летела песня девы Дениз...

Тут вступил третий, запев:

– А пела о том, как смышлен и жесток рожденный зверь, сиянием северных крайних широт одетый теперь, цветением плоти белее, чем самый крутой ураган, что снежную крепость берет, используя гром, как таран, и пела, как люди сказали все, что земля одна, – ушла ли хозяйка ее поутру или ждет допоздна, в обломках крушения ль бьется, то ли бежит всех забот, а то ль притаилась в хлебах – также туда побредет.

Затем начал четвертый:

– Дениз так пела, а пока белье, что свято королевский сон блюдет, она располагала по чинам; и не мечтала о судьбе своей, что ожидала, дабы оглушить: седьмая зависает так волна, а солнце, золотом воду расколов, как будто золотит смерть, что грядет к тому, кто видит то, что суждено, – возвышенную и благую смерть! – пока волна несется вниз – конец! Парит так ворон в небесах: считай – один, два, три, четыре, пять, шесть; но вряд ли скажешь – семь...

Они продолжали, но Мануэль их больше не слушал.

– В чем смысл всего этого? – спросил он у Фрайдис.

– Это экспериментальное заклинание, – ответила она, – в котором есть чуточку незаконченной магии, для которой еще не найдено подходящих слов. Но когда-нибудь на них наткнутся, и тогда эта руна будет жить вечно, пережив все те рифмы, что заражены рассудком и разумными смыслами, противными человеческой природе.

– Значит, слова настолько важны и непреходящи?

– Мануэль, я тебе удивляюсь! Чем же еще человек отличается от других животных, кроме того, что им пользуются слова?

– Я бы сказал, что люди пользуются словами.

– Существуют, конечно же, взаимные уступки, но в главном человек более подвластен словам, чем они ему. Что ж, подумай лишь о таких ужасных словах, как «религия», «долг» и «любовь», «патриотизм» и «искусство», «честь» и «здравый смысл», и о том, что эти слова-тираны делают с людьми и из людей!

– Нет, это резонерство: ибо слова – только преходящие звуки, тогда как человек – дитя Бога и обладает бессмертным духом.

– Да-да, мой дорогой, я знаю, ты в это веришь, и у тебя эта вера выглядит мило и привлекательно. Но, как я говорила, человек обладает телом животного, чтобы набираться опыта, и мозгом животного, чтобы этот опыт осмысливать, так что его соображения и суждения всегда будут мыслями более или менее разумного животного. Но в его словах очень часто заключена магия, и ты это поймешь, когда я сделаю тебя величайшим из создателей образов.

– Да-да, но с этим мы можем немного погодить, – сказал Мануэль.

После этого Мануэль признался Фрайдис, что облик этих чудотворцев его настораживает. Он думал, что восхитительно создавать оживающие образы, до тех пор, пока не увидел и не разглядел внешность этих заурядных создателей образов, которые оказались уродливыми, рахитичными и вспыльчивыми. Они беспомощны, злобны и недоверчивы, а в повседневных делах недалеко от слабоумных. Они явно презирают всех, кто не способен создавать образы, и, очевидно, питают отвращение к тем, кто может это делать. С Мануэлем они были особенно высокомерны, уверяя его, что он лишь преуспевающий, претенциозный псевдоволшебник и что вред, причиненный самобытным чудотворцем, может быть очень-очень велик. Неужели эти сумасшедшие формовщики грязи могут служить образцом крепкому, здоровому парню? И если б Мануэль стал перенимать их искусство, спросил он в заключение, не перенял бы он и их черты?

– И да, и нет, – ответила Фрайдис. – Ибо, согласно древнему таинству Туйлы, они извлекают из себя самое лучшее, чтобы наполнить им свои образы, а это лишает их добродетелей. Но мне бы хотелось обратить внимание на то, что самое лучшее, содержавшееся в них, продолжает жить, тогда как самое лучшее, что есть в других людях, погибает вместе с ними где-нибудь на поле брани, на постели или на виселице. Вот почему я подумала, что сегодняшний день...

– Нет, мы с этим немного погодим, ибо я должен прокрутить все у себя в голове, – сказал Мануэль, – и свое мнение по этому вопросу я изложу позднее.

Но пока его голова занималась этим вопросом, пальцы Мануэля создавали забавные фигурки десяти создателей образов, которых он в итоге оставил неживыми. Фрайдис улыбнулась при виде этих карикатур и спросила, когда Мануэль даст им жизнь.

– О, в свое время, – сказал он, – и тогда их ужимки смогут развлечь. Я ощущаю, что занятия магией Туйлы связаны с крупными жертвами и серьезными опасностями, поэтому я не спешу ей заниматься. Я предпочитаю получать удовольствие от того, что мне милее.

– А что для тебя может быть милее?

– Молодость, – ответил Мануэль, – и ты.

Королеве Фрайдис, которая сейчас во всем была обыкновенной женщиной, такой ответ доставил наслаждение.

– Неужели тебе этого довольно, король моего сердца? – осторожно и нежно спросила она.

– Нет, – сказал Мануэль, глядя поверх Морвена на скрытый облаками Тауненфельский хребет. – Но я никогда и не стремился быть удовлетворенным в этом мире людей.

– В самом деле, Мануэль, люди – это стадо бедных скудоумных тварей... Он задумчиво ответил:

– Но я не могу примириться с мыслью, что они должны быть мне братьями. Я, являющийся знаменитым героем, целыми днями пребываю в сомнении и страхе из-за этих непостижимых и загадочных существ. Со всех сторон меня окружает скудоумие и тупость, меня воротит от их вытянутых физиономий, но я должен всегда скрывать свое отвращение. В моей жизни нет часа, когда бы я не скрывался за броней из

отговорок и вранья, а в этих доспехах я очень одинок, Фрайдис. Ты же твердишь о глубокой любви к этому наглухо закрытому Мануэлю. Но какая мудрость откроет тебе или мне, кто такой Мануэль. Ох, я сбит с толку непостоянством, одиночеством и бессилием этого Мануэля! Милая Фрайдис, не надо любить мое тело или мою манеру говорить – ничего из того, что у меня во плоти, ибо все это бrenно и обещано червям. И в этой мысли тоже есть своя печаль...

– Давай не будем говорить об этом! Давай не будем думать ни о чем ужасном, а только друг о друге!

– Но я не могу примириться с мыслью, что ты так и не узнаешь истинного меня, заключенного в это бrenное тело. Фрайдис, нет способа, который позволит двоим встретиться в этом мире людей. Мы лишь издали отчаянно машем друг другу, прекрасно понимая, что эти знаки будут неверно истолкованы. Мы появляемся из материнского чрева, как пародии на своих родителей, и, суетно жестикулируя, спешим к чреву могилы. И в этой толкучке мы не находим себе товарищей, поскольку ни единой душе не дано приблизиться к другому по мосту из слов. На самом деле, не найти слов, чтобы выразить мое огромное, невозможное желание любить и быть любимым, точно так же, как не найти слов, чтобы выразить не вполне постижимую мысль, которая вертится у меня в голове в данную минуту. Но в этой мысли тоже есть своя печаль...

Мануэль по-прежнему смотрел на зелено-фиолетовые горы и высокие облака, плывущие на север. Этот величественный и прекрасный пейзаж, казалось, был совершенно равнодушен к судьбам человечества. Фрайдис сказала:

– Давай не будем думать слишком много об этом, мой милый. Для молодых это пустая трата прекрасного времени, а молодость коротка.

– Но я не могу примириться с мыслью, что ты никогда не полюбишь и не познаешь истинного Мануэля, и мне не дает покоя то, что наши органы чувств, единственно посредством которых мы узнаем друг друга, могут обманывать. Чем я могу быть для тебя, как не плотью и голосом? Но не в этом причина моей тоски, милая Фрайдис, а в том, что мои сомнения во всем, даже в тебе, милая Фрайдис, даже когда я обнимаю тебя, стеной встают между нами: низкой, длинной, прочной стеной, которую нам никогда не разрушить. Я понимаю, что в действительности я никакой не герой, а лишь скучный и одинокий обитатель подозрительного замка своего тела; что я, который сам не знает, кто он такой, буду умирать в сомнениях и одиночестве под надежной защитой позерства, грубоватости и жизнерадостности, которыми я отгородился, чтобы выжить. И в этой мысли тоже есть своя печаль.

Сейчас Мануэль был таким, каким Фрайдис его никогда не видела. Она удивилась, она была напугана неожиданной мрачностью этого красивого парня, в то время как ее мягкие алые желанные губы были от него так близко, а ее темные глаза смотрели на него с прекрасным и нежным томлением, которое не описать.

– Я не понимаю тебя, мой дорогой, – сказала она, уже не возвышенная королева Аудельская, а лишь простая смертная. – Верно, что весь мир вокруг нас – только иллюзия, но ты и я – реальны и очень близки, поскольку ничего не скрываем друг от друга. И я уверена, что нет никого счастливей нас и никто так не подходит друг другу. И, определенно, подобная мнительность не к лицу тебе, который, как ты сам сказал лишь на днях, от природы честный и откровенный.

Тут мысли Мануэля вернулись назад от облаков и зелено-фиолетовых гор. Он несколько мгновений смотрел на нее очень серьезно, потом невесело рассмеялся и сказал:

– Вот!

– Но, дорогой, ты сам не свой...

– Да-да! – сказал Мануэль, целуя ее. – Я на минутку забыл, что я честный, откровенный и какой-то еще, каким ты представляешь меня. Теперь я снова обрел свое прежнее искреннее, жизнерадостное и грубоватое «я» и больше не стану будоражить тебя подобными глупостями. Ведь я – Мануэль: я следую своим помыслам и своему желанию, и, если это приведет меня к одиночеству, я должен его перенести.

Глава XVIII

Выбор Мануэля

– Но я не могу понять, – сказала Фрайдис в один прекрасный сентябрьский день, – как так получается, что и Шамир у тебя в руках, и тайна одушевления изваяний, но ты не используешь ни тайну, ни талисман. Ты не создаешь больше фигур, ты теперь говоришь: «Нет, мы немного погодим», ты даже не захотел оживить десять карикатур на создателей образов, которые уже слепил.

– Это произойдет в свое время, – сказал Мануэль, – но оно еще не пришло. Между тем я избегаю занятий древним таинством Туйлы, потому что видел, какое действие оно оказывает на злоупотребляющих им. На мне был гейс создать фигуру, и я слепил и оживил такого великолепного веселого молодого героя, который отвечал моим помыслам и желанию. Таким образом, насколько я понимаю, мой гейс выполнен – у всего есть конец. Возможно, Небеса обогнали меня в количестве созданий, но первенство в таком деле – не вопрос арифметики.

– О да, у моего косоглазого мальчика все добродетели, включая скромность!

– В общем, я видел, что моя идея получила воплощение и покинула Морвен. Во всех отношениях этот парень, за исключением легкой хромоты, которая, по-моему, его не портит, ни в чем не уступает воплощениям идей того великого мастера, которого одни называют Пта, другие Яхве, третьи Абрахас, а кое-кто Кощей Бессмертный. Короче, я создал фигуру более восхитительную и значительную, чем все человеческое стадо, и почиваю на лаврах.

– Верно, ты сотворил прекрасное живое существо.

Но тогда разве женщина, производящая на свет красивого мальчика, не делает то же самое?

– Принцип не один и тот же, – с достоинством сказал Мануэль.

– Да почему ж?

– Для начала, мое изваяние – оригинальное, выполненное мной без посторонней помощи произведение, тогда как дети, насколько я представляю, являются результатом не вполне логичных совместных действий. Поэтому и ребенок в известной степени случайное произведение, и его черты и особенности не могут быть точно задуманы заранее и тем более выдержаны его создателями, которые в пылу творения, по-моему, зачастую отклоняются от лучших эстетических канонов.

– Что до этого, то никому из создающих уникальные вещи не удастся создать их точно по проекту. Помнишь, даже твой парень хромал...

– Да, но как изящно!

– Нет, Мануэль, лишь чудотворцы, вызывающие мертвецов и приказывающие духам возвратиться в плоть, могут быть уверены в результатах своего чародейства. Ибо лишь эти волшебники знают наперед, что они сотворят.

– О, это новость! Так ты думаешь, можно вызвать мертвеца в некоем более осязаемом облике, нежели поучительный призрак? Думаешь, можно умершую девушку – или, коли на то пошло, умершего юношу, или почившего архиепископа, или покойного старьевщика – вернуть к жизни в теплой плоти?

– По дорогой цене, Мануэль, возможно все. Мануэль же сказал:

– Какую цену надо заплатить, чтобы получить назад добычу Смерти? И каким образом дать эту взятку? Впрочем, богатства и красоты этого большого круглого мира покажутся грошом по сравнению с ее сундуками – крохотной, не очень-то блестящей монеткой, которая – даже она! – принадлежит Смерти, но та ее еще пока не подобрала. Вскоре этот час и все, что важно прошествовало по свету в течение этого часа, окажется в тех склепах, где горами лежит все, что ценилось в старину...

...Сейчас там собраны такие силы, красота и мудрость, каких не может ухватить человеческая мысль. Император владеет здесь половиной мира, но там Смерть делает из императоров ничто. А в

переполненных кладовых Смерти никто не побеспокоится составить опись тысяч и тысяч императоров, царей, пап, фараонов и султанов, которым в их дни поклонялись как всемогущим. Сейчас же они там в общей куче, наряду со всем, что ценилось в старину...

...Это же касается и красоты: даже красота Елены не выделяется таким среди миллионов ослепительных цариц. Здесь много хорошеньких женщин, но выше всех Фрайдис, поэтому я доволен. Но там – полногрудая Семирамида, светлокудрая Гинерва, Магдалина, любившая Христа, Европа – смеющаяся невеста быка и Лилит, чей горячий поцелуй воспламенил Сатану, и много других дам, о силе красоты которых слагались песни, заставляющие нас вспомнить все, что ценилось в старину...

...Когда мудрости не хватает, у нас здесь всегда найдутся деловые люди, способные сложить два и два, а справедливость немедленно отличает от несправедливости ближайшее жюри из двенадцати присяжных. Здесь у нас есть много Гельмасов, мудро рассуждающих под сенью гусиных перьев. Но там – Катон, Нестор, Мерлин и Сократ. Абельяр сидит рядом с Аристотелем, а семеро мудрецов беседуют с великими пророками, там – все, что ценилось в старину...

...Все-все собирается в переполненные кладовые и укрывается настолько надежно, что богачка Смерть вполне может презрительно насмехаться над Жизнью. Веем-веем владеет Смерть, а Жизнь только расчесывает свои болячки, покуда Смерть ей это позволяет. Нет, Фрайдис, Смерть подкупить нельзя! И какую взятку должна предложить Жизнь, какую бы Смерть уже не получила и не похоронила в тысячах пыльных гробов наряду со всем, что ценилось в старину?

Фрайдис ответила:

– Только одно. Да, Мануэль, есть одно, чего никакие грабежи Смерти никогда не отнимут у Жизни и что никогда не попадет под ее власть. Приняв это во внимание и сделав то, что требуется, очень отважные могут возвращать умерших к жизни в теплой плоти.

– В общем, я слышал истории о самонадеянных людях, пытавшихся сотворить подобные чудеса, но путь всех этих смельчаков рано или поздно заканчивался Бедой.

– Разумеется! К кому же еще, по-твоему, должен вести их путь? – сказала Фрайдис. И она объяснила, как обстоит дело.

Мануэль задал много вопросов. Весь этот вечер он был задумчив и необычайно нежен с Фрайдис, а ночью, когда Фрайдис уже спала, дон Мануэль еле заметно поцеловал ее, затем прищурил глаза и на мгновение закрыл их ладонью. Стоя вот так, высокий юноша странно шевелил губами, словно они онемели, а он старается вернуть им подвижность.

Затем он надел доспехи и опоясался мечом. И он вышел, крадучись, из их скромного волшебного дома, направился в Бельгард и украл коня из конюшни герцога Асмунда.

Эту ночь и весь следующий день дон Мануэль скакал от Морвена, от домика из яшмы, порфира, фиолетовой и желтой брекчии, от Фрайдис, которая отдала бессмертие ради его поцелуев. Он ехал на север, к глухим лесам Дан-Валахлона, где листья горели похоронным пламенем осени. Ибо лето, в которое дон Мануэль и Фрайдис были счастливы вместе, теперь умерло так же, как и то отдаленное странное время, которое он разделил с Алианорой.

Глава XIX

Голова беды

Когда Мануэль достиг опушки леса, ему повстречался рыцарь в ярко-красных доспехах с женским рукавом, повязанным вокруг шлема. И в первую очередь этот рыцарь строго спросил, кто возлюбленная дама Мануэля.

– У меня нет живой возлюбленной, – сказал Мануэль, – кроме женщины, которую я бесцеремонно оставил, поскольку, мне кажется, это единственный способ избежать выяснения отношений.

– Но это не по-рыцарски и выглядит дурно.

– Весьма вероятно, вы правы, но я – не рыцарь. Я – Мануэль. Я следую своим помыслам, а наложенное на меня обязательство указывает надлежащее использование знания, которое я получил от этой женщины.

– Значит, вы негодный изменник женщин и лишенный мужественности подлец.

– Да, полагаю, так, ибо я предал еще одну женщину: позволил, а на самом деле и помог, ей умереть вместо меня. И этим самым взял на себя еще одно обязательство, которое увело меня из домашнего уюта и нежных объятий, которые меня вполне удовлетворяли, – говорит со вздохом Мануэль.

Но ищущий приключений рыцарь в красных доспехах тут пришел в негодование:

– Послушай, долговязый, косоглазый рыцарь-злодей! При каком дворе одобряют такие поступки, как убийство женщин, и какое еще грязное плутовство ты здесь затеваешь?

– Последнее время я пребывал при дворе Раймона Беранже, – говорит Мануэль, – и раз вы склонны интересоваться моими личными делами, то я пришел в этот лес в поисках Беды, или Кручины, или как там еще ее называют в этих краях.

– Ага, и ты один из друзей Раймона Беранже?

– Да, полагаю, так, – говорит, прищурившись, Мануэль, – да, полагаю так, поскольку помешал тому, чтобы его отравили.

– Приятно слышать, ибо я всегда был одним из врагов Раймона Беранже и всех его подобных друзей, которых встречал, я немедленно убивал.

– Без сомнения, у всех есть свои причины, – сказал Мануэль и уже поехал было дальше, но рыцарь в гневе воскликнул:

– Повернись, долговязый идиот! Повернись ко мне лицом, предатель женщин!

Он набросился, как ураган, на Мануэля, и у Мануэля не было выбора. Они начали сражаться, и вскоре Мануэль сбросил ярко-красного рыцаря с коня и убил его. Примечательно, что из смертельной раны не потекла кровь, но лишь посыпался очень мелкий черный песок, из которого выползла и быстро убежала прочь маленькая ярко-красная мышь.

Тут Мануэль сказал:

– По-моему, эта часть леса, в которую меня направили, особенно удивительна, и я гадаю, что за обида могла быть у этого алого драчуна на Раймона Беранже.

Никто не ответил, так что Мануэль вскочил на коня и поехал дальше.

Граф Мануэль обогнул Волчье озеро и подъехал к серой избушке, стоявшей на четырех курьих ножках. На четырех углах избы находились резные изображения льва, дракона, василиска и гадюки, напоминающие о бедах плотского и духовного греха, о гордыне и смерти.

Здесь Мануэль привязал коня к дубу. Он поднял обе руки, обратившись лицом к востоку.

– Посодействуйте же мне! – воскликнул Мануэль. – Вы, тридцать Парамит! О все вы, силы накопленных заслуг. О самые высокие господа Милосердия, Нравственности, Отказа, Мудрости, Стойкости,

Терпения, Истины, Решимости, Благотворительности и Самообладания! Помогите же мне при моей встрече с земной Бедой!

Он благочестиво перекрестился и вошел в избу. Внутри стены были расписаны древними на вид картинами, авторы которых в равной степени не знали ни перспективы, ни благопристойности. Пол был покрыт бронзовыми плитками. В каждом углу Мануэль обнаружил поставленные вертикально многоярусные зонтики, используемые на Востоке для священных целей: у каждого из них серебряная рукоятка, а окрашены они в девять цветов. Но самой важной, как говорили Мануэлю, являлась тыква, лежащая напротив двери.

Мануэль разжег огонь и приготовил соответствующую похлебку. А на закате он подошел к окошку и трижды крикнул, что ужин готов.

Кто-то ему ответил:

– Иду.

Мануэль стал ждать. В лесу не слышалось ни звука: даже несколько птиц, еще не улетевших на юг, которые чирикали о дневных приключениях, внезапно смолкли, а в верхушках деревьев затих ветер. Внутри избу Мануэль зажег четыре свечи и поставил их под каждый зонтик заранее предписанным образом. Его шаги по бронзовому полу и шуршание одежды, пока он ходил по избе, делая то, что требуется, казались на редкость резкими и гулкими в полной тишине и беспредельном уединении.

Затем послышался тоненький голосок:

– Мануэль, отвори дверь!

Мануэль повиновался, но во мраке леса ничего не увидел. Бурые и желтые деревья застыли, как нарисованные. Его конь стоял на привязи совершенно неподвижно, разве что дрожал.

Кто-то заговорил у ног Мануэля:

– Мануэль, перенеси меня через порог!

Дон Мануэль, отступив, глянул вниз и в пятне света от свечей между своих ног увидел человеческую голову. Он поднял голову и внес ее в избу. Он увидел, что голова сделана из белой глины, и из этого заключил, что земная Беда, которую некоторые называют Кручиной, пришла к нему.

– Ну, Мануэль, – говорит Беда, – подавай ужин.

Мануэль усадил голову за стол, поставил перед ней миску с похлебкой и накормил Беду золотой ложкой.

Когда голова поела, она приказала Мануэлю положить ее в бамбуковую колыбельку и велела Мануэлю потушить свет. Многие бы не осмелились очутиться в темноте один на один с Бедой, но Мануэль повиновался. Он преклонил колена и начал читать на ночь молитву, но последовавшее за этим заставило его остановиться. Поэтому без своего обычного обращения к Богу дон Мануэль лег на бронзовый пол избу под одним из зонтиков, а вместо подушки свернул свой коричневый плащ. Вскоре голова начала храпеть, а потом заснул и Мануэль. Позднее он говорил, что ему снилась Ниафер.

Глава XX

Месяц за годы

На утро, выполнив необычные приказы головы, Мануэль пошел кормить своего коня и обнаружил, что к дубу привязан лишь обглоданный костяк скакуна.

– Печально, – сказал Мануэль, – но думаю, лучше не жаловаться. На самом деле, жаловаться было некому, потому что Беда после того, как Мануэль перенес ее через порог, отправилась на Север распространять там чуму.

И Мануэль жил, прислуживая Бедой, в этой особенно удивительной части леса (по оценкам людей, находившихся в более веселых местах) месяц и один день. О службе лучше и не говорить. Но голова была удовлетворена службой Мануэля, поскольку Беда любит общество, а они вдвоем обычно вели долгие дружеские беседы, когда служба Мануэля и работа Беды на этот день заканчивались.

– И как же ты, сударыня, пребываешь вот так в голове без туловища? – спросил однажды Мануэль.

– Понимаешь, когда Яхве сотворил человека наутро шестого дня, он собрался слепить меня в полдень из оставшейся глины. Но его прервало начало субботы, ибо Яхве в те дни был, конечно же, весьма правоверным евреем. Так что я получилась незавершенной и должна оставаться такой всегда.

– Тогда я делаю вывод, сударыня, что вы – венец Небесной работы и последний, окончательный штрих творения.

– Так мне и говорят пессимисты, – подтвердила, зевая, глиняная голова. – Но у меня был тяжелый день со всей этой бубонной чумой в Глатионе, и войнами между Императором и Миланцем, и всеми этими октябрьскими холодами, поэтому давай больше не будем говорить на философские темы.

Вот так Мануэль прислуживал голове Беды в течение месяца и одного дня. Примечательная особенность этой части леса – особенность, хорошо известная всем, хотя неоднозначно объясняемая учеными мужами, – заключалась в том, что каждый день, проведенный там, проходил, как год, поэтому Мануэль внешне очень быстро старел. Это было не совсем приятно, особенно когда у него стали болеть зубы, поскольку поблизости не найти зубных врачей, но его интерес к другим Злосчастьям, посещавшим этот лес, оставлял Мануэлю мало времени, чтобы думать о личных заботах. Беду посещало множество ее родичей, такие, как Миктлан, Кали, Фрагнар, Пуйл, Апоп и другие злые начала, которые постоянно приходили в серую избу на сбор всей семьи, чтобы прорепетировать все, кроме одного, двести сорок тысяч заклинаний. И именно тогда Мануэль впервые увидел Склауга, с которым у него позднее возникли известные неприятности.

Так прошел месяц, дни которого длились, как годы. Немногое известно относительно того, что творилось в серой избушке, но это, вероятно, к лучшему. Дон Мануэль никогда об этом не рассказывал. Но известно, что каждый день глиняная голова бродила по свету, распространяя завистливые слухи, пожирая царства, раздувая патриотизм и реформы, нашептывая пагубные советы и принося людям боль, печаль, отчаяние и всевозможные несчастья; а вечером, когда на закате за работу принимался Фобетор, Беда, довольная, возвращалась в Дан-Валахлон, где ее ждал услужливый Мануэль и заслуженный ночной отдых. По вечерам в избе собиралось неопишное общество, но никто никогда не оставался на ночь. А после каждой ночи, проведенной наедине с Бедой, утро находило Мануэля выглядевшим еще старше.

– Сударыня, я дивлюсь бессердечности и веселости, с какими вы обделываете свои жуткие дела, – сказал однажды Мануэль. После того, как вытер текущую по подбородку Беды слюну.

– Ох, ведь у меня есть только голова и нет сердца, и я не могу жалеть человеческие существа, которые извожу согласно возложенному на меня долгу.

– Это похоже на правду, – сказал Мануэль, – и я понимаю, что если исходить из внешности, вас лично винить нельзя. Все же я не могу удивляться, почему мир людей предоставлен в полное распоряжение Беды, если Кощей Бессмертный, который создал все таким, какое оно есть, действительно заботился о людях.

– Относительно того, что происходит над головой, Мануэль, ты должен спросить других. Я знаю, что существуют некие власти, но они еще никогда не разрешали Беде подняться до их высот, ибо я среди них непопулярна: такова печальная истина.

– Понятно, но тем не менее я удивляюсь, почему Беда была сотворена, чтобы пожирать человеческий род.

– Вероятно, коровы, овцы и цыплята на ваших дворах, куропатки и зайцы в ваших силках и даже рыба на вашем крючке находят время точно так же удивляться по поводу вас, дон Мануэль.

– Но человек – высшая форма жизни.

– Допустим это замечательное предположение, но неужели любой человек может подняться над Бедой? Поэтому, как видите, логично, что я питаюсь вами.

– Все же я считаю, что земная Беда была создана в качестве испытания нас на пригодность к некоей прекрасной и вечной последующей жизни.

– Почему вы все в этом мире так думаете? – спросила голова с неподдельным любопытством.

– Потому что у меня есть бессмертный дух, сударыня, и...

– Милый мой, это замечательно. И где же он, Мануэль?

– Он где-то внутри меня, сударыня.

– Тогда давай его вынем – мне охота на него взглянуть.

– Нет, его точно нельзя вынуть, сударыня, до тех пор, пока я не умру.

– Но какой тебе от него прок? – спросила Беда. – И как ты можешь, еще ни разу не побывав мертвым, быть уверенным относительно того, что произойдет после смерти?

– В общем, я всегда слышал именно это, сударыня. Голова с сомнением закачалась.

– Интересно, от кого же из Леших ты мог услышать такие фантастические истории? Боюсь, над тобой, Мануэль, кто-то подшутил.

– О нет, сударыня, это догмат, которого придерживаются мудрейшие и наиболее уважаемые из людей.

– Понятно. Был один человек, рассказывавший вам всем эти анекдоты о вечной важности человечества, – заметила голова, теряя интерес к беседе. – Понятно. И опять-таки можешь заметить, что коровы, овцы и цыплята тоже сильно негодуют по поводу своей смерти.

– Но это лишь земные твари, сударыня, тогда как вокруг некоторых личностей в любом случае существует ореол божественности. Разве вы не находите?

Голова помрачнела.

– Да, Мануэль, в большинстве молодых людей есть божественная искра, но жизнь в основном гасит ее, не утруждая Дедушку Смерть сниманием кожуры с духа, как с банана. Нет, большинство из вас уходят в могилу с крохотным количеством духа, если вообще его имеют, и, конечно же, с недостаточным его количеством, чтобы жить вечно. Нет, Мануэль, я никогда не ссорилась с религией, поскольку это мой сильный союзник, но подобные религиозные взгляды порой вызывают у меня отвращение. Ведь, если люди были бы бессмертны, бессмертной бы была и Беда, а я никогда бы этого не перенесла.

– Вы говорите ерунду, сударыня, – решительно сказал Мануэль. – И нет ничего хуже подобного цинизма.

– Ни в коей мере, – ответила голова, – так как, очевидно, еще больший цинизм утверждать, что Всемогущий, потеряв рассудок, собрался провести с вами, людьми, всю вечность. Нет, Мануэль, боюсь, твоя странная теория о том, что вы внутри набиты неким неизменным веществом и так далее, не очень правдоподобно описывает нашу с тобой жизнь, и мы оба остаемся загадками без разгадки.

– Все же, сударыня, – сказал Мануэль, – постольку, поскольку существует только одно, что грабежи Смерти никогда не отняли у жизни, и это – земная Беда...

– Твоя предпосылка бесспорна, но какой ты делаешь из нее вывод?

Мануэль улыбнулся вяло и сонно.

– Я делаю вывод, сударыня, что вы, никогда не бывавшая мертвой, тоже не можете быть уверены в том, что происходит после смерти. И, таким образом, я остаюсь при своем мнении о грядущей жизни.

– Но ясно же, что твое мнение абсурдно.

– Вполне может быть, сударыня, но с ним намного удобнее жить, нежели с вашим, а непосредственно сейчас мое занятие – жизнь. В свое время я уделю внимание смерти, а из двух мнений с моим умирать приятнее. А впоследствии, даже если ваше мнение верно, я никогда не узнаю, что был неправ, зато могу крупно выиграть при такой точке зрения и вообще ничего не теряю, привязываясь к дурацкой, любимой, старой вере, которая до меня была у моих отцов, – сказал Мануэль так же твердо, как и всегда.

– Да, но откуда в этом мире...

– Ах, сударыня, – сказал Мануэль, по-прежнему улыбаясь, – здесь, в этом мире, люди питаются своей верой, и вполне может статься, что там еда та же самая.

Но в этот момент появился Реери (малиновый голый человек с обезьяньей головой) с петухом в одной руке и палкой в другой. И прибытие Кровавого Демона, конечно же, положило конец разговору.

Глава XXI

Плата за службу

Вот так уходила от Мануэля молодость, а его отношения с Бедой становились все ближе, и между ними возникла своего рода привязанность, и они вдвоем обсуждали все дела Мануэля. Они часто говорили об августейших особах, которых раньше любил Мануэль, а теперь уже не любил.

– Одно время, – признался Мануэль, – я определенно думал, что влюблен в принцессу Алианору, а потом я был влюблен в королеву Фрайдис. И даже сейчас они мне весьма нравятся, но ни одна из августейших особ не смогла заставить меня забыть служанку Ниафер, которую я полюбил на Врейдексе. Кроме того, принцесса и королева любили во всем поступать по-своему, и они хотели властью, богатством, высоким положением и другими подобными вещами помешать осуществлению моих помыслов и моих желаний. Я не мог вынести вечных выяснений отношений, к которым это вело, и они всегда мне напоминали, по контрасту, спокойные милые поступки Ниафер и наслаждение, которое я от них получал. Поэтому мне показалось самым наилучшим порвать и с Фрайдис, и с Алианорой.

– Что касается этих женщин, – оценила голова, – ты по некоторым причинам вполне мог от них избавиться. Однако у этой Алианоры красивые глаза и несомненная власть.

– Она – принцесса Апсар, – ответил Мануэль, – и поэтому у нее власть над бабочками, птицами, летучими мышами и всеми воздушными тварями. Я это знаю, поскольку она раскрыла мне некоторые из тайн Апсар. Но над своим языком и темпераментом у Алианоры нет никакой власти, и, если б я женился на ней, она в конечном счете сделала бы меня королем, и моя жизнь была бы отдана политике и господству над людьми.

– У этой Фрайдис прекрасные черные волосы... и несомненная власть...

– Она была когда-то королевой Аудельской и поэтому удерживала власть над всеми земляными фигурами. Я это знаю, поскольку она открыла мне несколько тайн Ауделы. Но злейший враг Фрайдис тоже ходит в красном и живет между белыми зубками Фрайдис, и именно он ее и погубил. И, если б я женился на ней, она бы вскоре уговорила меня стать великим создателем образов и отдать свою жизнь подобным искусствам.

Беда же сказала:

– Ты завоевал любовь этих женщин, ты набрался благодаря этим женщинам знаний и сил. И ты их оставил, чтобы бежать за еще какой-то женщиной, которая не даст тебе ни власти, ни знаний, но лишь создаст множество неприятностей. Это не героизм, Мануэль, но это по-человечески, и твои доводы вполне соответствуют твоему возрасту.

– Верно, что я еще молод, сударыня.

– Нет, уже не так молод, мое общество сделало тебя зрелым человеком, и ты уже замысливаешь глупости, свойственные пожилым мужчинам.

– Неважно, каков мой возраст, сударыня, я всегда помню, что, когда впервые стал героем, бросив жизнь скромного свинопаса, я полюбил служанку Ниафер. Она умерла. Я же не умер. Вместо этого я уступил Ниафер Дедушке Смерти и такой ценой сохранил свою жизнь и добыл рецепт, с помощью которого невероятно преуспел, так что сегодня я – дворянин в красивых одеждах с лакеями, собственными заливаемыми лугами и замками, если б только мне удалось ими завладеть. И я больше не хожу с дырами на локтях, и августейшие особы смотрят на меня благосклонно, а я нахожу их достаточно милыми. Но радость, которую доставила мне Ниафер, ни с чем этим не сравнится.

– Это тоже старая человеческая история, – сказала голова, – а у тебя заблуждение, которое посещает большинство пожилых людей. Однако ты верно служил мне месяц, идущий за годы, за исключением того, что дважды насыпал мне в похлебку недостаточно яду и забывал принести лед, когда здесь бывал Черный Старик. Впрочем, кто без греха? Время твоей службы прошло, и я должна с тобой расплатиться. Будешь ли ты тогда счастлив и наступит ли вечный разрыв между нами?

– Я видел лишь одного счастливого человека, – отвечал Мануэль. – Он сидел в высохшей канаве, вытаращив пустые глаза, а его волосы напоминали свалявшуюся шерсть, но Бедламский Нищий был совершенно счастлив. Нет, это не то счастье, которого я желаю.

Голова повторила:

– Ты мне служил. Я заплачу той платой, которую попросишь. Чего ты хочешь? Дон Мануэль ответил:

– Я прошу Ниафер, которая была служанкой, а теперь является тенью в языческом раю.

– Значит, ты думаешь, что вызывать мертвецов возможно?

– Вы хитры, сударыня, но я помню то, что сказала мне Фрайдис. Поклянетесь ли вы, что Беда не может возвращать умерших?

– С большой охотой я поклянусь на всех самых подлинных реликвиях Христианства.

– Ах да, но положите ли вы одно из своих холодных остроконечных ушей на...– тут Мануэль прошептал то, что не хотел называть вслух, – пока произносите клятву.

– Конечно же, нет, – мрачно ответила Беда, – так как, если я дам такую клятву, растревоженный призрак, который вечно звенит своими цепями, восстанет против меня. Да, Мануэль, я способна возвращать мертвых, но предусмотрительность побуждает меня скрывать мощь своей власти, поскольку использование этой власти в полную силу было бы почти так же губительно, как и разламывание этой тыквы. Ибо существует только один способ возвращать мертвых во плоти, и, если я ему последую, я потеряю голову.

– Что это для влюбленного? – спросил Мануэль. Голова вздохнула и закусила белую губу.

– Для Леших клятва есть клятва. Поэтому ты, будучи человеком, извлеки пользу из знания и власти, которые получил от других женщин, нарушив клятвы! И как ты послужил мне, так и я послужу тебе.

Мануэль позвал к себе так, как научила принцесса Алианора, черных орлов и послал их во все края света за всевозможной белой землей. Они повиновались магии Апсар и принесли дону Мануэлю из Британии землю, называемую левкаргиллон, и принесли глисомаргу из Энисгарта, и эглекопалу из Галлийских провинций, и аргентарию из Лакре-Кая, и белую землю каждого наименования со всех концов света.

Мануэль сделал из земли, как научила его королева Фрайдис, тело женщины. Он слепил тело особым способом, согласно старому таинству Туйлы, и тело получилось настолько совершенным, насколько позволяло умение Мануэля, но у тела не было головы.

Затем Мануэль послал крапивника с золотым хохолком в Прованс. Тот влетел через форточку мраморного королевского дворца в спальню принцессы Алианоры и взял там платок, расшитый туювыми ягодами и орошенный слезами, которые Алианора пролила, горюя о разлуке с Мануэлем. И дон Мануэль послал сокола, который вернулся с платком королевы Фрайдис. Тот был расшит белыми лилиями и тоже мокр от слез.

Когда все было готово, Беда хитро улыбнулась и сказала:

– В прошедшие времена я свергала возвышенных царей и пророков, а также и кудесников – тогда, когда Беда, забыв осторожность, делала посмешище из Митридата, Мерлина и Моисея в манере, о которой все еще любят вспоминать слагатели баллад. Но с тобой, дон Мануэль, я поступлю по-другому, и я вскоре приведу тебя в замешательство более спокойным способом. Я попытаюсь более тонко победить твою любовь к Ниафер: она – противница не щепетильная, не очень благоразумная, но чрезвычайно сильная, потому что заметь: ты упрямо желаешь эту умершую язычницу, которая в жизни, вполне возможно, ничего собой не представляла. Из-за этого ты нашел Беду, ты прожил месяц лет с этой чумой, ты лишился молодости, ты задумываешь бросить вызов смерти, ты намерен ограбить глубокую могилу и обобрать рай. Поистине твоя любовь велика.

Мануэль лишь сказал:

– На мне лежит обязательство, ибо жизнь Ниафер была отдана ради сохранения моей жизни.

– Я, которую одни называют Бедой, а другие Кручиной и которую в настоящее время победила твоя любовь, – я одна могу достать для тебя эту женщину, поскольку в конце концов я одолеваю всех и вся. Жизнь – моя вотчина, и крик каждого ребенка при рождении есть клятва верности мне. Таким образом, я господствую там, где волей-неволей мне служат все, лишь один ты служил по своей воле. И, поскольку ты послужил мне, я послужу тебе.

Мануэль сказал:

– Хорошо.

– Это не так хорошо, как ты думаешь, ибо, когда ты обретишь эту Ниафер, я вернусь к тебе в виде легкого бесформенного облака и окутаю тебя – не сразу, а постепенно. Так что ты увидишь сквозь меня женщину, из-за чьей любви ты сделался мужественным и бесстрашным и ради которой осмеяна смерть и ограблен рай. И ты тоскливо спросишь: «Неужели ради этого?» В течение размеренных, деловых, неважных часов, что тянутся между одеванием утром и раздеванием на ночь, ты будешь в глубине сердца задавать этот вопрос, тогда как я буду сопровождать тебя повсюду в виде легкого бесформенного облака и тайком буду шептать тебе.

– И что же вы будете мне шептать?

– Ничего такого, что ты захочешь кому-либо повторить. Ты будешь в силах это перенести, по-человечески будешь удовлетворен, и мой триумф не будет публичным. Но тем не менее я одержу верх над своим теперешним победителем, и я подточу любовь, которая не страшилась ужаса и смерти и которой не управляли земные законы. И я, которую одни называют Бедой, а другие Кручиной, жутким образом засвидетельствую, что призрак пережитой и побежденной беды есть здравый смысл.

– Это дело завтрашнего дня, – ответил дон Мануэль. – Сегодня на меня наложено обязательство, и меня волнует сегодня.

Тут Мануэль завернул глиняную голову Беды в два платка, влажных от слез Алианоры и Фрайдис. Когда петух прокричал три раза, дон Мануэль развернул голову, и, из-за слез Фрайдис и Алианоры, она превратилась в бесформенный комок белой глины.

Мануэль слепил из этой глины голову Ниафер, какой он помнил ее по тем временам, когда они любили друг друга на Врейдексе. А после того, как белая голова была завершена, он приставил ее к туловищу, которое создал из других разновидностей белой земли. Дон Мануэль надел на изваяние коричневое платье, наподобие того, которое Ниафер обычно носила на кухне Арнейского замка, и он сделал другие необходимые вещи, поскольку это был День Всех Святых, когда ничем священным пренебрегать не следует.

Глава XXII

Возвращение Ниафер

Дальше история рассказывает, как дон Мануэль сел у ног изваяния и заиграл на флажолете. В этой музыке присутствовало волшебство, говорил впоследствии дон Мануэль, потому что она вызвала некое видение или сон. Этот сон показал, что Беда, лишившись права владения землей, отправилась в языческий рай (поскольку Беда не была христианкой), где Ниафер, умершая больше года назад, пребывала в блаженстве. Беда подошла к Ниафер и заговорила с ней тоненьким голоском. Ниафер охотно слушала ее речи о Мануэле и о приключениях, в которых Ниафер участвовала вместе с Мануэлем. И теперь, когда она вспомнила Мануэля, его чистое молодое лицо, ясные, неодинаковые глаза и сильные руки, она уже не могла довольствоваться языческим раем.

После этого Беда окутала рай легким бесформенным облаком. И поля рая оказались менее зелеными, воздух стал менее чистым и благоуханным, небо менее лучезарным, а воды райской реки Эридан помутнели. Поэты устали слушать друг друга, герои не получали наслаждения от борьбы, состязаний колесниц и упражнений с копьем и луком.

– Как можно ожидать, что мы будем тратить целую вечность на развлечения, годящиеся лишь для того, чтобы убивать время? – спрашивали они.

А прелестные женщины стали находить своих статных возлюбленных, с которыми они бродили рука об руку по неувядающим миртовым рощам и с которыми они навсегда воссоединились, весьма скучными спутниками.

– Я люблю тебя, – говорили возлюбленные.

– Ты говоришь мне это уже двадцать веков, – отвечали, зевая, женщины, – а все хорошо в меру.

– Честное тело, я думаю о том же самом, – отвечал возлюбленный. – Я сказал это лишь из вежливости и в силу привычки. Могу тебя уверить, что устал от такого жеманного идиотизма, как и ты.

Так что в раю теперь все пошло наперекосяк. А когда создательницу неприятностей выявили, блаженные устроили собрание, ибо то был День Всех Душ, на который имеют привилегию умершие.

– Мы должны сохранять внешние приличия, – сказали умершие язычники, – из-за несчастного вида местных обитателей наш рай приобретет плохую репутацию, а религия наших отцов получит дурную славу.

Поэтому они вытолкнули Беду из языческого рая, а с ней и Ниафер, поскольку Беда окутала Ниафер легким бесформенным облаком и их было не отделить друг от друга.

Они вместе направились к поверхности земли и оказались на реке пота, называемой Ригьён. Ниафер сказала огненному ангелу Сандалфону, охраняющему мост через реку:

– Со мной земная Беда.

Сандалфон увидел, что так оно и есть, и ответил:

– Мой огонь не может поглотить земную Беду.

Они подошли к Адарниилу – ангелу шума, чей шепот есть гром. Ниафер сказала:

– Со мной земная Беда.

Адарниил ответил:

– Перед земной Бедой я молчу.

Они подошли к Кемуилу с его двенадцатью тысячами ангелов гибели, охраняющих самые последние врата. Ниафер сказала:

– Со мной земная Беда.

Кемуил ответил:

– Я все разрушаю и кладу конец всему, но покончить с земной Бедой и не пытаюсь.

Вот так Беда и Ниафер миновали всех стражей этого рая. А в сумрачной стране на краю мира размытый дух Беды и призрак Ниафер поднялись через отверстие в земле, словно невесомый пар. Они отделились друг от друга в некой серой местности, поросшей тополями, и Беда попрощалась с Ниафер.

– От всего сердца благодарю тебя за твою доброту в миг нашего расставания, поскольку, быть может, не увижу тебя снова, – вежливо сказала Ниафер.

А Беда ответила:

– Не бойся не увидеть меня снова, раз ты вот-вот опять станешь человеком. Конечно, Ниафер, я ненадолго должна оставить тебя, но я вернусь. Сперва будет много поцелуев и нежного смеха, и тихий счастливый порядок твоего дома, и душераздирающее чудо ребенка, который – и не ты, и не Мануэль, но вы оба, и похожего на которого никогда прежде на земле не было. И жизнь распустится белым соцветием чудес, и каждый цветок, что ты сорвешь, покажется вечным. Со смехом ты скажешь о грусти: «Что это такое?» А меня, которую одни называют Бедой, а другие Кручиной, это чудовищно изумит...

...Потом я окажу помощь твоему зрению, и ты заметишь, что Мануэль во многом похож на других. Он привыкнет иметь под боком тебя, а ты – его, и это будут грустные узы между вами. Дети, безжалостно похитившие свою плоть из вашей плоти и унаследовавшие свою жизнь от вашей прекрасной тоски, с каждым днем будут казаться вам менее близкими, пока эти дети не создадут свои семьи. После этого ты станешь с трудом терпимой, незваной гостьей, вторгающейся в повседневную жизнь этих детей, и никто не будет с такой легкостью забывать о твоих визитах. Ты украдкой будешь плакать. А меня, которую одни называют Бедой, а другие Кручиной, это чудовищно изумит...

...Я несомненно вернусь к тебе, когда твои слезы уже высохнут и когда, вспомнив желания юной Ниафер и ее жизненные планы, ты пожмешь сутулыми плечами. У тебя, разумеется, все еще будет желание жить и дальше, но крушение всех планов уже не будет глубоко тебя трогать. Пожав плечами, ты скажешь о грусти: «Что это такое?» – ибо поймешь, что даже печаль преходяща. А твоя неспособность быть совершенно бедной и несчастной уверит тебя, что в твоих неприятностях виноват призрак пережитой и побежденной беды. И меня, которую одни называют Бедой, а другие Кручиной, это чудовищно изумит.

Ниафер нетерпеливо сказала:

– Ты долго намерена удерживать меня здесь, под этими темными, мерцающими деревьями, своими неубедительными речами, в то время как Мануэль остается несчастным из-за неутоленной потребности во мне?

Но, покидая на некоторое время Ниафер, Беда ей ничего не ответила.

Таковы были события в видении дон Мануэля (так впоследствии заявил дон Мануэль), пока он сидел, играя на флажолете.

Глава XXIII

Обретение Мануэлем предмета желания

Дальше история рассказывает, что все это время в серой избе в Дан-Валахлоне, в особо удивительной части этого леса, лежало земляное изваяние Ниафер. И седой дон Мануэль – уже не пышущий здоровьем юноша, пришедший в Дан-Валахлон, – сидел у ног изваяния и играл на флажолете напев, которому научила его Сускинд и которым он обычно вызывал юную Сускинд из ее сумеречных мест, когда был простым свинопасом. Теперь же Мануэль был пожилым дворянином, а Ниафер была теперь бездомным призраком, но мелодия тем не менее имела над ними власть, ибо она несла в себе юношескую любовь и отважные дни юности. Поэтому мотив, который когда-то звал Сускинд из ее низкого дворца с красными колоннами в подозрительном сумраке, теперь неодолимо звал Ниафер из рая, так как Мануэль расчетливо воспользовался разрозненными знаниями, почерпнутыми у трех женщин, чтобы завоевать себе четвертую.

Дух Ниафер вошел в уста изваяния. Тотчас же голова чихнула и сказала:

– Я несчастна.

Но Мануэль продолжал играть. Дух спустился дальше, дав жизнь легким и желудку, и изваяние воскликнуло:

– Я голодна.

Но Мануэль продолжал играть. Душа двигалась все Дальше и дальше до тех пор, пока Мануэль не увидел, что белое изваяние приобретает цвета плоти и шевелит ногами в такт его музыке. Так он понял, что все тело наполнилось жизнью.

Отложив флажолет и коснувшись груди изваяния древними, соответствующими правилам жестами старого таинства Туйлы, он запечатлел поцелуй на устах изваяния, так что дух Ниафер оказался заточенным в изваянии, созданном Мануэлем. Под его губами губы, которые были губами Беда, воскликнули:

– Я люблю.

И Ниафер воскресла – живая девушка, точно такая, какой помнил ее Мануэль больше года. Но с этим поцелуем все воспоминания о рае и ангельской жизни ее покинули.

– Ну и ну, коротышка, – первым делом сказал Мануэль, – несомненно, большое утешение возратить тебя.

Ниафер, даже будучи в восторге от своего счастья, нашла эти слова не самым страстным приветствием от того, кто прошел необычайные расстояния, чтобы вернуть ее себе. Пристально посмотрев на него, она увидела, что Мануэль выглядит пожилым человеком и говорит в соответствии со своим внешним видом. Ибо Мануэль вернул женщину, которую желала его юность, ценой своей юности. И Беда коварно сравняла счет, наградив стареющего мужчину женщиной, ради которой юноша бесстрашно служил Бедe. Такого юноши больше не было, ибо побежденная погубила победителя.

Затем, после недолгого рассматривания этого высокого седого незнакомца, Ниафер тоже стала выглядеть серьезнее и старше, и попросила зеркало, а у Мануэля его не оказалось.

– Я должна узнать, насколько хорошо ты меня запомнил, – говорит Ниафер.

Они вышли в голый и пустынный ноябрьский лес и направились к стального цвета Волчьему Озеру неподалеку от серой избы. И Ниафер обнаружила, что она хромает, так как Мануэль уделал ей ноги не совсем одинаковой длины, и остаток второй жизни она прихрамывала. Затем Ниафер несколько минут пристально глядела на свое отражение в глубоких холодных водах Волчьего Озера.

– Неужели оно такое, каким ты его запомнил, мой дорогой? – удрученно спросила она, смотря вниз на представление Мануэля о ее лице. Внешность, которую теперь имела Ниафер, она нашла очень мало похожей на ту, которую помнила по тем дням, когда была довольно хорошо знакома с зеркалами госпожи Жизели. И Ниафер опечалилась, видя, как быстро можно забыть лицо своей любимой.

– Я не забыл в твоём лице ни единой черточки, – решительно говорит Мануэль, – за все эти месяцы, да и за эти последние дни, прошедшие, как годы. И когда моя любовь побудила меня создать твой образ, Ниафер, она дала мне редкую искусность. Даже обычные люди говорят, что у меня есть какое-никакое умение в создании образов, тогда как я ни разу, похоже, не хвастался этим умением и ни за что на свете не стал бы надоедать тебе, повторяя комплименты, которые высказывались о моих образах лицами, высоко ценящими, моя милая, труд и терпение, которыми сопровождается подобное творчество. Я, без сомнения, думаю, что в это мгновение ни у кого нет достаточно веского повода жаловаться.

Тут она посмотрела ему в лицо и заметила, что месяц жизни с Бедой, день с которой является годом, сделал с юношеским лицом, которое она помнила. Лицо графа Мануэля было вылеплено совсем из другого материала: юность сошла с него, месяц лет выгравировал на нем морщины, успех придавал твердости, предусмотрительность высушила, а самодовольство запечатлело на нем поцелуй. И Ниафер еще раз вздохнула, пока они сидели, вновь соединившись, под голыми деревьями у Волчьего Озера со стальными водами.

– Значит, в конце концов время и смерть не обмануть, – сказала Ниафер, – ведь мы с тобой совсем не похожи на тех людей, что восходили на Врейдекс. Неважно, я люблю тебя, Мануэль, какой ты есть. А если тело, которое ты мне дал, отвечает твоей воле, то оно отвечает и моей воле.

Но тут на поляне перед серой избой появились трое мошеннического вида высоких малых в лохмотьях: каждый слеп на один глаз и у каждого жиденькая серенькая бородка. Топая ногами по палой листве, они звали Мимира.

– Выходи! – орали они. – Выходи, злодей Мимир, и посмотри в лицо троим изувеченным тобой! Дон Мануэль поднялся и направился к кричавшим.

– Здесь, в Дан-Валахлоне, нет никакого Мимира, – сказал он им, – по крайней мере, в этой особенно удивительной части леса.

– Ты лжешь, – сказали они. – Хотя, ты и прицепил чье-то тело к своей голове, мы тебя прекрасно узнали. – Они взглянули на Ниафер и презрительно рассмеялись. – Значит, ты нас оставил, косоглазый злодей, ради этой горбатой, неряшливой и чумазой девки? И неужели ты так быстро забыл лавку виноторговца в Неогреане и то, что ты сделал с золотыми блюдами?

– Нет, я не забыл этого, потому что никогда ничего об этом не знал, – сказал Мануэль. Один из плутов, лихо крутя ус, сказал:

– Ха, бесстыдник Мимир, посмотри на меня, который все эти девять веков знал тебя и твоего слепого сына Ориандра как не краснеющих плутов! И, полагаю, ты будешь отрицать и дело с белкой?

– О, убирайтесь прочь со своим вздором! – воскликнул Мануэль. – Я не прожил еще и двадцати двух лет, и никогда не видел вас прежде и надеюсь, никогда не увижу вновь.

Но они набросились на него с абордажными саблями, и Мануэлю ничего не оставалось, как выхватить меч и начать сражаться. А когда каждый из этих одноглазых разбойников непонятным образом исчез, получив смертельную рану, Мануэль сказал Ниафер, что весьма утешительно, что, несмотря на ушедшую молодость, месяц лет оставил его прекрасным бойцом и что, по его мнению, им лучше покинуть эту часть Дан-Валахлонского леса, где происходят необъяснимые вещи, а все люди ведут себя неразумно.

– Разве эти лесные духи были неразумны, – спросила Ниафер, – сказав, что лицо и тело, которые ты мне дал, уродливы?

– Моя милая, – ответил Мануэль, – именно их слова заставили меня попытаться избежать столкновения, поскольку нехорошо, даже при общении с демонами, оскорблять сумасшедших.

– Мануэль, так, может, и ты обращаешь внимание на внешний вид?

Дон Мануэль очень серьезно сказал:

– Мое общение с Бедой и ее родичами меня многому научило. Я никогда не забуду эти уроки, но и не имею большой охоты о них говорить. Однако один из этих уроков состоит в том, что в большинстве случаев существует срединный путь, на котором меньше толчеи и по которому сравнительно легко пройти. Должен

сказать тебе, что в компании, в которой я находился, требуется значительное чувство юмора, поскольку, конечно же, небезопасно шутить с любым злым началом. Нет-нет, по-моему, совсем не нужно открыто бросать вызов условностям для того, чтобы следовать своим помыслам, – глубокомысленно заявил Мануэль, поглаживая седую бороду.

– Я очень рада, что ты наконец-то этому научился, – сказала Ниафер, с легкой тоской вспомнив юного с высоко поднятой головой Мануэля.

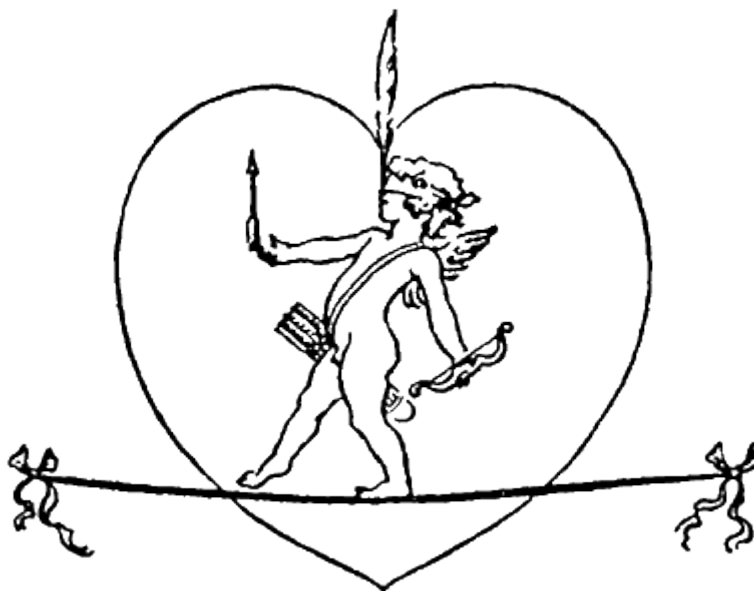
– Но, как я говорил, сейчас я расцениваю этих оборванцев, которые мешали уйти отсюда, так же как и того красного малого, что препятствовал мне попасть в эту особо удивительную часть леса, в качестве духовных посягателей на царство Беды, которых Беда свела с ума. Нет, Ниафер, я не высказываю критических замечаний, поскольку с нами двоими эта земная Беда, которую другие называют Кручиной, обошлась очень мило. Меня только тревожит подозрение, что эта голова когда-то принадлежала Мимиру, но об этом говорить нет нужды, поскольку делу положен конец, пусть даже убийством деда. Тем не менее я думаю, что Дан-Валахлон далеко не безопасен, и, по моему мнению, нам с тобой будет намного уютнее где-нибудь в другом месте.

– Но должны ли мы вернуться и пасти свиней, дорогой Мануэль, или ты для этого теперь слишком стар?

Дон Мануэль улыбнулся, и было видно, что он, по крайней мере, сохранил свое бывшее высокомерие.

– Нет, теперь, когда все обязательства выполнены и мы воссоединились, милая коротышка, я наконец могу отправиться в путешествия, чтобы увидеть пределы этого мира и их оценить. И мы будем делать все, что угодно, по своему выбору, поскольку, должен сказать тебе, я теперь дворянин с лакеями, лугами и полями и с собственным замком, если только мне удастся им завладеть.

– Приятно слышать, – сказала Ниафер, – это намного лучше, чем присматривать за свиньями, и я рада, что у мира хватило здравого смысла тебя оценить, Мануэль, а тебе оценить его. И мы сделаем мне диадему с рубинами, поскольку я всегда о них мечтала. Расскажи-ка мне, как это все произошло и какой у меня полный титул. А об этих путешествиях мы поговорим позднее, ибо сегодня я уже совершила длинное-предлинное путешествие, но рубины у нас определенно будут.

Глава XXIV

Три женщины

Так что Мануэль опоясался мечом, и с рассказами Мануэля о том, насколько назидательны приключения, с которыми он столкнулся, пока Ниафер была мертва, они покинули эту особо удивительную часть Дан-Валахлона и вышли из разоренного ноябрьского леса. А вскоре на голом поле, что спускалось к песчаным дюнам Виссанта, они встретились лицом к лицу с королевой Фрайдис и принцессой Алианорой: две августейшие особы и множество других нарядных людей двинулось в сторону побережья.

Алианора этим утром величественно ехала на белом коке в переливающимся зеленом платье, похожем на зелень моря в лучах солнца. Ее светлые волосы были перехвачены золотой повязкой с изумрудами. Фрайдис же, темная и полная достоинства, была в малиновом платье, расшитом золотыми звездочками и роговыми чернильницами. У нее на перчатке, под колпаком, сидел сокол.

Фрайдис и Алианора посмотрели на невзрачную прихрамывающую крестьянку в коричневом шерстяном платье, которая была с графом Мануэлем. Потом Алианора посмотрела на Фрайдис.

– Значит, ради этой калеки-замарашки, – сказала Алианора с бесконечным удивлением на гордом, изящном лице, – дон Мануэль отказался от нас и отдал свою молодость? Ведь девушка несомненная уродина!

– Наше положение от этого лучше не становится, – ответила мудрая королева Фрайдис, чей взгляд покоился не на Ниафер, а на Мануэле.

– Что это за непристойные на вид, наглые твари, строящие тебе глазки? – спрашивает Ниафер.

А Мануэль, дивясь тому, что встретил обеих чародеек вместе, вежливо поздоровавшись с ними, ответил:

– Две августейшие особы, которые были бы достаточно хороши, если б не любили настаивать на своем.

– И, полагаю, по-твоему, они привлекательны!

– Да, Ниафер, я нахожу их очень красивыми. Но, посмотрев на них с эстетическим удовольствием, я с обожанием перевожу взгляд на лицо, которое сотворил по собственной воле, на тихую возлюбленную своей юности, и мне незачем думать о королевах и принцессах. Вместо этого я в душе возношу благодарность Небесам и с удовлетворением направляюсь сейчас к ближайшему священнику с единственной женщиной на свете, которую нахожу желанной и прелестной.

– Твои слова очень милы, Мануэль, и надеюсь, это правда, но моя вера была бы больше, если б ты говорил не так многословно.

Тут Алианора сказала:

– Приветствую вас и на какое-то время прощаюсь с вами, граф Мануэль! Мы все едем в Кентавик, а оттуда я отплываю в Англию, чтобы выйти замуж за короля этого острова.

– Этому монарху очень повезло! – вежливо ответил Мануэль. Потом он посмотрел на Фрайдис, которая отдала бессмертие ради его поцелуев и которую он бросил, чтобы следовать своим помыслам. Такие неожиданные встречи всегда неловки, и Мануэль чутьчку нервничал. Он спросил ее:

– А вы тоже отправляетесь в Англию?

Она очень спокойно сказала ему, что всего лишь отправляется на побережье посоветоваться с тремя-четырьмя водными демонами о наложении чар на один из Красных Островов и устройстве там своего дома. Она сказала ему, что, в сущности, решила заколдовать Саргилл, так как, по слухам, он казался самым привлекательным из этих островов, но нужно все-таки самой взглянуть на это место. Королева Фрайдис все время пристально смотрела на него, что весьма смущало Мануэля, но говорила совершенно мирно.

– Да-да, – искренне сказал дон Мануэль, – надеюсь, вам там будет очень уютно. Но я не знал, что вы, сударыни, знакомы.

– В действительности наши дела вас больше не касаются, – сказала Фрайдис. – И какое значение это имеет в этот ноябрьский день, когда нет ни солнца, ни тепла? Нет, сегодняшним днем обладает вон та девушка. А мы с Алианорой обладали вчерашним днем, и, возможно, та или иная из нас троих будет обладать завтрашним днем, и, вероятно, возникнет замечательная возможность им распорядиться.

– Несомненно, – заявила Алианора со своей тихой, прелестной, спокойной улыбкой, – мне перепадет доля завтрашнего дня. Я сделала бы вас королем, а вскоре самым могущественным из всех королей, но вы следовали своим помыслам и больше интересовались перемешиванием влажной грязи, чем тронном. Все же в итоге вы превратились в весьма интересного на вид пожилого господина, поэтому, когда вы мне понадобится, я вас позову известным нам знаком, дон Мануэль, и тогда уж, пожалуйста, поспешите.

Фрайдис же сказала:

– Я сделала бы вас величайшим создателем образов, но вы следовали своим помыслам и вместо сотворения новых, богоподобных существ предпочли воскресить умершую служанку. Тем не менее прошу остерегаться одного живого образа, созданного вами, ибо он по-прежнему жив, и его одного вы никогда не сможете не впустить в свое запертое сердце, дон Мануэль. И тем не менее прошу обращаться ко мне, дон Мануэль, когда я буду вам нужна.

Мануэль ответил:

– Я всегда готов служить вам обеим.

Бедная Ниафер за все это время вообще ничего не сказала. Но у нее были свои соображения на этот счет, и она не собиралась допускать, чтобы дон Мануэль впредь служил любой из этих высокомерных распутниц.

Затем затрубили трубы, и блестящая кавалькада поскакала дальше к Кентавику, а пока они ехали, юный Осмунд Гелей (сын лорда Бруденеля) спросил у щегольски разодетого короля Наваррского:

– Сир, кто этот потрепанный временем седой бродяга со вставшим на дыбы жеребцом у себя на щите и чумазой хромоножкой рядом, что наши королевы остановились для разговора с ним?

Король Тибо сказал, что это знаменитый дон Мануэль Пуактесмский, отдавший молодость ради девушки, находящейся с ним.

– Тогда этот старик – дурак по каждой графе, – со вздохом заявил мессир Гелей. – Я слышал о его прежних похождениях в Провансе, а по-моему, нет дамы прелестнее, чем госпожа Алианора.

– Я считаю из них двоих более привлекательной королеву Фрайдис, – ответил Тибо, – но, определенно, нельзя и сравнивать любую из этих не поддающихся оценке дам со смуглой неряхой дон Мануэля.

– Вероятно, она – некая ведьма, чья магия страшнее их магии и одурманила этого поверженного героя.

– Это или колдовство, или идиотизм, если на самом деле нет чего-то значительно более высокого. – Король Тибо сказал это очень серьезно, а потом пожал плечами, – О Боже! При всем при том королева Фрайдис намного больше в моем вкусе.

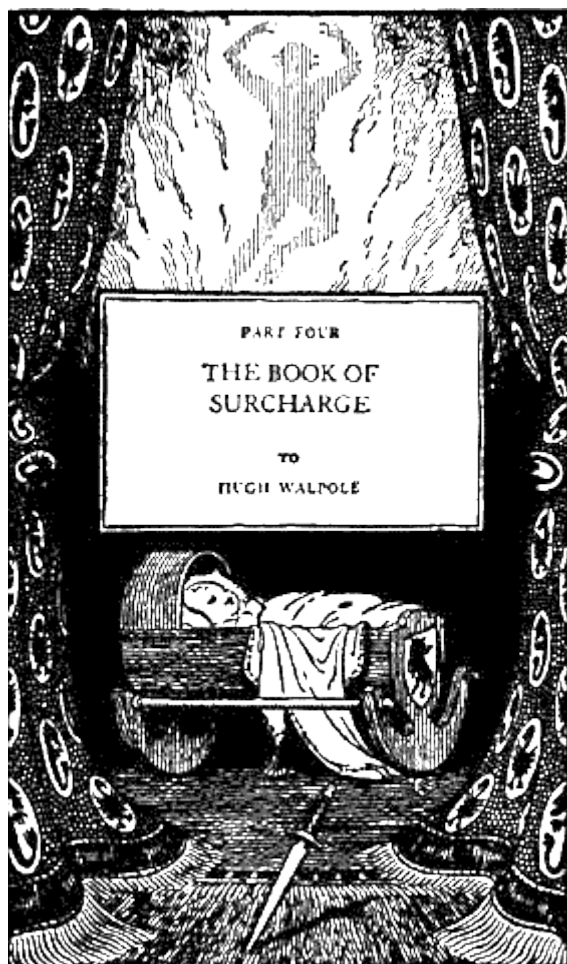
Сказав это, молодой король пришпорил своего гнедого коня и поскакал к королеве Фрайдис (от которой он чуть позднее примет смерть), а вся великолепная свита Алианоры направилась на запад, тогда как Мануэль и Ниафер побрели на восток. Множество красок и смеха направилось в одну сторону, но в другую сторону в данное время направлялась удовлетворенность.

ЧАСТЬ IV

Книга Издержек

*Так создал Мануэль всех Богов, коих называем мы
«кумирами» и «идолами», что были поставлены во главу
подчинения всей его жизни. И каждый из богов, коих изваял
Мануэль в утомительных трудах, имел изъян в теле своем.
И среди богов создал он одного бога Филистимлян.*

Глава XXV

Дела в Пуактесме

Пуактесме рассказывают, как Мануэль и Ниафер двигались на восток, а потом повернули на теплый юг; и как они нашли священника, обвенчавшего их; и как Мануэль конфисковал двух коней. Также повествуется о том, что Мануэль победоносно встретился с весьма ужасным драконом под Ла-Флешью, а близ Ортеса у него возникли неприятности с Тараканищем, которого он одолел и посадил в кожаный бурдюк, но говорят, что в остальном путешествие проходило без приключений.

– А теперь, когда все обязательства выполнены и мы воссоединились, моя милая Ниафер, – сказал Мануэль, когда они сидели, отдыхая после боя с драконом, – мы отправимся в путешествие, чтобы увидеть пределы этого мира и их оценить.

– Дорогой, – ответила Ниафер, – я думала об этом и уверена, что это было бы очаровательно, если бы только люди не были так ужасны.

– Что ты имеешь в виду, милая коротышка?

– Понимаешь, Мануэль, теперь, когда ты вернул меня из рая, люди будут говорить, что тебе следует предоставить мне взамен обители блаженных, из которого я была отозвана, на худой конец, вполне уютное и постоянное земное местожительство. Да, дорогой, ты знаешь, какие они, эти люди, а злопыхатели будут только рады болтать повсюду, что ты пренебрегаешь очевидным долгом, раз отправляешься смотреть и оценивать пределы этого мира, в которых, в конце концов, у тебя нет особой выгоды.

– Ну и что? – спросил Мануэль, высокомерно пожав плечами. – От разговоров нет никакого вреда.

– Да, Мануэль, но такие бесцельные скитания по диким странам, о которых никто не слышал, выглядели бы именно так. Сейчас бы мне доставили огромное удовольствие полные приключений путешествия вместе с тобой, и титул графини для меня ничего не значит. Я уверена, что меня меньше всего интересует жизнь в собственном дворце и хлопоты, связанные с нарядами, рубинами, слугами и ежедневными приемами. Но, понимаешь, дорогой, я просто не смогла бы вынести того, что люди дурно думают о моем милом муже, и поэтому, пока этого не произошло, я охотно примирилась бы с подобными вещами.

– Ох-хо-хо! – произнес Мануэль и начал в раздражении тереть свою седую бородку. – Неужели одно обязательство порождает другое с такой быстротой! Чего же ты от меня хочешь?

– Очевидно, ты должен взять войско короля у Фердинанда и выгнать этого ужасного Асмунда из Пуактесма.

– Боже мой! – проговорил Мануэль. – Как просто у тебя выходит. Так мне заняться этим прямо сегодня днем?

– Мануэль, ты говоришь не подумав, ибо ты, вероятно, не смог бы отвоевать весь Пуактесм за один день.

– Ох! – произнес Мануэль.

– Нет, мой дорогой, без постороннего содействия не обойтись. Ты бы сперва достал войска себе в помощь, – как конные, так и пешие.

– Моя миленькая, я лишь имел в виду».

– Даже тогда, наверно, понадобится порядочно времени, чтобы истребить всех норманнов.

– Ниафер, позволь мне, пожалуйста, объяснить...

– Кроме того, ты находишься очень далеко от Пуактесма. Тебе бы даже не удалось добраться туда сегодня днем.

Мануэль прикрыл ей ладонью рот.

– Ниафер, когда я говорил о покорении Пуактесма сегодня днем, я позволил себе немного пошутить. Я больше никогда в твоём присутствии не позволю себе легкой иронии, ибо понимаю, насколько ты ценишь мой юмор. Между тем повторяю: нет, нет и тысячу раз нет! Хорошо зваться графом Пуактесмским, это ласкает слух. Но я не хочу быть посаженным, как овощ, на нескольких акрах земли. Нет, у меня только одна жизнь, и за эту жизнь я намерен увидеть мир и пределы этого мира, чтобы их оценить. И я, – решительно закончил он, – Мануэль, который следует своим помыслам и своему желанию. Ниафер заплакала.

– Я просто не вынесу и мысли о том, что о тебе скажут люди.

– Полно, моя милая, – говорит Мануэль, – это нелепо.

Ниафер плакала.

– Ты ведешь себя недостойно! – говорит Мануэль. Ниафер продолжала плакать.

– Мое решение бесповоротно, – говорит Мануэль, – так, Боже праведный, какой от этого толк?

Ниафер теперь плакала все более и более душераздирающе. А высокий герой сидел, глядя на нее и опустив широкие плечи. Он злобно пнул громадную зеленую голову дракона, все еще гадко кровоточащую у его ног, но от этого проку было мало. Победитель дракона был побит. Он ничего не мог предпринять против подобной влаги: его решимость подмокла, а независимость была смыта этим соленым потоком. И к тому же, говорят, что теперь, когда молодость ушла от него, дон Мануэль стал думать о спокойной и тихой жизни более безропотно, чем в этом признавался.

– Отлично, – говорит вскоре Мануэль, – давай переправимся через Луар и поедem на юг на поиски твоей проклятой диадемы с рубинами, слуг и прекрасного дома.

Так что во время Рождественских праздников к королю Фердинанду в лимонную рощу за дворцом привели красивого, рослого, косоглазого и седовласого воина. Здесь святой король, соответственно экипированный нимбом и гусиным пером, творил по средам и субботам небольшие чудеса.

Король обрадовался перемене в облике Мануэля и сказал, что опыт и зрелость – прекрасные черты, которые должны присутствовать во внешнем облике дворянина такого ранга. Но – вот незадача! – что касается передачи ему каких-либо войск, то это совершенно другой вопрос. Солдаты нужны королю для его собственных целей, а именно для немедленного захвата Кордовы. Между тем здесь находятся принц де Гатинэ и маркиз ди Пас, которые прибыли с такой же безумной просьбой: один просит солдат, чтобы помочь ему против филистеров, а другой – против каталонцев.

– Похоже, всем, кому я когда-либо жаловал поместья, сегодня нужны войска, – проворчал король, – и если б у любого из вас была хоть капля рассудительности, вы бы сохранили земли, когда-то данные вам.

– Мы испытываем дефицит, сир, – с заметным жаром заявил молодой принц де Гатинэ, – скорее не рассудительности, а поддержки нас нашим сеньором.

Это было совершенно верно, но, постольку, поскольку подобные грубоватые истины обычно не бросают в лицо королю и святому, тонкие брови Фердинанда полезли на лоб.

– Вы так полагаете? – спросил король. – Нужно это рассмотреть. Что, к примеру, вон там?

Он указал на пруд, из которого бралась вода для полива лимонных деревьев, и принц увидел какой-то желтый предмет, плавающий в пруду.

– Сир, – сказал де Гатинэ, – это лимон, упавший с дерева.

– Вы рассудили, что это лимон. А как считаете вы, ди Пас? – спросил король.

Маркиз являлся государственным деятелем, который редко рисковал. Он подошел к кромке пруда и взглянул на этот предмет, чтобы себя не скомпрометировать. А затем возвратился улыбаясь.

– Ах, сир, вы в самом деле придумали хитроумную проповедь против опрометчивых суждений, ибо, хотя дерево – лимонное, плавающий под ним предмет – апельсин.

– Так вы, маркиз, рассудили, что это апельсин. А как считаете вы, граф Пуактесмский? – спрашивает король.

Если ди Пас мало чем рисковал, то Мануэль вообще не стал рисковать. Он зашел прямо в воду и достал плавающий предмет.

– Король, – говорит огромный дон Мануэль, мудро прищурив ясные светлые глаза, – это половинка апельсина.

Король же сказал:

– Вот человек, которого нелегко обмануть суетными картинками сего мира и который ценит истину выше сухих башмаков. Граф Мануэль, вы получите свои войска, а вы вдвоем должны подождать до тех пор, пока не приобретете силу суждений графа Мануэля, которая, позвольте вам заметить, ценнее любого поместья, которое мне придется отдать.

Поэтому, когда началась весна, Мануэль отправился в Пуактесм во главе армии, делающей ему честь, и потребовал от герцога Асмунда отдать ему страну. Асмунд, который обычно был весьма капризен из-за наложенного на него проклятия, отказался, используя при этом весьма оскорбительные эпитеты, и война началась.

У Мануэля, конечно же, не было никаких знаний в военном искусстве, но король Фердинанд послал Мануэлю в качестве советника графа Тохиль-Вака. Мануэль в золоченых доспехах представлял собой внушительную фигуру, а его щит с вставшим на дыбы жеребцом и девизом «Mundus vult decipi» стал в битве для его более осмотрительных соперников сигналом к передислокации на какой-нибудь другой участок сражения. Клеветники шептали, что на военном совете и перед войсками дон Мануэль звучно повторял приказы и мнения, выдвинутые Тохиль-Вака. В любом случае официальные заявления графа Пуактесмского повсюду вызвали доброе чувство, берегаемое для старых друзей, так что особого вреда причинено не было.

Наоборот, дон Мануэль теперь раскрыл в себе бесценный дар оратора, и в каждом местечке, которое они занимали, он выступал с яркими обращениями к оставшимся в живых обитателям (прежде чем их повесить), призывая всех здравомыслящих людей бороться против военного самодержавия Асмунда. Кроме того, как указывал Мануэль, это была борьба, какой свет еще не видывал, борьба за мирное детство. Никогда еще, как он выражался, не велось войны ради того, чтобы покончить с войной навсегда и гарантировать прочный мир, и никогда люди не сражались за столь славное дело. И на всех эти возвышенные мысли оказывали благоприятное воздействие.

– Как чудесно ты говоришь! – обычно восклицала в восхищении госпожа Ниафер.

А Мануэль странно смотрел на нее и отвечал:

– Я зарабатываю тебе на дом, моя милая, на жалованье твоим слугам, и однажды эти словесные драгоценности увековечатся в настоящей диадеме. Теперь я понимаю, что одна моя бывшая знакомая была права, указывая на разницу между человеком и остальными животными.

– Ах да! В самом деле! – очень серьезно сказала Ниафер, не придавая словам никакого особого значения, но в целом делая вывод, что они с Мануэлем беседуют о чем-то поучительном и благочестивом. Теперь, став графиней Пуактесмской, Ниафер была набожной христианкой, и никто нигде не питал более искренней почтительности к серьезным слухам.

– К примеру, – продолжила Ниафер, – мне рассказали, что твои прелестные речи произвели такое впечатление на Филистию, что королева Стультиция предложила союз и обещала послать тебе легкую кавалерию и стенобитные машины.

– Правда, она обещала их послать, но так этого и не сделала.

– Тем не менее, Мануэль, ты вскоре обнаружишь, что моральной поддержке нет цены. И, как я часто думаю, в конце концов это самое главное.

– Да-да, – нетерпеливо сказал Мануэль, – у нас повсюду уйма моральной поддержки, а здесь прекрасных речей, а на юге есть святой, творящий для нас чудеса, но именно у Асмунда великолепная армия безнравственных негодяев, и они в грош не ставят мораль и риторику.

Так что сражения продолжались всю весну, и в Пуактесме они казались очень важными и

беспримерными, какой война обычно видится людям, участвующим в ней: тысячи людей были убиты, к огорчению их матерей и возлюбленных, а весьма чисто и жен. И наблюдалось рядовое количество не имеющих себе равных зверств, измен, грабежей, поджогов и тому подобного, а выжившие воспринимали свои муки настолько серьезно, что забавно думать, каким неважным все это оказалось в итоге.

Поскольку эта выдающаяся резня имела место давным-давно, то перенесенная боль не стоит рассказа сегодня даже для невнимательного слушателя о схватке рыцарей при Пердигоне, или о тогдашней знаменитой битве лудильщиков, или повествования о том, как негибимые синдики Монтора были посажены в тюрьму военнопленных и казнены по ошибке; да и истории о том, как норманны сожгли понтонный мост в Манвиле; и как Асмунд расхаживал по прогоревшей насквозь балке при ужасной осаде Эвра и, упав с высоты почти в сотню эллей прямо в скопление своих врагов, сломал ногу, но дрался так доблестно, что целый и невредимый вырвался от них; и как близ Лизурта безоружные крестьяне отбили нападение сторонников Мануэля косами, вилами и кольями.

Время смыло значительность этого древнего героизма так же, как непрочная краска смывается с дешевой ткани. Поэтому летописцы поступают мудро, когда отмахиваются некрещеными перьями от эпизода в Бельгарде, касающегося храбрых сиенцев с их зеленым ядом и деяний Антипапы, а бумагу приберегают для увековечивания замечательного способа, которым мрачный Тохиль-Вака обложил в Пуактесме налогом в ливр каждую дымовую трубу.

Сегодня даже невозможно проявить горячий интерес к тем, когда-то всех поразивших горшкам с расплавленными серой, жиром и негашеной известью, которые выливали на стены Сторизенда, к недовольству Мануэлевой рати. И хотя это была весьма героическая война, с выставлением напоказ всех разновидностей высшего нравственного начала и самыми звучными выражениями, используемыми с обеих сторон, ей почему-то не удалось вызвать ни реформацию, ни гибель человечества. А после завершения убийств и всеобщего разорения мир продолжал существовать во многом так же, как делал это после всех остальных войн: со смутным представлением о том, что безо всякой выгоды были потрачены время и силы, и убеждением, что бесчестно об этом говорить.

Посему достаточно сообщить, что везде наблюдалось множество смертей и несчастий и что в июне граф Тохиль-Вака был схвачен и убит с весьма жуткой игривостью необычным образом использованной раскаленной кочергой, а войско Мануэля было разгромлено и рассеяно.

Глава XXVI

Сделка с аистом

Дальше Мануэль, изгнанный из Пуактесма, отправился со своей женой в Новогат, бывший уже почти семь лет столицей Филистии. Королева Стультиция, шестая по счету на троне с таким именем, приняла их весьма радушно. Она долго беседовала с Мануэлем с глазу на глаз в комнате со стенами, облицованными изразцами, и потолком, инкрустированным аксиомами морали, составленными из светлых оловянных букв, что позволяло легко заменять эти аксиомы. Стультиция сидела за бронзовым пюпитром. На ней были розовые очки, а у ее ног дремала любимая игрушка – слепая, маленькая, но очень толстая сучка по кличке Удача.

Королева по-прежнему считала, что можно заключить союз против герцога Асмунда, как только в Филистии будут созданы соответствующие общественные настроения, но это займет время.

– Имейте терпение, мой друг, – сказала она, и это было легко сказать преуспевающей, великой государыне, удобно сидящей у себя во дворце в короне и очках под сенью собственных дымовых труб, застекленных крыш, колоколен, куполов, башен и зубчатых стен.

А между тем у Мануэля и Ниафер не было даже свинарника, чтобы предаваться рекомендуемой добродетели. Поэтому Мануэль навел справки и узнал, что королева Фрайдис переехала в свою резиденцию на Саргилл – самый удаленный из Красных Островов.

– Мы отправимся к Фрайдис, – сказал он Ниафер.

– После того, как ты с ней обошелся? – спросила Ниафер.

Мануэль улыбнулся сонной улыбкой, в которой был весь Мануэль.

– Я знаю Фрайдис лучше, чем ты, моя милая.

– Да, но можешь ли ты на нее полагаться?

– Я могу полагаться на себя, а это более важно.

– Но, Мануэль, у тебя есть еще одна подружка в Англии. И хотя Господь знает, что я и видеть ее не хочу, но в Англии мы могли бы, на худой конец, получить все удобства...

Мануэль покачал головой.

– Мне очень нравится Алианора, потому что она напоминает мне о том, насколько явно женщина может напоминать мужчине. Из этого следуют две превосходные причины – по одной каждому из нас, коротышка, – не плыть в Англию.

Итак, они, находясь без крыши над головой, решили отправиться на Саргилл – «навестить другую твою подружку», как описала это Ниафер тоном более прохладным, чем тот, который Мануэль нашел бы приятным.

Но теперь Ниафер начала жаловаться, что Мануэль пренебрегает ею ради политики, войны, речей и частных переговоров со светскими дамами; и она начала вновь говорить о том, как печально, что у них с Мануэлем, вероятно, никогда не будет детей, скрасивших бы одиночество Ниафер. Ниафер теперь жаловалась довольно часто и по разным поводам, упоминать которые здесь не к месту. И она обычно сетовала со всеми проявлениями искренности на то, что, создавая глиняную фигуру Ниафер, Мануэль, должно быть, руководствовался в основном такими повсеместно ценимыми качествами, как невинность и воображение. Это зачастую причиняло, по ее словам, большие неудобства.

Мануэль со времени прибытия в Новогат успел расспросить о том о сем и еще кое о чем, так что теперь ответил с высокомерной уверенностью в себе.

– Да-да, пару детей! – сказал Мануэль. – Лично я думаю, что это превосходная идея, раз уж мы ждем, пока королева Стультиция перекроит мозги своим подданным, и нам, в сущности, нечего делать.

– Но, Мануэль, ты отлично знаешь...

– И я достаточно сведущ в магии Апсар и в силах позвать аиста, который по счастливой случайности мой должник...

– Что у нас общего с аистом?

– Как же, именно он принесет детей, которые скрасят твое одиночество.

– Но, Мануэль, – с сомнением сказала Ниафер, – я не считаю, что в Ратгоре или в Пуактесме детей берут у аиста.

– Вне всякого сомнения, как и в каждой стране, у них есть забавные местные обычаи. Однако сейчас нас не интересуют эти провинциалы, поскольку мы находимся в Филистии. Кроме того, ты не должна забывать, что наша главная надежда – наполовину обещанный союз с королевой Стультицией, которая, насколько я понимаю, дорогая, является единственным монархом, поддерживающим нас.

– Но какое отношение королева Стультиция имеет к моему будущему ребенку?

– Самое непосредственное, милая коротышка. Ты должна понять, что для человека в моем положении самое важное – любым способом избежать оскорбления чувств филистеров.

– Все же, Мануэль, у самих филистеров есть дети, и я не понимаю, как они могут возразить против того, что у меня будет очень маленький ребеночек, если только...

– Да нет! Никто не возражает против ребенка самого по себе, поскольку ты – замужняя женщина. Суть в том, что детей филистерам приносит аист, и даже намек на возможность получения заблудшими людьми ребенка иным способом филистеры посчитают отвратительным, непристойным и похотливым.

– Какие они чудные! Но ты в этом уверен, Мануэль?

– Все, по их мнению, лучшие и самые популярные писатели, моя милая, в этом вопросе единодушны, а их законодатели приняли огромное количество указов, а их маслоторговцы основали гильдию специально для преследования подобных упоминаний. Нет, разумеется, существует вырождающаяся секта, выдвинувшая лозунг, что детей можно находить в капусте, но все по-настоящему уважающие себя люди при необходимости в потомстве договариваются насчет посещения их аистом.

– Несомненно, удивительный обычай, но это звучит подходяще, если ты сможешь все устроить, – сказала Ниафер. – И, конечно же, мы должны попытаться достать ребенка в манере филистеров, раз ты с этим знаком, ибо уверена, что у меня нет желания кого-либо оскорблять.

Поэтому Мануэль приготовился достать ребенка в манере, предпочитаемой филистерами. Он вспомнил соответствующие магические формулы, все подготовил в манере, прежде использовавшейся фессалийскими ведьмами и колдуньями, и выкрикнул вслух очень древнее заклинание на латыни, произнеся его, как велела ему его произносить королева Стультиция, без какого-либо притворно скромного смягчения выражений:

– *Dictum est antiqua sandalio mulier habitavit, Quae multos pueros habuit turn ut potuit nullum Quod faciundum erat cognoscere. Sic Domina Anser.*

Затем Мануэль достал из нагрудного кармана пять любопытных предметов, чем-то напоминающих черные звездочки, и голубой мелок. Мелом он провел на полу две параллельные прямые линии, осторожно прошелся по одной из них, а затем поманил к себе Ниафер. Стоя на том же месте, он обнял и поцеловал ее. Затем он положил в ряд пять черных звезд и перешагнул на соседнюю линию.

Вот так, надлежащим образом вызвав аиста, Мануэль напомнил птице о трех желаниях, которые были обещаны, когда он спас аисту жизнь. Он попросил аиста за каждое желание принести ему по сыну, исполнив все в манере филистеров.

Аист рассудил, что это можно устроить.

– Однако не сегодня утром, как вы предлагаете, потому что хотя я и ваш должник, дон Мануэль, я, к тому же, очень занятая птица. У меня огромное количество заказов, сделанных за месяцы до вашего, а я в своем деле обязан придерживаться системы, поскольку вы и понятия не имеете, какие тщательные и точные расчеты часто требуют женатые мужчины, заказы которых я выполняю.

– Пожалуйста, – говорит Мануэль, – окажи услугу, помня, что я когда-то спас тебе жизнь: мы с женой просим всех прямо сейчас и избавляем тебя от хлопот по сохранению каких-либо касающихся нас расчетов.

– Ох, если вы имеете желание вести оптовую торговлю с подобными нарушениями норм и обращаете внимание лишь на внесение в мой счет старых долгов, я мог бы, чтобы отделаться от вас, не так строго соблюдать правила, – со вздохом сказал аист.

– По-моему, – заметил Мануэль, – ты мог бы относиться к этому вопросу не так уныло.

– Отчего именно я, один из всех птиц, летающих в небесах, не должен быть унылым?

– Почему-то от тебя, приносящего веселье и соски во множество семей, ждут некоторой жизнерадостности.

Аист ответил:

– Я приношу детей безупречными, милыми и беспомощными, а с ними, говорят, я приношу радость. О радости, которую я приношу матери, давайте говорить не будем, так как чудеса нельзя ловко выразить словами, да и правда не всегда выгодна. Отцу я приношу взгляд на его собственную жизнь, которой он так ненадежно владеет, возобновленную и усиленную в существе, еще не поврежденном временем и глупостью. Он не склонен умалять здесь свое достоинство, как и везде. И именно себя он обожает в этом маленьком, мягком, непостижимом и незапятнанном воплощении. Потому что, когда я приношу детей, в них нет зла, трусости и коварства...

...Я приношу детей безупречными, милыми и беспомощными тем, кто вчера были детьми. А в конце концов время искажает, жизнь портит, а предусмотрительность изувечивает, и я с печалью вверяю принесенное мной тем, что случилось с принесенными мной вчера. В старину детей приносили в жертву медному испепеляющему богу, но время осуществляет более утонченные гекатомбы, ибо Молох умертвлял сразу. Да, Молох, будучи божественен, убивал так, как убивает пес – в ярости. Но время сродни коту, ему близка ирония. Поэтому жизнь искажает, портит и изувечивает; жизнь беспричинно оскорбляет и унижает свою добычу, прежде чем ее поглотить...

...Я приношу детей безупречными, милыми и беспомощными и оставляю их переживать предначертанное им. Ежедневно я приношу в этот мир красоту, невинность, благородство и веру детей. Но жизнь не может найти занятий, или, скорее, средств существования, для этих изящных существ, которых я ежедневно приношу, поскольку, возвращаясь, я всегда нахожу, что жизнь свела на нет это превосходство в тех, кто вчера были детьми, и что этих добродетелей не обнаружить ни в одном взрослом человеке. И мне бы хотелось, чтобы Яхве сотворил меня орлом, стервятником или еще какой-нибудь ненавистой хищной птицей, содействующей менее горестным убийствам и более разумному истреблению, нежели я.

На это дон Мануэль своим серьезным и сухим тоном ответил:

– Теперь я, несомненно, понимаю, почему твое занятие считают, так сказать, невыгодным вложением средств. Но, в конце концов, твои дела меня не касаются, поэтому я и не намереваюсь их критиковать. Вместо этого давай избежим возвышенных обобщений, и расскажи-ка мне лучше, когда я смогу увидеть троих моих сыновей.

Затем они обговорили вопрос получения детей: Мануэль все время ходил по меловой линии и вскоре обнаружил, что мог бы иметь, если б захотел, трех девочек вместо одного мальчика, так как спрос на сыновей был в три раза выше спроса на дочерей. Для Ниафер сразу стало очевидно, что получение пяти детей вместо трех является выгодной сделкой. Мануэль же сказал, что не желает никаких дочерей: за них несешь очень большую ответственность, а он не намерен переживать по этому поводу. Затем вновь заговорила Ниафер, и, когда она закончила, Мануэль захотел двух мальчиков и трех девочек. После чего аист подписал пять векселей и были выполнены остальные необходимые формальности.

Аист сказал, что с помощью одной маленькой хитрости он мог бы доставить одного ребенка в течение дня.

– Но как давно вы женаты? – спросил он.

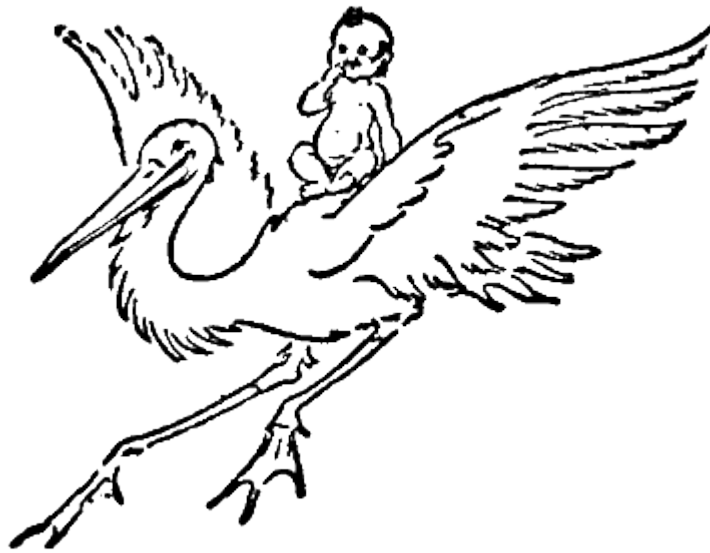
– Ох, целую вечность, – ответил Мануэль с тихим вздохом.

– О нет, мой дорогой, – сказала Ниафер, – мы женаты всего семь месяцев.

– В таком случае, – заявил аист, – вам лучше подождать пару месяцев, так как у моих клиентов не в моде такие ранние посещения.

– В общем, – сказал Мануэль, – мы хотим все сделать в соответствии со вкусами Филистии, вплоть до следования такой непостижимой моде.

Мануэль договорился, что обещанного ребенка аист доставит на Саргилл, поскольку, как он сказал аисту они до конца лета будут проживать там.

Глава XXVII

Прибытие на Саргилл

Затем Мануэль и Ниафер вышли в море и после двухдневного путешествия прибыли на Саргилл к гостеприимной королеве Фрайдис. О Фрайдис в это время много говорилось в связи с тем, что из-за нее погиб король Тибо, и в связи с ее равным образом роковыми отношениями с герцогом Истрийским, принцем Камвейским и тремя или четырьмя другими господами. Поэтому капитаны кораблей, к которым сперва обратился дон Мануэль, не решались идти к Красным Островам. Затем один еврей, хозяин торгового судна – тощий человек по имени Агасфер – сказал: «Кто запрещает?» – и перевез их без приключений от Новогата до Саргилла. Рассказывают, что за желтым кораблем следовал Пловец Ориандр, однако он не пытался причинить вреда Мануэлю. Так Мануэль вновь пришел к Фрайдис и имел с ней первую личную беседу в комнате, обитой черно-золотой парчой. На полу лежали белые циновки, а по комнате в беспорядке были расставлены большие медные вазы с цветущими лотосами. Фрайдис сидела на треногом табурете, беседуя с пантерой. С потолка свешивались голубые, оранжевые и красно-бурые змеи – все мертвые и набальзамированные, а посреди потолка было нарисовано лицо, не вполне человеческое, обращенное вниз с полузакрытыми глазами и ртом, полураскрытым в неприятном смехе.

Фрайдис была во всем алом, и, как говорилось, когда вошел Мануэль, с ней разговаривала золотистая пантера. Фрайдис тотчас же отпустила зверя, который дружелюбно улыбнулся дону Мануэлю, а потом высоко выгнул спину в манере всего кошачьего племени и вот так расплющился в полупрозрачную золотистую пленку и, померцав немного, исчез, словно пламя, оторвавшееся от фитиля.

– Вы просили меня обратиться к вам, милая подруга, когда вы будете мне нужны, – говорит Мануэль, с почтением пожимая королеве руку, а никому сейчас вы не нужны больше, чем мне.

– У разных людей – разные нужды, – вполне серьезно ответила Фрайдис, – но все проходит в этом мире.

– Однако надеюсь, дружба не проходит.

Она вяло сказала:

– Проходим мы, и юный Мануэль, которого я любила одним ушедшим летом, сегодня мертв так же, как яркая листва того лета. Что у вас, сидящий вояка, общего с тем юным Мануэлем, у которого были привлекательность, юность и отвага, но не было ни человеческой жалости, ни постоянства в любви? И почему я должна давать приют его беспечным проказам? Ах, седой Мануэль, вы совершенно уверены, что ни одна женщина этого бы не сделала. А люди говорят, что вы проникательны. Посему прошу пожаловать на Саргилл, где единственный закон – моя воля.

– Вы, по крайней мере, не изменились, – чрезвычайно откровенно ответил дон Мануэль, – и вы кажетесь сегодня более прекрасной и юной, чем были в ту первую ночь на Морвене, когда я вызвал вас из высокого пламени, чтобы дать жизнь созданному мною изваянию. В общем, это было давным-давно, и я больше не создаю изваяний.

– Ваша жена посчитала бы это пустой тратой времени, – заметила королева Фрайдис.

– Нет, не совсем так. Ибо Ниафер – милейшая женщина, исполненная сознания долга, и она никогда ни в чем не перечит моим желаниям.

Тут Фрайдис слегка улыбнулась, увидев, как Мануэль считает, что он говорит чистую правду.

– В любом случае, – сказала Фрайдис, – без сомнения, странно, что на следующий месяц аист принесет вашего второго ребенка женщине, покоящейся под моей крышей на моей золоченой кровати. Да, Туринель только что рассказал мне о ваших замыслах, и это действительно странно. Однако намного более странно, что ваш первый ребенок, которого никакой аист не приносил и вообще не участвовал в придании ему формы, но которого вы создали из глины по воле своей гордой юности и по подобию своей гордой юности, должен разгуливать, прихрамывая, по свету в облике высокого молодого человека, и что вы ничего не знаете о его деяниях.

– Ох! А что вы слышали? И что вам о нем известно, Фрайдис?

– Я о многом подозреваю, седой Мануэль, благодаря домашним занятиям тем серым искусством, что не творит ни добра, ни зла.

– Да, – сказал Мануэль, – но что вам известно?

Она вновь взяла его за руку.

– Я знаю, что на Саргилле, где единственный закон – моя воля, вас рады принять, ложный друг и весьма неверный возлюбленный.

Он не смог вытянуть из нее большего, пока они стояли тут под нарисованным лицом, обращенным к ним с неприятным смехом.

И Мануэль с Ниафер оставались на Саргилле в ожидании ребенка. Король Фердинанд, ведший еще одну кампанию против мавров, прямо сейчас ничего не мог сделать для своего вассала. Но прибывали блестящие послы от Раймона Беранже, от короля Гельмаса и от королевы Стультиции, чтобы обсудить тот или иной возможный союз и срочную помощь. Все были очень дружелюбны и весьма неопределенны. Но Мануэль в настоящее время уделял внимание лишь Ниафер и будущему ребенку и позволял государственным делам подождать.

Затем появились два корабля с ратью герцога Асмунда, пытавшегося взять Мануэля в плен. И Фрайдис отправила некое послание, заставившее солдат забегать по палубе, воя волками, бросить мечи и крылатые шлемы и драться друг с другом руками и зубами, пока они все не погибнут.

Прошел месяц. Ниафер и Фрайдис стали лучшими и самыми близкими подругами, и их взаимная искренность не могла не показаться проницательным людям довольно-таки зловещей.

– У нее, по-видимому, очень доброе сердце, – призналась Ниафер, говоря с глазу на глаз с мужем, – хотя, несомненно, она весьма странная особа. Мануэль, она показала мне сегодня десять забавнейших фигурок, которым – но нет, ты бы ни за что на свете не догадался – которым она собирается когда-нибудь дать жизнь, так же как ты сделал это со мной, когда лицо, ноги и почти все остальное получилось неправильно.

– Когда она намерена их оживить? – спросил дон Мануэль и добавил: – Я так не делал, но не буду спорить.

– Что ж, это весьма забавно, и я вполне понимаю твоё нежелание признать то, как плохо ты меня запомнил. А она это сделает тогда, Мануэль, когда человек, создавший их, будет надлежащим образом вознагражден. И она сказала это с самым отвратительным выражением на лице, какое я только видела.

– На что похожи эти изваяния? – спросил Мануэль.

Ниафер их описала. Она описала их без всякой симпатии, но, вне всякого сомнения, это были изваяния, которые Мануэль оставил неживыми на Морвене.

Мануэль кивнул, улыбнулся и сказал:

– Значит, человек, создавший эти изваяния, будет надлежащим образом вознагражден. В общем, это ободряет, ибо истинные заслуги всегда должны вознаграждаться.

– Но, Мануэль, если б ты только видел ее взгляд! И видел, что это за безобразные существа!

– Чушь! – решительно сказал Мануэль. – Ты, конечно, самая милая коротышка на свете, но это не делает тебя компетентным критиком в области как физиогномики, так и скульптуры.

И он смехом обошел этот вопрос. И оказалось так, что это был последний раз, когда дон Мануэль слышал о десяти изваяниях, сделанных им на Морвене. Но в Пуактесме заявляют, что королева Фрайдис дала жизнь этим фигурам, каждой в определенный час, и что ее волшебство отправило их жить среди обычных человеческих существ, но не с очень удачным результатом, поскольку эти образы отличались от рожденных естественным способом людей находящейся внутри них искрой жизни Ауделы.

Вот так Мануэль и его жена без приключений дожили до августа, и все это время трудно было вообразить более благовоспитанную и более заботливую хозяйку, чем королева Фрайдис. И ни у кого не

возникло бы подозрения, что в основе ее хозяйствования лежит колдовство. Лишь потому, что дону Мануэлю раз случилось встать по зову природы очень рано утром, он проходил по коридору тогда, когда в миг восхода солнца ночной привратник превратился в оранжевую крысу и юркнул в щель между стенными панелями. Но Мануэль, конечно же, никому об этом не сказал, поскольку это было не его дело.

Глава XXVIII

Как приняли Мелиценту

Месяц прошел спокойно, без особых событий, а слуги королевы Фрайдис вели себя во всех отношениях так, словно были обыкновенными людьми. А в конце месяца появился аист.

Случилось так, что поздним вечером, когда Мануэль и Ниафер удили рыбу на берегу реки, они увидели высоко над головой приближающуюся птицу, блестящую в лучах заката ослепительно белым цветом, кроме тонких алых ног и голубых теней под крыльями. С клюва свисал большой узел из голубой ткани, так что с первого взгляда стало ясно, что аист несет девочку.

Аист надменно сел на подоконник, словно вполне знаком с таким способом проникновения в спальню к Мануэлю. Птица, держа узелок, вошла внутрь. Для любящих родителей миг, когда они увидели аиста, показался самым счастливым в жизни, и они весьма торжественно поцеловались.

Затем Ниафер оставила Мануэля собирать снасти, а сама поспешила в дом, чтобы вернуть аисту первый вексель в обмен на ребенка. А когда Мануэль сматывал удочки, к нему подошла королева Фрайдис, поскольку она тоже заметила приближающегося аиста и была, как она сказала с мрачной улыбкой, весьма рада, что дело сделано.

– Сейчас появился аист, но могут появиться и другие, – говорит Фрайдис, – а мы сегодня ночью отпразднуем счастливое событие веселым пиром в честь вашего ребенка.

– Вы очень добры, а ваш поступок многое говорит о вас, – сказал Мануэль, – и полагаю, вы хотите, чтобы я произнес речь, а я совершенно к этому не готов.

– Нет, у нас на банкете не будет ваших заумных, выматывающих речей. Нет, ведь ваше место рядом с женой. Нет, Мануэль, вы не приглашены на этот пир, потому что он устраивается всецело в честь вашего ребенка. Нет-нет, седой Мануэль, в этот вечер и всю ночь вы должны оставаться наверху, поскольку этот пир для тех, кто мне служит. А вы мне больше не служите, и пути тех, кто мне служит, не ваши пути.

– Ах! – говорит Мануэль. – Колдовство на марше! Да, Фрайдис, я совершенно забросил подобные вещи. И хотя я ни на миг не хотел бы показаться критикующим кого-либо, я надеюсь вскоре увидеть, как вы устроите жизнь с каким-нибудь прекрасным, надежным малым и откажетесь от этих пустяков ради высших, настоящих радостей жизни.

– И что же это за наслаждение, седой Мануэль?

– Удовольствие – лицезреть своих счастливых детей, играющих у очага, и превращающихся в честных мужчин и изящных женщин, и приносящих в свой черед детей, которые будут сидеть на твоих уставших старых коленях, помогая коротать долгие зимние вечера, когда при уютном свете очага ты улыбаешься поверх кудрявых головок детей милому морщинистому, окруженному сединой лицу твоей любимой и проверенной временем помощницы, и в конце концов оказываешься доволен своей жизнью, и понимаешь, что Небеса в целом были к тебе незаслуженно добры, – со вздохом говорит Мануэль. – Да, Фрайдис, можете мне поверить, что именно таковы настоящие радости жизни и что такие наслаждения более выгодны, нежели праздные развлечения в колдовстве и чародействе, которые на самом Деле в наш век, если вы позволите мне высказаться откровенно, милая подруга, едва ли выглядят достойно.

Фрайдис покачала своей гордой темной головой. Ее улыбка стала жестокой.

– Решительно, я вас никогда не пойму. Дряхлеющий патриарх, разве вы не осознаете, что уже наговорили о паре десятков внуков на основании того, что пять минут назад у вас появилась дочка, которую вы еще не видели? Да, возможно, и будущее этого ребенка устраивать не вам. Но идите же к жене. Поднимитесь наверх, Мафусаил, и посмотрите на новую жизнь, которую вы сотворили и которой не сможете управлять.

Мануэль пошел к Ниафер и обнаружил ее за шитьем.

– Моя милая, это никуда не годится. Тебе следует лежать в кровати с новорожденной, ведь именно

так принято у матерей Филистии.

– Что за чушь! – говорит Ниафер. – Мне нужно поменять все розовые бантики на чепчиках Мелиценты на голубые.

– Все же, Ниафер, в тонком вопросе появления у тебя ребенка нам крайне необходимо во всех отношениях задобрить филистеров.

Ниафер что-то проворчала, но повиновалась. Вскоре она легла в золоченую кровать Фрайдис. Потом Мануэль внимательно посмотрел на содержимое маленького, издающего звуки, узелка рядом с Ниафер. И, взбирался он или нет на общепринятые эмоциональные пики, не касается никого, кроме Мануэля. Так или иначе, он начал говорить в той манере, которой, по обычным ощущениям отцов, требуют такие возвышенные случаи. Но Ниафер, которая теперь не была настроена романтично, просто сказала, что в любом случае большое счастье, что все кончилось, и теперь, она надеется, они вскоре покинут Саргилл.

– Но Фрайдис так добра, моя милая, – сказал Мануэль, – и так обожает тебя!

– Я за всю свою жизнь, – заявила Ниафер, – не знала никого, кто бы так жутко подурнел, как эта двуличная кошка. А с того раза, когда я впервые увидела ее гарцующей на коне и закатывающей при виде тебя свои змеиные глазенки, времени-то прошло всего ничего. А относительно того, что она меня обожает, я доверяю ей ровно настолько, насколько ее понимаю.

– Однако, Ниафер, я слышал, как ты то и дело заявляешь...

– Но, Мануэль, приходится быть вежливой. Мануэль пожал плечами.

– Ох, уж эти женщины! – осторожно заметил он.

– Словно не так же очевидно, как наличие у нее носа, – и, полагаю, даже ты, Мануэль, не станешь утверждать, что у нее красивый нос, – что этой женщине просто не терпится сделать из тебя шута, дабы над тобой все снова смеялись! Мануэль, я заявляю, что у меня на тебя не хватает терпения, когда ты продолжаешь спорить по поводу таких неоспоримых вещей!

Мануэль, проявив повышенную осторожность, теперь вообще ничего не сказал.

– И ты можешь спорить хоть до посинения, Мануэль, но тем не менее я назову девочку Мелицентой в честь моей матери, как только с большой земли привезут священника ее окрестить. Нет, Мануэль, твоей милой подружке весьма идет называть себя серой ведьмой, но я не замечала, чтобы в этот дом входили священники, если только за ними не посылали нарочно, и я делаю собственные выводы.

– В общем, давай не будем обсуждать это, моя милая.

– Да, но кто начал весь этот спор и поиски виновных, хотела бы я знать?

– Что ж, разумеется, я. Но я говорил, не подумав. Я не прав. Признаю это. Так что не волнуйся, милая коротышка.

– Словно я могла сделать так, чтоб появился мальчик!

– Но я никогда не говорил...

– Да, но ты продолжаешь об этом думать, а больше всего на свете я не выношу, когда люди дуются. Нет, Мануэль, нет, я не жалуюсь, но не думаю, что в итоге для меня закончились ночевки в палатках, бегство от норманнов и полное отсутствие покоя: это после того, как я, естественно, рассчитывала стать настоящей графиней, – сонно захныкала Ниафер.

– Да-да, – говорит Мануэль, глядя ее мягкие выующиеся волосы.

– Ас этой хитрющей адской кошкой, все время наблюдающей за мной... и выглядящей на десять лет моложе меня теперь, когда ты сделал мне лицо и ноги неправильно... и замышляющей неизвестно что...

– Да, разумеется, – успокаивающе говорит Мануэль. – Ты совершенно права, моя милая.

Тут наступила тишина, и вскоре Ниафер заснула. Мануэль спал сгорбившись, охраняя жену, которую вернул назад из рая ценой своей молодости. Его лицо было мрачно, а губы сжаты и вытянуты трубочкой. Вскоре он улыбнулся и тряхнул головой. Он вздохнул; не от печали, но как человек, сбитый с толку и

немного уставший.

Через некоторое время после того, как уснула Ниафер, когда ночь вступила в свои права, в воздухе послышалось жужжание и фыркание. Мануэль подошел к окну, поднял алую штору со стоящими на задних лапах золотыми драконами и выглянул наружу: он увидел огромное количество крошечных голубоватых огоньков, запутанно и проворно прыгающих в темноте, словно светлячки. Они приблизились к берегу реки и собрались все вместе. Затем, объединившись, огоньки двинулись к дому. Теперь стало видно, что эти огоньки несут карлики с совиными глазами и длинными клювами аистов. Карлики скакали и плясали вокруг Фрайдис, словно сумасшедшие телохранители.

Фрайдис шагала среди них в весьма примечательном наряде. На голове у нее сверкала корона с уреем. Она несла длинный кедровый прут, на конце которого находилось вырезанное из медного купороса яблоко, а рядом с ней шел высокий молодой человек.

Так они достигли дома, и молодой человек пристально посмотрел на неосвещенное окно, словно смотрел именно на Мануэля. Молодой человек улыбнулся: его зубы сверкнули голубым блеском. Затем вся компания вошла в дом, и Мануэль из окна больше ничего не смог увидеть. Но внизу слышались стук копыт, звон тарелок и постоянный смех, напоминавший ржание. Мануэль в нерешительности пощипывал свою сидящую бородку, так как в отношении рослого малого не было никаких сомнений.

Вскоре послышалась музыка: это была восхитительная, волшебная мелодия, погружающая душу в сладостное смятение и забвение, и Мануэль не делал явных попыток противостоять ее воздействию. Он поспешно разделся, на не очень пристойный промежуток времени преклонил колени и в раздражении лег спать.

Глава XXIX

Слото-Виепус Сновидений

Утром Мануэль встал рано и, оставив Ниафер спящей вместе с ребенком, спустился в нижний зал, где стоял стол, каким его оставили пировавшие. Посреди находящейся в беспорядке комнаты стоял огромный медный сосуд, наполовину наполненный вином, а рядом лежал золотой рог. Мануэль приостановился и выпил сладкого верескового вина, словно хотел себя подбодрить.

Он вышел из дома. Было ясное ветреное утро. Когда Мануэль пересекал луг, он наткнулся на рыжую корову, сидящую в траве и внимательно читающую большую книгу в зеленом кожаном переплете. Но при виде Мануэля она поспешно отложила том и стала жевать траву. Мануэль, не пытаясь это как-то объяснить, двинулся дальше к берегу реки, чтобы встретиться с образом, который он создал из глины и которому посредством сверхъестественных искусств дал жизнь. Существо появилось из блестящей ряби бурой воды, обняло Мануэля и поцеловало его.

— Я — язычник, — сказала существо сладостным скорбным голосом, — и поэтому я не мог прийти к тебе, пока твоя любовь не была отдана некрещеной. Ибо меня никогда не крестили, и мое настоящее имя никому не ведомо. Но в дальних краях, где мне поклоняются, как Богу, меня называют Слото-Виепус Сновидений.

— Я не давал тебе никакого имени, — сказал Мануэль, а потом добавил: — Слото-Виепус, ты, обладающий внешностью Алианоры и моей юности! Слото-Виепус, как ты прекрасен!

— Поэтому-то ты и дрожишь, Мануэль?

— Я дрожу, потому что потрясен до глубины души.

Поскольку юность ушла от меня в глухом Дан-Валахлонском лесу, я отмерял жизнь днями, сотворенными из незначительных волнений, небольших удовольствий и лишь наполовину искренних желаний, которые двигались по поверхности моей души, словно рыбешки на мелководье. Но сейчас, когда я увидел и услышал тебя, Слото-Виепус Сновидений, и твои губы коснулись моих губ, во мне возникла страсть, что овладевает мной целиком, и я напуган.

— То страсть, наполняющая тех, кто создает образы. Это хозяин, от которого ты отрекся, бедный, глупый Мануэль, — хозяин, который не примет отречения.

— Слото-Виепус, какова твоя воля в отношении меня?

— Моя воля состоит в том, что мы с тобой отправляемся отсюда в долгое путешествие в далекие земли, где меня почитают, как Бога. Ибо я люблю тебя, мой творец, давший мне жизнь, а ты любишь меня сильнее, чем кого бы то ни было, и несправедливо, что мы разлучены.

— Прямо сейчас я не могу отправиться в путешествие, мне нужно вернуть свои земли и замки и защитить жену и новорожденного ребенка.

Слото-Виепус обворожительно засмеялся: видно было, что зубы у него на удивление белые и очень крепкие.

— Что это для меня, или для тебя, или для кого угодно, создающего образы? Мы следуем нашим помыслам и нашим желаниям.

— Когда-то я так жил, — со вздохом сказал Мануэль, — но сейчас на мне лежит обязательство обеспечивать жену и ребенка, и у меня на все остальное остается не так много свободного времени.

Затем Слото-Виепус начал обворожительно говорить, ходя по берегу реки и обняв одной рукой дона Мануэля. При ходьбе он постоянно прихрамывал. Резкий, ожесточенный ветер рябил бурые, сверкающие воды; ветер бил им в лица и рвал одежду. Мануэль одной рукой схватился за шляпу, а другой держался за хромого Слото-Виепуса Сновидений. Слото-Виепус говорил о предметах, которые не следует увековечивать.

– У тебя прелестное кольцо, – сказал вскоре Слото-Виепус.

– Это кольцо надела мне на палец жена, когда мы венчались, – ответил Мануэль.

– Значит, ты должен отдать его мне, дорогой Мануэль.

– Нет-нет. Я не могу с ним расстаться.

– Но оно прекрасно, и я его хочу, – сказал Слото-Виепус. И Мануэль отдал ему кольцо.

Тут Слото-Виепус вновь начал говорить о предметах, которые не следует увековечивать.

– Слото-Виепус Сновидений, – сказал через некоторое время Мануэль, – ты околдовываешь меня, ибо, когда я тебя слушаю, я вижу, что захваченное поместье Мануэля на этой земле – все равно что одна песчинка на этом длинном и узком берегу, по которому мы шагаем. Я вижу свою обожаемую жену Ниафер невзрачной и тупой женщиной, ничем не отличающейся от миллионов таких же женщин, которые в эту минуту готовят завтрак или корпят над другими домашними делами. Я вижу своего новорожденного ребенка мяукающим куском плоти. И я вижу Слото-Виепуса, которого создал таким сильным, странным и прекрасным, и, как в полусне, я слышу, что ожесточенный ветер смешивается со сладостным голосом Слото-Виепуса, пока он говорит о предметах, о которых говорить небезопасно.

– Да, это так, Мануэль, и так должно быть, и так будет всегда, пока ты наделен жизнью. Поэтому давай зайдем в дом и напишем шутливые письма королю Гельмасу, Раймону Беранже и королеве Стультиции в ответ на превосходные предложения, которые они тебе сделали.

Они вернулись в пустой банкетный зал. Пол там был покрыт перламутром и медью, а галерею музыкантов поддерживали порфиновые колонны. В другом конце помещения находились две алебастровых урны на зеленых пьедесталах, покрытые золотыми письменами.

Мануэль сдвинул серебряные блюда с одного угла стола, взял перо и чернила, а Слото-Виепус сказал ему, что писать. Слото-Виепус сидел сложив руки и, диктуя, смотрел в потолок. На потолке мозаичной работы были изображены четыре крылатых существа, закрывающие лица малиновыми и оранжево-рыжеватыми крыльями, и с потолка свисали подвешенные на бронзовых цепях страусиные яйца, бронзовые светильники и хрустальные сферы.

– Но это весьма оскорбительные ответы, – заметил дон Мануэль, закончив писать, – и они могут разгневать получателей. Эти монархи, Слото-Виепус, мои хорошие друзья, и это могущественные друзья, от чьей благосклонности я завишу.

– Да, но как прекрасно составлены эти ответы! Посмотри, дорогой Мануэль, как занимательно ты описал отвратительный нос короля Гельмаса в письме к нему и насколько колок вот этот абзац о чешуе его жены-русалки. А в письме к благочестивой королеве Стультиции высказывания об абсурдности религии и ироничный пассаж по поводу ее очков – шедевры тяготеющей к парадоксу изящной словесности. Поэтому я должен пронаблюдать, чтобы ответы были отсланы и люди повсюду смогли ими насладиться. Но нас с тобой больше не будут волновать эти глупые монархи, да тебе, кроме меня, и не нужны никакие друзья, ибо мы отправимся в различные далекие дикий края, и наш образ жизни будет таким-то и таким-то, и мы будем делать то-то и то-то, и мы будем повсюду путешествовать, увидим пределы этого мира и их оценим. И мы до самой твоей смерти будем неразлучны.

– Что же ты будешь делать потом, Слото-Виепус? – с любовью спросил его Мануэль.

– Я переживу тебя: ведь все боги живут дольше своих творцов. И я должен назначить для строительства твоего монумента людей с крошечными мозгами надлежащим образом изувеченными бесцельными исследованиями и дряхлостью. Так всем богам суждено поступать со своими творцами, но это нас пока не должно тревожить.

– Нет, – сказал Мануэль, – я не могу пойти с тобой. В моем сердце зажигается такая любовь к тебе, что она меня пугает.

– Посредством любви люди добиваются счастья, бедный одинокий Мануэль.

Теперь, когда Мануэль отвечал Слото-Виепусу, на лице Мануэля были заметны тревога и

замешательство. Мануэль сказал:

– Под твоими милыми чарами, Слото-Виепус, я признаюсь, что посредством любви люди добиваются тошнотворного отвращения и презрения к себе, и по этой причине я больше не буду любить. Сейчас высокие юноши бегут из последних сил, чтоб ухватить звезды, висящие над краем однообразного болота, но вскоре им даст подножку время... О Слото-Виепус, порочный Слото-Виепус Сновидений, ты наложил на меня настолько сильную магию, что я в испуге слышу, как истина выбалтывается из долгие время запечатанных уст, которые больше не подчиняются мне из-за твоего милого колдовства...

...Посмотри, обворожительный и всевластный Слото-Виепус, как я следовал за благородными возлюбленными. Я домогался Недоступной Принцессы, а после этого недоступной королевы народа, который изящнее и сильнее нас, людей, а впоследствии моей любовью стал не меньше чем недоступный ангел рая. «Ха, я, должно быть, подходящая пара для тех, кто находится выше меня!» – таков был мой клич в старые дни, и таковы были неукротимые желания, которые одно за другим творили чудеса с помощью милого колдовства...

...Оно обладало дьявольской мощью, и высокие цели переставали являться недоступными! Но я оказывался проклят, исполнив свою волю, и всегда моей наградой становилось не что-то диковинное и редкое, но лишь совершенно заурядное извращение – обыкновенная женщина. И всегда на каком-нибудь дождливом рассвете я с отвращением уходил от себя и от пресыщенной глупости, что жаждала таких сокровищ, которые, когда ими обладаешь, ни в чем не кажутся волшебными и обладание которыми оставляет их достаточно привлекательными, но лишенными милого колдовства...

...Нет, Слото-Виепус, нет. Мужчины созданы так, что желают соединиться с той или иной женщиной, и, более того, они созданы так, что, соединяясь с женщиной, они не удовлетворяют своего желания. И в этой игре нет победителей, поскольку концом любви для всех (кроме тех счастливиц, чья любовь не оплачена) всегда оказывается тошнотворное отвращение и презрение к себе, которое мудрецы переживают молча и не говорят об этом, как говорю сейчас я под воздействием твоего милого колдовства.

Тут Слото-Виепус, слегка улыбнувшись, сказал:

– И однако, бедный Мануэль, мне рассказывали, что нет более образцового супруга.

– Я к ней привык, – мрачно ответил Мануэль, – и полагаю, что, если ее вновь у меня заберут, я вновь попытаюсь ее вернуть. И я не люблю ранить ее бедное глупое сердечко, перечая ее глупым идеям. И, кроме того, я ее немного боюсь, поскольку она всегда способна поставить меня в неловкое положение. И самое главное, конечно же, герою такой знаменитой любовной истории, какой стала наша благодаря этим проклятым поэтам, повсюду слагающим стихи о моей верности и преданности, приходится соблюдать внешние приличия. Поэтому я как-то проживаю каждый день, ни разу внимательно не прислушавшись к нескончаемому потоку ее речей. Но я часто гадаю – и уверен, гадают все мужья, – зачем Небеса создали существо настолько скучное, безумно тупое и упрямое. А когда я задумываюсь о том, что остаток жизни это существо будет постоянно рядом со мной, я обычно выхожу и кого-нибудь убиваю. Потом возвращаюсь, поскольку она знает, какие горячие бутерброды мне нравятся.

– Наоборот, дорогой Мануэль, ты должен уйти от этой женщины, которая тебя не понимает...

– Да, – сказал Мануэль с печальной убежденностью, – отсюда все неприятности.

– И ты должен уйти со мной, абсолютно тебя понимающим. И мы будем повсюду путешествовать, так что сможем увидеть пределы этого мира и их оценить.

– Ты меня искушаешь, Слото-Виепус, старым, неумирающим желанием, и ты наложил на меня сильные чары, но нет, я не могу с тобой уйти.

Ладонь Слото-Виепуса ласково сжала руку Мануэля. Мануэль сказал:

– Я пойду с тобой. Но что станет с женщиной и ребенком, которых я оставлю и у которых здесь нет друзей?

– Верно. Не будет никого, чтоб присмотреть за ними, и они погибнут в страданиях. Это неважно, но, вероятно, в целом для тебя было бы лучше убить их, прежде чем мы отбудем с Саргилла.

– Хорошо, – сказал Мануэль. – Я это сделаю, но ты должен подняться со мной наверх, ибо я не могу не видеть тебя.

Тут Слото-Виепус широко улыбнулся, и блеснули его зубы.

– Я теперь не оставлю тебя до самой твоей смерти.

Глава XXX

Прощание с Фрайдис

Они вдвоем поднялись наверх в комнату с алыми шторами и золоченой кроватью, на которой спала жена дона Мануэля Ниафер, а рядом на столике должным образом были разложены семь разных плодов. Мануэль вынул кинжал. Ниафер повернулась во сне, так что казалось, сама подставляет округлую шею под поднятый нож. Мануэль заметил насыщенное цветное пятно с другой стороны золоченой кровати – там сидела королева Фрайдис, а у нее на коленях лежала голенькая новорожденная девочка.

Фрайдис встала, прижав ребенка к груди, и улыбнулась. Так мог улыбаться бес, придумав какую-то новую муку для пропащих душ, но лицо прекрасной женщины не должно быть настолько жестоко. Затем эта злобная радость сошла с лица Фрайдис. Она окунула пальцы в купель с водой, в которой мыла ребенка, и кончиками пальцев начертала на лобике ребенка крест.

Фрайдис сказала:

– Мелицента, я крещу тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Слото-Виепус стремглав бросился к камину, крича на бегу:

– Грош, грош, два гроша, полтора гроша и полгроша!

При этом зове пламя выкинуло высокие языки, и Слото-Виепус вошел в огонь, раздвинув его, словно портьеры, и мгновенно пламя спало и стало таким, как и прежде. Руки Фрайдис уже ловко двигались в Сонном Колдовстве, поэтому Ниафер не шевельнулась.

Сегодня Фрайдис была одета в ослепительное платье цвета пламени, а ее волосы сдерживал обруч из сверкающей меди.

Мануэль выронил кинжал, и его острие вонзилось в пол: оружие стояло прямо, слегка подрагивая. Но Мануэля с минуту трясло намного страшнее, чем трясся кинжал. Можно даже сказать, что он корчился в судорогах от ужаса и отвращения к себе. Какое-то время он находился в таком состоянии, переводя взгляд с безмятежно спящей госпожи Ниафер на загадочно улыбающуюся огненную Фрайдис, а потом к Мануэлю вернулось прежнее самообладание.

– Нарушитель всех клятв, – сказала Фрайдис, – знайте, что Слото-Виепус – язычник и может процветать только среди тех, чья любовь отдана некрещеным. Таким образом, он не мог появиться на Саргилле до прибытия этой маленькой язычницы, которую я только что сделала христианкой. Теперь у нас здесь только христианские ужасы, и ваша судьба снова в моих руках.

Дон Мануэль выглядел удрученным.

– Фрайдис, – сказал он, – вы спасли меня от совершения весьма неподобающего поступка. Еще мгновение, и я бы убил жену и ребенка из-за неодолимой магии Слото-Виепуса.

Фрайдис же сказала, по-прежнему загадочно улыбаясь по какой-то таинственной причине:

– На самом деле не рассказывать, в какие глупости и беды втянул бы вас Слото-Виепус. Ибо вы сделали ему ноги разной длины, и он не мог простить вам своей хромоты.

– Это существо – сущий дьявол, – сказал Мануэль. – И это – фигура, которую я мечтал сотворить, дитя моих долгих грез и трудов; это существо, которое я задумывал более восхитительным и значительным, чем серые люди, которых встречал на городских улицах, лесных тропинках и во дворцах! Несомненно, я выпустил на волю страшное создание, которым вообще не могу управлять.

– Это существо – вы в молодости, седой Мануэль. У вас были привлекательность, ум и отвага, и вы их отдали этому образу, смело слепив его по воле своей гордой юности и по подобию своей гордой юности. Но человеческой жалости и постоянства в любви у вас тогда не было, и вы не могли отдать их ни вашим собратьям, ни прекрасной фигуре, которую создали, ни мне. Поэтому вы изумились, увидев, какими вы сделали Слото-Виепуса и меня.

Тут вновь злые мысли проявились на лице этой проницательной женщины, которая совсем недавно стала причиной смерти короля Тибо, герцога Истрийского и других влюбленных в нее господ. И дон Мануэль посмотрел на нее более внимательно.

На месте Мануэля любой человек задолго до этого подумал бы о том, что он с женой и ребенком находится в заколдованном месте во власти причуд и небезопасных слуг этой, даже на вид не заслуживающей доверия ведьмы. И средний человек вспомнил бы с отвращением ту необычную пантеру, того неприятного привратника, поразившее рать герцога Асмунда безумие и стук мерзких копытца назойливых карликов, и среднему человеку эта комната показалась бы таким местом, от которого лучше находиться подальше.

Но откровенный, грубоватый дон Мануэль сказал с веселым смехом:

– Вы говорите так, словно каждый день не становитесь все более обворожительной, милая Фрайдис, и будто я не польщен при мысли о том, что участвовал в этом совершенствовании. Не нужно так беззастенчиво выуживать комплименты.

Ее темные блестящие глаза сузились, и она посмотрела на его руки. Затем Фрайдис сказала:

– У вас на ладонях капли пота, седой Мануэль, и по одному этому я знаю, что вы страшно напуганы. Да, даже сейчас вы ведете себя довольно удивительно.

– Я напуган не так уж сильно, но я, естественно, возбужден происшедшим. Кто угодно напугался бы. Я не знаю, чего должен ждать от будущего, и мне хотелось бы, чтоб я никогда не ввязывался в это злосчастное занятие – творение существ, с которыми не могу справиться.

Королева Фрайдис двинулась в сияющем блеске к камину и остановилась там, смотря вниз на борьбу язычков пламени.

– Однако разве вы не сотворили вновь множество горя, когда для своего удовольствия дали жизнь этой девочке? Несомненно, вы должны знать, что в ее жизни будет – если на самом деле ей суждено долго прожить, – задумчиво сказала Фрайдис, – много меньше радости, чем печали, ибо такова жизнь каждого. Но все это также не в ваших руках, ибо в Слото-Виепусе, в этом ребенке, и во мне вы с легкостью сотворили то, чем не можете управлять. А результатом управляю я.

Тут в комнату совершенно бесшумно вошла золотистая пантера, села слева от Фрайдис и уставилась на дону Мануэля.

– Разумеется, – совершенно искренне сказал Мануэль, – и я уверен, к тому же, что только вы вправе иметь с ним дело. В общем, Фрайдис, точно, как вы и говорите, положение серьезное, и действительно нужно что-то делать. И каким же образом, милая подруга, мы сможем отобрать жизнь, данную нами этому прелестному демону?

– Неужели я бы захотела убить своего мужа? – спросила Фрайдис и чудесно улыбнулась. – Да, ваш прекрасный хромой ребенок – сегодня мой муж, – бедный, напуганный, нервный седой Мануэль, – и я люблю его, ведь в Слото-Виепусе – все, что было в вас, когда я вас любила, Мануэль, и когда вы снизошли до получения удовольствия со мной.

Тут в комнату вошла оранжевая крыса, села на камин по правую руку от Фрайдис и уставилась на дону Мануэля. А крыса была такая же большая, как и пантера.

Затем Фрайдис сказала:

– Нет, Мануэль, Слото-Виепус должен жить очень долго, много лет после того, как вы превратитесь в кладбищенскую пыль. И он будет, прихрамывая, разгуливать всюду, где есть язычники, и он всегда будет завоевывать любовь отчаянных язычников благодаря своей привлекательности и не тускнеющей беспечной юности. И сомнительно, что он где-либо сотворит добро, но, несомненно, причинит вред, и равным образом несомненно, что он уже взвешивает мое счастье так же беззаботно, как когда-то его взвешивали вы.

Тут в комнату вошло еще одно существо, которое не видел и не воображал даже сумасшедший, и оно легло у ног Фрайдис и уставилось на дону Мануэля. Устроившись так, существо зевнуло, обнажив далеко не

безобидные зубы.

– Вот так, Фрайдис, – степенно сказал дон Мануэль. – И, разумеется, сказанное вами еще больше усложняет эти вопросы, но я ни за что на свете не встану между мужем и женой...

Королева Фрайдис оторвала взгляд от пламени и очень грустно посмотрела на дон Мануэля. Фрайдис пожала плечами и положила руки на головы заколдованных зверей.

– В конце концов, и я не могу этого сделать. Так что вы двое – тоскливые, незначительные, отлично подходящие друг другу люди – остаетесь не погубленными, а я пойду поищу своего мужа и попытаюсь добиться прощения за то, что не позволила ему вас мучить. Эх, меня искушало, седой Мануэль, позволить своему властному красавцу-мужу насладиться вами и этой тощей, уродливой хромоножкой и ее отродьем, как прежде вы насладились мной. Но женщины устроены настолько странно, что в самом конце я не могу позволить причинить вред ни этому седому, степенному, скучному человеку, ни его движимому имуществу. Ибо в этом мире проходит все, кроме одного. И хотя юный Мануэль, которого я любила одним ушедшим летом, сегодня мертв так же, как и яркая листва того лета, несомненно, что женская глупость никогда не умирает.

– На самом деле, я не заслуживаю вашей заботы, – довольно несчастно сказал Мануэль. – Но я всегда обожал и всегда буду искренне обожать вас, Фрайдис, и по этой причине я с радостью делаю вывод, что вы теперь не собираетесь сотворить чего-либо насильственного и непоправимого: такого, о чем все лучшее в вас впоследствии пожалеет.

– Когда-то я вас любила, – сказала она, – а сейчас уверена, что ваше сердце всегда было холодной, твердой и серой, самой обыкновенной галькой. Но теперь, когда я – простая смертная, это не имеет значения. В любом случае вы вновь воспользовались мной; я дала вам приют, когда вы были бездомны, и вновь вы обретете предмет своего желания.

Королева Фрайдис подошла к окну и подняла алую штору со стоящими на задних лапах золотыми драконами. Но лежащие звери оставались у камина и продолжали смотреть на дон Мануэля.

– Да, вновь вы обретете предмет своего желания, седой Мануэль, так как корабль, показавшийся на излучине реки, со змеями и замками на коричневых парусах, – корабль Мирамона Ллуагора, который он снарядил за вами на Саргилл. И ваша ссылка закончилась, ибо Мирамона побуждает тот, кто выше нас всех, и поэтому могущественный Мирамон с радостью приходит, чтобы служить вам. Теперь я могу удалиться и поискать Сло-Ви-е-пу-са и свое прощение, если смогу его добиться.

– Но куда вы направляетесь, милая Фрайдис? – спросил дон Мануэль, словно вновь ощутил к ней любовь.

– Какая разница, – ответила она, долго-предолго глядя на него, – ведь граф Мануэль больше во мне не нуждается? – Затем Фрайдис посмотрела на Ниафер, лежащую в колдовском сне. – Я ни люблю, ни всецело ненавижу тебя, уродливая, хромая, тощая и раздражительная Ниафер, но, конечно же, и не завидую тебе. Ты женщина для своего седого мужа-непоседы. Мой муж не становится старше, нежнее и раболепнее по отношению ко мне и никогда не станет. – После этого Фрайдис наклонилась и поцеловала ребенка, которого только что окрестила. – Когда-нибудь ты станешь женщиной, Мелицента, и тогда ты полюбишь того или иного мужчину. Я могла бы надеяться, что ты полюбишь мужчину, который сделает тебя счастливой, но такого мужчину еще никто не нашел.

Дон Мануэль подошел к Фрайдис, вообще не обращая внимания на заколдованных зверей, и взял ее за руки.

– Моя милая, неужели ты думаешь, что я – счастливый человек?

Она посмотрела на него снизу вверх. И, когда она отвечала, ее голос дрожал.

– Я сделала тебя счастливым, Мануэль. Я бы всегда делала тебя счастливым.

– Интересно, делала ли бы. Да ладно, в любом случае на мне лежит обязательство. Я нахожу, что никогда в человеческой жизни не обнаруживается недостатка в тех или иных обязательствах, и мы должны браться за каждое из них, не надеясь преуспеть лично, но просто стремясь его выполнить. Это не очень веселое занятие. И это разрушительное занятие!

Она же сказала:

– Я никогда не думала, что буду о тебе жалеть. Почему я должна горевать из-за тебя, седой предатель?

Он хрипло ответил:

– Я не горжусь тем, что сделал со своей жизнью, и с твоей жизнью, и с жизнью этой женщины, но, думаешь, я буду из-за этого хныкать? Нет, Фрайдис. Юноша, любивший и бросивший тебя, здесь, – он стукнул себя в грудь, – запертый, заточенный до конца жизни, умирающий в полном одиночестве. В общем-то я – хитрый тюремщик: ему не убежать. Нет, даже в самом конце, милая Фрайдис, существует обет молчания.

Она бессильно сказала:

– Мне жаль. Даже в самом конце ты подарил мне новую печаль...

С минуту они стояли, глядя друг на друга, и она впоследствии вспоминала его грустную, но в то же время лукавую улыбку. Им двоим больше нечего было делить ни в речах, ни в делах.

Затем Фрайдис исчезла, и вместе с ней исчезли и заколдованные звери, и замок, словно растаял дым. И Мануэль стоял под открытым небом на убранном поле, один с женой и ребенком, в то время как к берегу причаливал корабль Мирамона. Ниафер спала. Но тут проснулась девочка, чтобы взглянуть на мир, в который она волей-неволей была призвана, и девочка начала плакать.

Дон Мануэль осторожно погладил это пугающе маленькое существо сильной красивой рукой, с которой пропало обручальное кольцо. Это потребует объяснений. Поэтому, возможно, дон Мануэль посвятил короткое ожидание на убранном поле размышлениям о том, как ему рассказать о происшедшем жене, когда та проснется и спросит его, потому что в старину это была проблема, которую ни один благоразумный муж не мог не взвешивать со всем вниманием.

Глава XXXI

Государственные вопросы

Тут по трапу корабля сошло семь трубачей, одетых в блестящие пледы: каждый вел на серебряной цепи борзую, и каждая из семи борзых держала в зубах золотое яблоко. За ними последовали трое менестрелей, трое священников и трое шутов: все были в венках из роз и с посохами. Затем на берег сошел Мирамон Ллуагор – повелитель девяти снов и князь семи безумий. За ним последовало совершенно невероятное общество. Но с ними прибыла и его жена Жизель с их маленьким сыном Деметрием, названным так в честь старого графа Арнейского. И, говорят, именно этому мальчику, тогда еще завернутому в пеленки, было суждено стать убийцей собственного отца – мудрого Мирамона Ллуагора.

Госпожа Ниафер проснулась, и женщины отошли в сторонку, чтобы сравнить и обсудить своих младенцев. Они положили детей в одну колыбель. Много позднее эти двое вновь лягут вот так же вместе, и из-за этого девушка обретет долгую печаль, а юноша – смерть.

Между тем курносый повелитель девяти снов и косоглазый граф Пуактесмский сели на берегу реки поговорить о более серьезных вопросах, чем круп и режущиеся зубы. К этому времени солнце поднялось уже высоко, так что поспешно со всех концов света появились Кан, Мулук, Хиш и Кавак и натянули голубой полог, чтобы скрыть беседу их господина с доном Мануэлем.

– Что это такое, – спросил в первую очередь Мирамон Ллуагор у дон Мануэля, – я слышал о твоём союзе с Филистией и о твоих сделках с народом, который говорит, что мои изящнейшие создания – не что иное, как несварение желудка?

– Я потерял Пуактесм, – говорит Мануэль, – а филистеры предложили поддержать меня в моих притязаниях.

– Но я этого никогда не позволю! Я, создающий все сновидения, никогда не смогу с этим согласиться, и ни один филистер никогда не войдет в Пуактесм. Почему ты не пришел с самого начала за помощью ко мне, вместо того чтобы терять время на этих обыкновенных королей и королев? – раздраженно спросил волшебник. – И неужели тебе не стыдно заключать союзы с Филистией, помня, как ты раньше следовал своим помыслам и своему желанию?

– В общем, – отвечал Мануэль, – пока я не получил от Филистии ничего, кроме красивых слов, и союз еще не заключен.

– Очень хорошо. Только давай по порядку. Во-первых, ты желаешь завладеть Пуактесмом...

– Нет, не особо, но приходится соблюдать внешние приличия, а моя жена думает, что мне было бы лучше спасти этот край от ига язычников норманнов и таким образом предоставить ей подходящий дом.

– Далее: я должен заполучить для тебя эту страну, поскольку нет смысла противостоять нашим женам в подобных вопросах.

– Я рад твоему решению...

– Между нами, Мануэль. Думаю, ты теперь начал понимать причины, которые вынудили меня принести тебе волшебный меч Фламберж в самом начале нашего знакомства, и узнал, кто в большинстве семей обладает мужским характером.

– Нет, ничего подобного, Мирамон, ибо моя жена – милейшая женщина, исполненная сознания долга, и она никогда мне ни в чем не перечит.

Мирамон одобрительно кивнул.

– Ты совершенно прав, ибо нас могут подслушать. Поэтому давай продолжим, и прекрати меня перебивать. Далее: ты должен владеть Пуактесмом, и твои потомки вечно должны владеть Пуактесмом – не как фьефом, но как наследным феодем. Далее: ты будешь владеть этими землями, находясь под властью не какого-либо святого вроде Фердинанда, но под властью совершенно другого сеньора, которого назначу я. Далее: он, конечно, будет править, во всем подчиняясь моим фантазиям, и будет полностью

управляем мною, как и все сновидения.

– Поскольку дань разумная, я пока не вижу возражений твоим условиям. Но кто будет моим сюзереном?

– Человек, которого ты можешь помнить, – ответил Мирамон и сделал знак радужной толпе своих приспешников.

По этому жесту один из них шагнул вперед. Это был высокий, худощавый юнец с румяными щеками, широко расставленными глазами и небольшой головой, покрытой густыми, вьющимися темно-рыжими волосами. И Мануэль сразу же его узнал, поскольку у Мануэля были все причины запомнить странный разговор, который он вел с этим самым Горвендилом сразу же после того, как Ниафер ускакала прочь с ужасным братом Мирамона.

– Но вы не думаете, что этот Горвендил сумасшедший? – шепотом спросил дон Мануэль у волшебника.

– Думаю, он частенько производит такое впечатление.

– Тогда почему вы делаете его моим сюзереном?

– У меня есть свои причины, можешь быть уверен. А если я не говорю о них, можешь быть уверен, что на это у меня тоже есть причины.

– Но, значит, этот Горвендил один из Леших? Тот ли это Горвендил, большой палец ноги которого есть утренняя звезда?

– Могу сказать, что именно он призвал меня помочь тебе в твоём горе, о котором на Врейдексе я не слышал, но почему я должен рассказывать тебе больше, дон Мануэль? Разве не достаточно предложенных тебе провинций и сравнительно спокойных условий жизни с женой, что ты еще в придачу хочешь узнать все мои старые тайны?

– Ты прав, – сказал Мануэль, – а благодетелей нужно ублажать. – Так что он остался доволен своим неведением, да так никогда и не разузнал ничего про Горвендила, хотя позднее у Мануэля должны были возникнуть жуткие подозрения.

Между тем дон Мануэль любезно пожал руку рыжеволосому юноше и заговорил об их первой встрече.

– И, в конце концов, я не считаю, что ты говорил крайнюю глупость, мой мальчик, – сказал со смехом Мануэль, – ибо я узнал, что та странная и опасная вещь, о которой ты мне сообщил, зачастую верна.

– Откуда мне знать, – тихо ответил Горвендил, – когда я говорю глупости, а когда нет. Мануэль же сказал:

– Все же я могу понять твои речи лишь отчасти. В общем, не наше право понимать своих сюзеренов, и неважно, безумец ты или нет, я предпочитаю тебя королеве Стультиции и ее нелепым розовым очкам. Поэтому давай поступим по всей форме и составим текст нашего соглашения.

Это было сделано, и они по всем правилам подписали условия, по которым дон Мануэль и потомки дон Мануэля должны были вечно владеть Пуактесмом в качестве фьефа, пожалованного Горвендилом. Договор был тайным, и разглашение десяти его пунктов даже сейчас привело бы к чудовищным последствиям. Поэтому условия договора никогда не были обнародованы, и все люди оставались не более вольны критиковать его оговорки, чем сам дон Мануэль, на которого женитьба наложила обязательство так или иначе обеспечивать жену и ребенка.

Глава XXXII

Спасение Пуактесма

Когда эти дела были завершены, а будущее Пуактесма обговорено в мельчайших подробностях, жена Мирамона Ллуагора сказала ему, что мужчинам уже хватит играть заумными словами, чернильницами и сургучными печатями и самое время предпринять что-то разумное по еще одному вопросу, если они, конечно, не считают, что Ниафер должна растить ребенка в канаве. Волшебник сказал:

– Да, моя дорогая, ты совершенно права, и я займусь этим в первую очередь после обеда. Потом он обратился к Мануэлю:

– Сейчас Горвендил сообщил мне, что ты должным образом родился в пещере примерно во время зимнего солнцестояния от матери-девственницы и отца, который не был человеком.

Мануэль ответил:

– Несомненно, это так. Но почему ты сейчас затрагиваешь щекотливые старые истории?

– Ты должным образом странствовал с места на место, принося людям мудрость и святость...

– Это тоже всем известно.

– Ты должным образом творил такие чудеса, как воскрешение мертвых и тому подобное...

– Это также неопровержимо.

– Ты должным образом пребывал в пустынном месте со злом, и там тебя искушали отчаиваться, богохульствовать и совершать другие непотребства...

– Да, нечто в этом роде произошло в Дан-Валахлоне.

– И, как я хорошо знаю, ты своим поведением на Врейдексе должным образом расстроил мои планы, а ведь я – сила тьмы.

– Ах-ах! Так, значит, ты, Мирамон, – сила тьмы!

– Я управляю всеми сновидениями и безумиями, Мануэль, а это основные силы тьмы.

Дон Мануэль, казалось, засомневался в этом, но лишь сказал:

– В общем, давай продолжим! Верно, что все это так или иначе со мной произошло.

Волшебник какое-то время смотрел на высокого воина, и в темных кротких глазах Мирамона виднелось некое странное сочувствие. Мирамон сказал:

– Да, Мануэль, эти предзнаменования далеко вперед разметили твою жизнь, точно так же, как они прежде отличали начинания Митры, Уицилопочтли, Таммуза и Геракла...

– Да, но какое это имеет значение, если эти происшествия случались со мной, Мирамон?

– Они случились также с Гаутамой, Дионисом, Кришной и всеми остальными достойными уважения спасителями, – продолжил Мирамон.

– Ладно, все это допустимо. Но какой вывод должен из всего этого сделать я?

Мирамон ему сказал.

Дон Мануэль в конце речи Мирамона выглядел особенно серьезным, и Мануэль сказал:

– Я думал, что достаточно удивительным было превращение короля Фердинанда в святого, но это превосходит все на свете! В любом случае, Мирамон, ты указал на обязательство настолько потрясающее, что, чем меньше о нем сказано, тем мудрее, и чем быстрее это обязательство выполнено, тем удобнее будет всем остальным.

Поэтому Мануэль ушел вместе с Мирамоном Ллуагором в одно тайное место, и там дон Мануэль подчинился тому, что требуется, а что произошло, с определенностью не известно. Но хорошо известно,

что Мануэль страдал и после того, как провел в подземелье три дня, на третий день вышел наружу.

Затем Мирамон сказал:

– Все это должным образом исполнено, и, покончив с этим, мы теперь не нарушим мессианского этикета, если тотчас же займемся спасением Пуактесма. Предпочитаешь ли ты спасать с помощью сил добра или с помощью сил зла?

– Только не с помощью сил зла, – сказал Мануэль, – ибо я их видел во множестве в глухом Дан-Валахлонском лесу и не считаю их союзниками. Но разве добро и зло для вас, Леших, едины?

– Почему мы должны тебе рассказывать, Мануэль? – сказал волшебник.

– Устарелый ответ, Мирамон.

– Это не ответ, это вопрос. А вопрос стал устарелым, потому что использовался слишком часто, и ни один человек никогда не был в силах от него отделаться.

Мануэль бросил эту тему и пожал плечами.

– Ладно, давай завоевывать, как можем, но так, чтобы Бог был на нашей стороне. Мирамон ответил:

– Не бойся! Он будет во всех своих обликах и со всеми своими атрибутами.

И Мирамон сделал то, что требовалось, и с чердаков и свалок Врейдекса пришли мощные союзники. Для начала Мирамон необычным образом поступил с маленькой рыбкой, и в результате его поступка к ним прибыл в сентябре, в четверг днем, когда они стояли на берегу моря к северу от Манвиля, темнокожий герой, одетый в желтое. У него было четыре руки, в которых он держал булаву, раковину, лотос и диск. И ехал он на белом жеребце.

Мануэль сказал:

– Хороший знак, что Пуактесмский жеребец получает помощь, принесенную другим жеребцом.

– Давай не будем говорить об этом белом жеребце, – поспешно ответил Мирамон, – потому что до конца этой Юги у него нет имени. Но когда души всех людей сделаются кристально чистыми, тогда этому жеребцу суждено будет быть скрещенным, и его имя будет Калки.

– В общем, – сказал Мануэль, – это кажется достаточно справедливым. Я так понимаю, что при содействии этого смуглого господина мы и должны спасти Пуактесм.

– О нет, дон Мануэль, он лишь первый из наших спасителей, ибо нет ничего сравнимого с десятичной системой, и вспомни, в нашем пакте записано, что в Пуактесме все всегда должно считаться десятками.

После этого Мирамон сделал то, что требовалось, с несколькими желудями, и приливу ответил приглушенный гром. Так появился второй герой, помогающий им. Это был приятный на вид молодой человек с изумительно рыжей бородой. На плече у него висела корзина, и он держал в руке молот. Он ехал на повозке, запряженной четырьмя козлами.

– Ну, это определенно прекрасный дюжий воин, – говорит Мануэль, – и сегодня у меня счастливый день, и у этого румяного господина, надеюсь, тоже.

– Сегодняшний день – всегда его день, – ответил Мирамон, – и прекрати перебивать мои заклинания, а дай лучше вот эту флейту.

Поэтому Мануэль оставался молчаливым, как и пара чудовищных союзников, пока Мирамон делал еще одну любопытную вещь с флейтой и пальмовой ветвью. После чего появился герой янтарного цвета, одетый в темно-зеленое и держащий дубину и силок для душ умерших. Он прискакал на бизоне, а вместе с ним прибыли сова и голубь.

– Думаю... – сказал Мануэль.

– Ты не думаешь, – ответил Мирамон. – Ты лишь болтаешь и суетишься, поскольку взволновал внешностью своих союзников, а такая болтовня и суета весьма мешают художнику, стремящемуся оживить прошлое.

Сказав это, Мирамон с возмущением обратился к еще одному заклинанию. Оно вызвало героя в

сияющей колеснице, которую везли алые кобылицы. У него были золотистые волосы, красные члены, и он был вооружен луком и стрелами. Он тоже молчал, но, когда он рассмеялся, стало видно, что у него несколько языков. За ним появился молодой блестящий человек, ехавший на кабане с золоченой щетиной и окровавленными копытами. Этот воитель держал в руке обнаженный меч, а у него за спиной, словно свернутый плащ, находился корабль, содержащий богов и всех живых существ. А шестым спасителем стал высокий, бесцветный, как тень, мужчина с двумя длинными серыми перьями, прикрепленными к бритой голове. Он держал скипетр и предмет, который, по словам Мирамона, назывался анх, а зверь, на котором он ехал, был дивен на вид. У него было тело жука с человеческими руками, голова барана и четыре львиных лапы.

– В общем, – сказал Мануэль, – я ни разу не видел подобного скакуна.

– Да, – ответил Мирамон, – да и никто не видел, так как это Сокрытый. Но прекрати же свою постоянную болтовню и передай мне соль и вон того крокодильчика.

С двумя этими вещами Мирамон обошелся так, чтобы вызвать седьмого союзника. Шею и руки этого героя обвивали змеи, и на нем было ожерелье из человеческих черепов. Его длинные черные волосы были весьма примечательно заплетены в косички. Шея у него синяя, а все тело мертвенно-бледное, кроме мест, посыпанных пеплом. Следующим, верхом на пятнистом олене, появился некто, наряженный в яркое желто-красно-сине-зеленое полосатое одеяние. Его лик мрачен, как туча, у него один большой круглый глаз; изо рта торчали белые клыки, и он держал в руке пестро раскрашенную урну. Его неопишуемые спутники прыгали лягушками. Затем появился самый замечательный из всех воинов: с телом карлика и очень короткими ножками. У него огромная голова с черной бородой, плоский нос, а язык свешивался изо рта и болтался при движении. На нем был пояс и ожерелье, а больше ничего, кроме перьев ястреба, образующих своего рода головной убор. А ехал он верхом на громадной, лоснящейся пестрой кошке.

Теперь, когда эти необычные на вид союзники молча встали перед ними в ряд на берегу моря, дон Мануэль сказал с вежливым поклоном в сторону этого ужасного воинства, что, по его мнению, герцог Асмунд вряд ли будет в силах противостоять подобным спасителям. Но Мирамон повторил, что нет ничего сравнимого с десятичной системой.

– Тот мой брат, что является повелителем десятой разновидности сна, прекрасно бы завершил эту десятку, – говорит Мирамон, скребя подбородок, – если б у него только не было такой заурядной черно-белой внешности, не считая того, что он форменный скучный реалист, без намека на эстетическое чувство... Нет, я люблю цвета, и мы доберем войско на Западе!

Поэтому Мирамон занялся шариком из ярких перьев. Тут к ним верхом на ягуаре прибыл последний помощник, держащий большой барабан и флейту, из которой музыка исходила в виде языков пламени. Этот герой был совершенно черен, но раскрашен синими полосами, а по всей левой ноге у него росли золотистые перья. На нем была красная диадема в виде розы, короткая юбка из зеленой бумаги и белые сандалии. И он держал красный щит, в середине которого изображен белый цветок с четырьмя крестообразно расположенными лепестками. Таков был тот, кто стал десятым.

Теперь, когда эта жуткая десятка была набрана, повелитель семи безумий поджег пучок соломы и бросил его на ветер, сказав, что вот так гнев Мирамона Ллуагора должен пронестись над землей. Затем он повернулся к этим страшным десяти, которых он оживил на свалках и чердаках Врейдекса, и стало ясно, что Мирамон глубоко тронут.

Мирамон сказал:

– Вы, которых я создал для поклонения людей, когда земля была моложе и прекраснее, внимайте и узнаете, почему я вдохнул новую жизнь в сухие скорлупки со своих помоек! Боги старины, развенчанные, выброшенные, игравшие роль хлама, ищите самые последние следы людей, чьих отцов вы поддерживали! Они совершенно отказались от вас. Запомните, как насмеются над вами:

«Старые повелители-скандалисты, которых чтили наши деды, погибли, если они на самом деле когда-либо были чем-то большим, нежели какими-то любопытными представителями, происшедшими из поисков наших дедов, стремившихся найти Бога в каждом ливне, питающем их ячмень, в приносящем

жару солнце и в земле, дающей им жизнь. Даже при этом у них каждый час был связан с диковинными представлениями о Боге и умопомешательствами, относящимися к Божьей доброте. Мы – более благоразумные люди, ибо понимаем все в причудах погоды и никоим образом не находим их ошеломляющими. Что касается богов, которые, возможно, существуют, то они вежливы и оставляют нас в нашей жизни одних. А мы отвечаем взаимной вежливостью, зная, что делаемое нами на земле достаточно важно и требует безраздельного внимания».

Таковы люди, насмехающиеся над вами; таковы люди, пренебрегающие богами, которым придал вид Мирамон; таковы люди, с которыми сегодня вы вольны по моему разрешению обращаться, как подобает богам. Используйте же наилучшим образом свой шанс и опустошите весь Пуактесм к обеду!

Лица десяти сделались сердитыми, и они ужасно закричали:

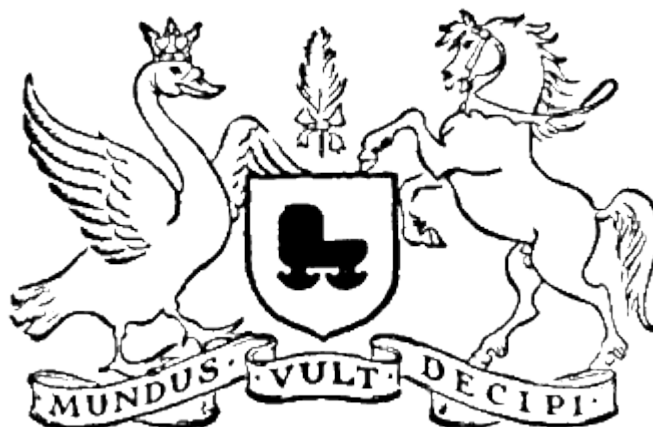
– Блаерде Шай Альфенио Касбуе Горфонс Альбуй-фрио!

Они вдесятером уехали, двигаясь намного быстрее людей, и случившееся впоследствии в Пуактесме надолго стало историей весьма страшной, чтобы ее слушать, но которую тем не менее слушали повсюду.

Мануэль не был свидетелем событий, послуживших основой всех этих рассказов, а сидел в ожидании на берегу моря. Но землю тошнило, и рвота вздымалась под израненными ногами Мануэля, и он видел, что бледное, булькающее, блестящее море, похожее, подобострастно уползает от Пуактесма. А в Бельгарде, Нэме, Сторизенде и Лизуарте и во всех остальных укрепленных местах высокие воины Асмунда увидели тот или иной гневный лик, появившийся с моря, и многие умерли очень быстро, как всегда происходит, когда кто-либо возрождает заброшенные сновидения, и ни один из норманнов не умер в узнаваемом человеческом облике.

Когда до дон Мануэля дошли известия, что спасение Пуактесма завершено, он снял оружие и принял подобающий вид, надев белый камзол из камчатного полотна и пояс, украшенный гранатами и сапфирами. Через левое плечо он перекинул перевязь с бриллиантами и изумрудами, на которой висел незапятнанный кровью меч, которым он победил здесь так же, как и на Врейдексе. Поверх всего он набросил малиновую мантию. Затем бывший свинопас спрятал свои еще не до конца залеченные руки в белые перчатки, из которых одна была украшена рубином, а другая сапфиром, и со вздохом Спаситель Мануэль (как его звали впоследствии) вошел в свое царство, а жители Пуактесма приняли его с гораздо большей радостью, чем он их.

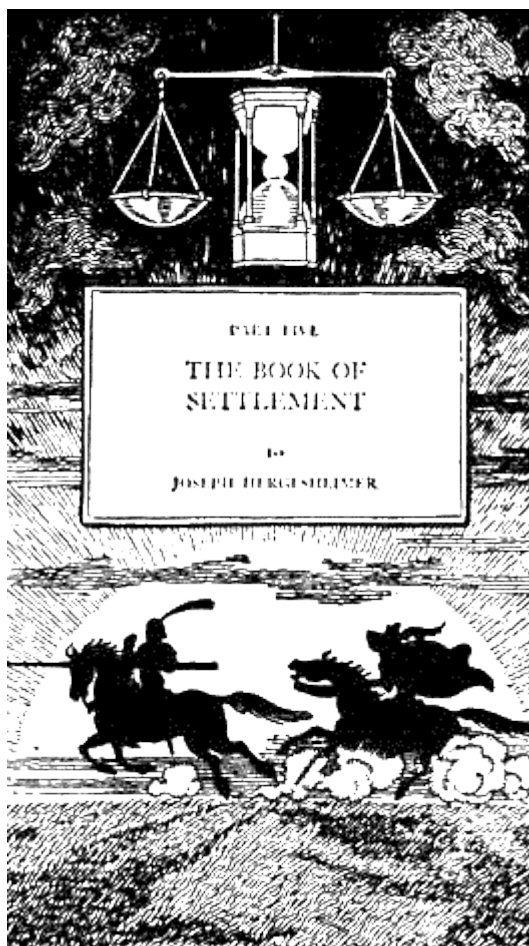
Так дон Мануэль оказался заточенным в собственном замке и в высшем сословии, откуда он не мог с легкостью освободиться, чтобы отправиться в путешествия, увидеть пределы этого мира и их оценить. И говорят, что Сускинд в своем низком дворце с красными колоннами удовлетворенно улыбнулась и приготовилась к будущему.

ЧАСТЬ V

Книга Итога

Так добродетельно и честно правил Мануэль вместе с благородной дамой, женою своею. И любили его и боялись люди высокого звания и низкого, ибо поступал он по правде и справедливости «согласно древним обычаям и нравам», сохраняя земли свои в достойном и надлежащем виде и занимая в свое время самое высокое положение.

Глава XXXIII

Процветание Мануэля

Пуактесме рассказывают прекрасные истории о деяниях, как совершенных Спасителем Мануэлем, так и тех, к которым он побуждал в дни своего правления. Также повествуется о множестве событий, которые кажутся невероятными и потому не включены в эту книгу. Старые песни и былины были склонны сделать из лучшей поры графа Мануэля необыкновенный золотой век.

В самом деле, Мануэлю и воинам, которых он собрал вокруг себя, – среди них Хольден, учтивый Анавальт, ольдермен Котт, Гонфаль и Донандр превосходили других, но все были отважны, – приписывалось такое множество славных подвигов, что трудно понять, как за такое короткое время произошло настолько много событий. Но пуактесмские сказители давно привыкли говорить о каком-либо прекрасном поступке, не имея намерения ввести в заблуждение: «Так бывало в дни графа Мануэля», что дань уважения вскоре стала восприниматься как датировка. Вот так хронология оказалась переиначена, его известность еще больше возросла, слава дон Мануэля стала магнитом, притягивающим к себе душевное величие других дней и лет.

Но здесь нет нужды говорить о подобных легендах, поскольку эти истории повсеместно записаны. Некоторые из них, возможно, правдивы; другие определенно нет. Но бесспорно, что власть, благосостояние и репутация графа Мануэля неуклонно росли. Теперь короли являлись его сотоварищами, и бывший свинопас каким-то образом оказался в числе уважаемых родственников императоров. А госпожа Ниафер, жена великого графа, повсюду признавалась, безо всякого опровержения с ее стороны, дочерью покойного варварийского султана.

Гуврич-Мудрец нарисовал древо, показывающее происхождение госпожи Ниафер от Каюмарса – первого из всех царей, первого, кто научил людей строить дома. И это древо висело в большом зале Сторизенда.

– Даже если тут и там могли вкрасься какие-то ошибки, – сказала госпожа Ниафер, – оно выглядит отлично.

– Но, моя милая, – сказал Мануэль, – твой отец не был варварийским султаном. Наоборот, он был помощником конюха в Арнейском замке, и вся эта родословная – нелепая фальшивка.

– Вот я и сказала, что тут и там могли вкрасься ошибки, – спокойно согласилась госпожа Ниафер, – но суть в том, что эта штука на самом деле отлично смотрится, и, полагаю, даже ты этого не отрицаешь.

– Нет, я не отрицаю, что эта красочная ложь подходит к интерьеру зала.

– Вот, ты же сам видишь! – победно заявила Ниафер, и после этого ее новое происхождение никогда не ставилось под вопрос.

А между тем дон Мануэль послал гонцов через моря и земли к своей единоутробной сестре Мафи в Рагнор, прося ее продать мельницу за сколько удастся. Она послушалась и привела ко двору Мануэля мужа и двух сыновей, младший из которых позднее стал Папой Римским. Мануэль пожаловал мельнику свободное поместье Монтор, и впоследствии никогда нельзя было найти более величавой и изысканной дамы, чем графиня Матфietta де Монтор. Она по-прежнему постоянно говорила о том, что подобает ее родственникам при их положении, но уже совсем по-другому. И она поладила с Ниафер, как и можно было ожидать, но не больше.

А осенью первого года правления Мануэля (сразу после того, как дон Мануэль привез в Сторизенд Скотийский Сигил в качестве добычи после первой своей знаменитой схватки с Пловцом Ориандром) аист принес Ниафер первого из обещанных мальчиков. Из-за выражения лица его называли Эммериком: в честь отца Мануэля. И именно этот Эммерик впоследствии долго и замечательно правил в Пуактесме.

Так что дела у дон Мануэля процветали, и ничто не тревожило его душевный покой, если б не чувство ответственности за культ Сло-то-Виепуса, поклонение которому теперь возрастало среди многих народов. В Филистии Сло-то-Виепусу теперь открыто поклонялись в залах суда и храмах, а все остальные

вероисповедания и любое приличие были задушены обрядами Слото-Виепуса. Повсюду на западе и на севере его последователи произносили хвастливые речи и совершали безумные проделки, и вскоре все это принесло большой вред. Но если это втайне и тревожило дону Мануэля, граф здесь, как и везде, проявлял с лучшими намерениями свой бесценный дар держания языка за зубами.

Никогда не говорил он и о Фрайдис, хотя записано, что, когда пришли известия о ее кончине, в Тимхэре под игом друидов и сатириков, дон Мануэль молча зашел в Комнату Заполя и его не было видно целый день. То, что в подобном одиночестве он плакал, маловероятно, ибо его суровые ясные глаза забыли такое занятие, но весьма вероятно, что он многое вспомнил, и отнюдь не все, по его мнению, делало ему честь.

Так что дела у седого Мануэля процветали, и у него были высокие дворцы, прекрасные леса и пастбища, покой и довольство. Увенчивая все это, аист вскоре принес им вторую девочку, которую назвали Доротеей в честь матери Мануэля. И как раз в это время из Англии прибыл молодой поэт Рибо (вскоре после этого он плохо кончил в Ковентри), принесся дону Мануэлю, когда тот сидел вместе с женой и придворными за ужином, гусиное перо.

Граф улыбнулся, повертел его в руке и задумался. Пожав плечами, он сказал:

– Нужда требует. Если б не ее находчивость, моя голова была бы насажена на серебряную пику. Я не могу забыть этот долг, раз она, как теперь выясняется, не намерена его забывать.

Затем он сказал Ниафер, что должен отправиться в Англию.

Ниафер оторвалась от мармелада, которым заканчивала ужин, и невозмутимо спросила:

– И чего же теперь хочешь от тебя твоя милая белобрысая подружка?

– Дорогая, если б я знал ответ на этот вопрос, не было бы необходимости путешествовать за море.

– Однако достаточно легко догадаться, – насупившись, сказала госпожа Ниафер, хотя, в сущности, она тоже гадала, зачем Алианора послала за Мануэлем, – и я вполне могу тебя понять, ведь ты предпочитаешь, чтобы люди не узнали о подобном и тебя не засмеяли.

Дон Мануэль ничего не ответил, но вздохнул.

– И если бы моему мнению в этом доме придавали хоть какое-то значение, я бы кое-что сказала. Но при сложившихся обстоятельствах более приемлемо позволить тебе идти своим практичным путем и узнать из опыта, что мои слова верны. Поэтому сейчас, Мануэль, если ты не против, нам лучше поговорить о чем-нибудь более приятном.

Дон Мануэль по-прежнему ничего не говорил. Все это, как отмечалось, происходило сразу после ужина, и, пока придворные и жена сидели за остатками еды, заиграл менестрель.

– Должна сказать, что ты не являешься чересчур веселым собеседником, – через некоторое время заметила Ниафер, – хотя ни на миг не сомневаюсь, твоя белобрысая подружка найдет тебя достаточно жизнерадостным...

– Нет, Ниафер, сегодня вечером я не так уж счастлив.

– Да? И чья это вина. Говорила же тебе не брать две порции бифштекса.

– Нет-нет, милая коротышка, меня мучает не желудок, но, скорее, музыка.

– Мануэль, как музыка может так беспокоить? Уверена, мальчик в самом деле играет на скрипке очень мило, особенно если учесть его возраст.

Мануэль сказал:

– Да, но долгие низкие рыдания скрипки, тревожащие так же, как и смутные мысли, порожденные этим временем года, когда лето еще не покинуло землю, но уже медленно умирает в своих разломанных гробницах, говорят о том, что было, и о том, что могло бы быть. Слепое желание, точно такое же, что раньше теплыми лунными ночами жаром пробегало по телу юноши, которого я помню, тщетно мучает седого мужчину серыми призраками бесчисленных старых горестей и маленькими жалящими воспоминаниями о давно умерших наслаждениях. От подобной жажды нет никакого толка степенным,

стареющим людям, но мои уста жаждут уст, чья прелесть более не существует во плоти, и я жажду умершего времени и воскрешения умерших страстей, чтобы юный Мануэль вновь мог любить...

...Сегодня вечером, пока эта музыка неуверенно ощупывает своими пальцами залеченные раны, где-то некая стареющая женщина, совершенно мне не знакомая, точно так же задета за живое, тоже вспоминает наполовину забытое. «Мы прежде были едины, и наши сердца стучали в унисон, а наши юные губы и души были неразлучны, – по-моему, думает она именно так, – разве жизнь поступила честно, оставив нас бесцельно тратить время на полумеры и считать пустяком расчлененные жизни, ссыхающиеся отдельно друг от друга?» Да, вполне возможно, что сегодня вечером она так же грустна, как и я. Но я не могу быть в этом уверен, поскольку в юношеской любви есть великолепии настолько ослепительное, что мешает влюбленному отчетливо разглядеть свой предмет, а посему в то славное время, когда мы вместе служили любви, я узнал о ней не больше, чем она обо мне...

...Из всех моих неудач самая горькая состоит в том, что после стольких несчастий и восторгов я не приобрел надежного знания о самой женщине, но должен волей-неволей лить слезы над такой исчезнувшей мишурой, как ее дрожащие алые губы и роскошные волосы! Тогда, извлечено ли из юности и любви нечто большее, чем девические груди и белый животик, отдаваемые в распоряжение возлюбленного, да мимолетное опьянение, а после недоуменная тоска, которая теперь покорно умирает, во многом точно так же, как тихо замирают в конце песни долгие низкие рыдания этой скрипки?

Вот так вполголоса говорил седой Мануэль, сидя в блестящем золотисто-малиновом костюме и вертя в руке гусиное перо.

– Да, – сказала вскоре Ниафер, – но лично я думаю, что он в самом деле играет очень мило. Мануэль резко встряхнул головой и засмеялся.

– Дорогая коротышка, – сказал он, – скажи-ка честно, о чем ты размышляла, пока я нес этот вздор?

– Ну, я думала, что завтра первым делом должна пересмотреть твоё теплое белье, Мануэль, поскольку все знают, какой сырой климат осенью в Англии...

– Моя дорогая, – серьезно и убежденно сказал Мануэль, – ты представляешь собой архетип и безупречный образец жены.

Глава XXXIV

Прощание с Алианорой

Дальше дон Мануэль садится на корабль и отправляется в Англию. И у нас нет авторитетных сведений о происшедшем там, кроме отчета, который по возвращении дон Мануэль дал жене.

«Однако почему тебе понадобилось оставаться там так долго?» – спросила госпожа Ниафер.

«В общем, – объяснил Мануэль, – одно, так сказать, вело к другому».

«Гм!» – заметила Ниафер.)

Вскоре он имел личную беседу с королевой. Как она была одета? Насколько помнил Мануэль, на Алианоре была зеленая мантия с квадратной застежкой, отделанной золотом и самоцветами. Под ней приталенное парчовое платье с золотым узором и такими узкими и длинными рукавами, что они наполовину скрывали кисти рук, как митенки. Корона украшена орнаментом из трилистников, увенчивающим кольцо из рубинов. Хотя, конечно, это могли быть всего лишь гранаты...

«И где же это происходило, что она разodelась во все эти наряды для личной беседы с тобой?»

«Естественно, в Вудстоке».

«Я знаю, что в Вудстоке, но где в Вудстоке?»

«Это происходило у окна, моя милая, у окна со стеклами, деревянными решетками и свинцовыми переплетами».

«Твой отчет весьма обстоятелен, но где находилось это окно?»

«О, теперь я тебя понял! В комнате».

«В какой комнате?»

«В общем, на стенах яркие фрески из саксонской истории, на камине очень красивые, высеченные из камня драконы, а пол покрыт свежим тростником. В самом деле, у королевы одна из самых уютных спален, какие я только видел».

«Ах да, – сказала Ниафер, – и о чем же ты говорил все то время, что там провел?»)

Он обнаружил, что у королевы Алианоры все идет хорошо, за исключением того, что она еще не подарила наследника английскому трону, и это единственное, что ее беспокоит. Из-за этого она и послала за доном Мануэлем.

– Вообще-то после трех лет замужества это выглядит не совсем хорошо, – сказала ему королева, – и люди начинают болтать всякие гадости.

– Обычная судьба королей, – ответил дон Мануэль, – подвергаться критике завистливых людей.

– Не надо, перестаньте блистать афоризмами, Мануэль, потому что я хочу, чтобы вы помогли мне в этом вопросе более практичным образом.

– Охотно помогу вам, если это в моих силах. Но как?

– Что ж, вы должны посодействовать мне в приобретении ребенка... конечно, мальчика.

– Охотно сделаю все, что в моих силах, поскольку определено то, что у вас нет сына – будущего английского короля, выглядит не совсем хорошо. Но как я могу содействовать вам в этом деле?

– Но, Мануэль, заимев троих детей, вы наверняка знаете, что для этого необходимо!

Дон Мануэль покачал седой головой.

– Мои дети появились из источника, который иссяк.

– Это было бы плачевное известие, если б я ему поверила, но я точно знаю, что, если вы предоставите в мое распоряжение все сведения, я смогу убедить вас в обратном.

– Меня можно убедить в чем угодно.

– Хотя я едва ли знаю, как начать, поскольку уверена, вы подумаете, что это по отношению к вам несправедливо...

Он взял ее за руку. Дон Мануэль признался Ниафер, ничего не утаивая, что тут он взял королеву за руку и сказал:

– Не играйте больше со мной, Алианора, вы ясно видите, что я горю желанием вам услужить. Поэтому перестаньте смущаться и переходите к сути, а я сделаю все, что в моих силах.

– Что ж, Мануэль, мы оба отлично знаем, что вы владеете расписками аиста на доставку по требованию в манере филистеров еще одной девочки и еще одного мальчика.

– Нет, не по требованию. Первая расписка ждала девять месяцев, а следующая – еще дольше. Но какое это имеет отношение к вашему делу?

– Мануэль, мне поистине очень неудобно просить вас, но возникла отчаянная нужда, да еще вся эта критика и сплетни. Поэтому ради прошлого и ради жизни, которую я вам вручила в качестве рождественского подарка, рассказав моему дорогому отцу совершеннейшую ложь, вы должны позволить мне воспользоваться распиской и направить аиста с мальчиком ко мне в Англию, а не к вашей жене в Пуактесм.

Вот чего хотела госпожа Алианора.

(«Я все время это знала», – заметила госпожа Ниафер, сказав неправду, но придерживаясь своей универсальной теории, что в отношениях с мужем лучше казаться всеведущей.)

Дон Мануэль огорчился при мысли о разлуке с сыном до его рождения, но он также был движим своим прошлым обожанием Алианоры, чувством задолженности ей и наложенным на него обязательством как можно лучше обеспечить своего сына. Никто не мог спорить, что положение мальчика в качестве английского короля было бы неизмеримо выше ранга младшего брата графа Пуактесмского. Так что Мануэль высказал жалобу относительно своей печали и печали Ниафер по поводу преждевременной потери любимого сына...

(«Мне повторить сказанное мной, моя милая?»)

«Нет, Мануэль, я никогда не понимаю тебя, когда ты стараешься быть напыщенным и впечатляющим».)

Жалоба впечатляла, но в итоге дон Мануэль согласился на такую жертву.

Однако он не согласился остаться в Англии, чего хотела Алианора.

– Нет, – сказал он благородно, – выглядело бы не совсем хорошо заиметь меня в качестве любовника и нарушить брачный обет не любить никого, кроме короля. Нет, Алианора, я помогу вам достать ребенка, в котором вы нуждаетесь, постольку поскольку задолжал вам за свою жизнь и имею договор на двоих детей, но не хочу иметь ничего общего с нарушением брачного обета, потому что это преступление, запрещенное Священными писаниями, и о нем Ниафер, несомненно, рано или поздно услышит.

(«О Мануэль, ты этого не говорил!»)

«Моя милая, я сказал так слово в слово. А почему бы нет?»

«Это, конечно, выражено разумно, но все прозвучало бы намного лучше, если б ты высказал доводы, основанные целиком и полностью на морали. Самое важное, Мануэль, как, уверена, говорила тебе множество раз, для людей, имеющих такое положение, показывать должное уважение к морали, религии и тому подобным вещам, когда о них заходит речь. Но тебя ничто не научит, кроме горького опыта, который, искренне надеюсь, может тебя миновать, и можно с таким же успехом спорить со стеной, так что продолжай, пожалуйста».)

Но королева заплакала и начала его уговаривать. Мануэль был тверд. Он провел эту ночь в комнате королевы, исполняя необходимые магические формулы и обговаривая с аистом все вопросы, а потом вернулся домой. И это... в общем, это все.

Вот такой отчет дал дон Мануэль жене.

– А в целом, Ниафер, я считаю это перспективным оборотом дел, потому что, будучи английским королем, ребенок воспользуется преимуществами, которых мы никогда не смогли бы ему предоставить.

– Да, – сказала Ниафер, – и как же сегодня выглядит твоя милая подружка?

– Кроме того, окажись этот мальчик дурен, наша печаль будет уменьшена тем обстоятельством, что, не видя нашего сына, мы не привяжемся к нему чересчур сильно.

– В этом что-то есть. Я уже вижу, как Эммерик наследует отцовское упрямство, и это меня, естественно, беспокоит, но как сегодня выглядит эта женщина?

– Потом, даже более важным, чем эти соображения...

– Ничего не важно в этом весьма любопытно звучащем дельце, Мануэль, больше внешнего вида этой женщины сегодня.

– Ах, моя милая, – дипломатично сказал Мануэль. – Признаюсь, мне не хотелось бы говорить об этом, ведь ты знаешь, как быстро дурнеют блондинки...

– Конечно, дурнеют, но все же...

– И, в конце концов, это не ее вина, и мне не хотелось бы рассказывать тебе о том, что госпожа Алианора выглядит намного старше, чем ты, поскольку то, что ты брюнетка, давало тебе с самого начала неоспоримое преимущество.

– Ах, не только из-за этого, – сказала Ниафер, по-прежнему весьма мрачная на вид, но, очевидно, слегка утешенная. – Винават образ жизни, который она ведет: ее колдовство, ее встречи с духами и эти постоянные развлечения и увеселения. И все говорят, что она уже стала красить волосы.

– О, явно с ними что-то случилось, – непринужденно говорит Мануэль. – Но долг королевы состоит в сохранении тех остатков приятной наружности, которыми она обладает.

– Вот видишь! – сказала Ниафер, вновь совершенно успокоившись, заметив беззаботность, с которой дон Мануэль говорил о королеве.

Пару лет назад госпожа Ниафер, вероятно, заревновала бы. Теперь ее заботило лишь то, чтобы Мануэль, по возможности, не вел себя глупо и не нарушал их образа жизни. При любой удовлетворенной жене глупость мужа является аксиомой, и благоразумные философы не отличают здесь причину от следствия.

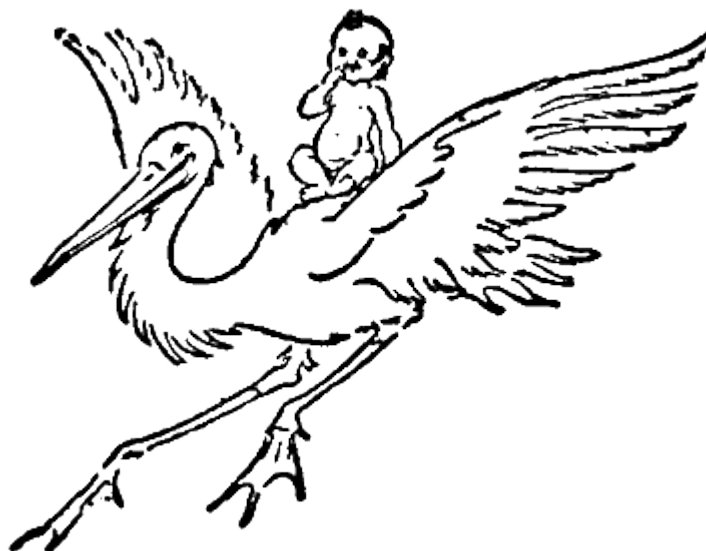
Что касается желания Алианоры взять Мануэля себе в любовники, госпожа Ниафер нашла эту мысль достаточно забавной и очень хорошо показывающей ум этих полинявших, белобрых женщин. Сохранение романтических представлений о Мануэле казалось Ниафер настолько фантастическим и не лезущим ни в какие ворота, что ей отчасти захотелось, чтобы бедняжке королеве без скандала представился шанс разузнать самой все о Мануэлевых тысяче и одном жеманстве и о том, чем он главным образом живет.

Поскольку это было невозможно, Ниафер выкинула из головы сумасшедшую королеву и начала рассказывать Мануэлю – уже не в первый раз – о том, что произошло в его отсутствие, и о том, как она собирается держаться подальше от его сестры Мафи, и о преимуществах для всех заинтересованных лиц совершенно ясного понимания этого факта. И с помощью Ниафер выполнение графом Мануэлем обязательства перед Алианорой было завершено.

Конечно, пошли сплетни, гласившие и то, и се, и еще кое-что. Некоторые утверждали, что в рассказе Мануэля самом по себе есть элементы невероятности. Другие заявляли, что королева Алианора, которая была куда более сведуща в магии Апсар, чем дон Мануэль, могла позвать аиста без его содействия. Правда, аист не имел особых обязательств перед Алианорой. Так бы все выглядело намного лучше, и королева могла бы не привлекать к себе особого внимания. А теперь это просто показало, каковы они, эти заграничные южанки. И хотя слухи, конечно, никого не хотели недооценивать, не было смысла притворно игнорировать то, что практически всем известно и повсюду обсуждается, а когда-нибудь все увидят собственными глазами.

Но, в конце концов, дон Мануэль и королева являлись единственными, кто имел право говорить об этих делах, и, кроме того, существовал отчет о них дон Мануэля. В отношении остального, выдерживать болтовню ему помогала мысль, что он совершил в Англии благотворительное деяние, ибо популярность королевы возросла, и все англичане, а особенно их король, были в восторге от прекрасного сына, которого аист должным образом принес Алианоре в следующем июне.

Мануэль ни разу не видел этого мальчика, который впоследствии правил Англией и стал уважаемым всеми воином, да и королеву Алианору дон Мануэль никогда больше не лицезрел. Поэтому Алианора уходит из этой истории, чтобы принести англичанам долгие годы несчастий и разрушительных войн, а дон Мануэля избавить от еще каких-либо обманов. Дон Мануэль никогда не мог ей противостоять из-за той подспудной нищеты чувств, которую, как говорят, он с ней разделял и которую они скрывали от всего мира, за исключением друг друга.

Глава XXXV

Тревожащее окно

Одним словом, казалось, что тревоги оставили графа Мануэля. Тем не менее одним прекрасным солнечным и теплым утром (это был последний день апреля) дон Мануэль открыл окно в своей основной резиденции в Сторизенде и столкнулся со зрелищем, приведшим его в большее смятение, нежели все, на что смотрели когда-либо его суровые ясные глаза.

Какое-то время он разглядывал открывшуюся перед ним картину. Дон Мануэль внимательно проэкспериментировал с тремя окнами в этой Комнате Заполя и выяснил, насколько можно доверять собственным органам чувств, положение дел. После чего, как подобает рассудительному человеку, он вернулся к письменному столу и стал заверять предписания, приказы и прочие бумаги, которые передал ему секретарь Рурик.

Однако все это время взор дона Мануэля постоянно обращался к окнам. Их было три в южной стене. В них были вставлены толстые прозрачные стекла того сорта, искусство производства которого давно утеряно, ибо эти окна оказались среди добычи герцога Асмунда после гнусных налетов на Филистию, где эти окна являлись когда-то частью храма Заполя – древнего бога филистеров. Поэтому комната и называлась Комнатой Заполя.

В этих окнах граф Мануэль видел хорошо знакомые поля, длинную тополиную аллею и поднимавшиеся дальше холмы. Все было так же, как и вчера и как все было с той поры, почти три года тому назад, когда граф Мануэль впервые вступил в Сторизенд. Все было точно так же, как было раньше, за исключением, разумеется, того, что до вчерашнего дня стол дона Мануэля стоял у дальнего окна. Он не мог вспомнить, чтобы это окно когда-либо открывалось, поскольку с тех пор, как молодость покинула его, граф Мануэль становился все более и более восприимчив к сквознякам.

– Несомненно, оно очень любопытно, – сказал дон Мануэль вслух, покончив с бумагами.

Он опять направился к очень любопытному окну, но тут с шумом появилась его дочка Мелицента, которой сейчас было три года, в отвратительно грязном виде и начала к нему приставать. Позднее она стала необычайно красива, но в три года принадлежала к тем детям, которых человеческие силы могут сохранять в чистоте не более трех минут.

Дон Мануэль держал для нее у себя на столе маленькую плоскую палку и сейчас взялся за нее.

– Выйди из комнаты, маленькая чума! – взорвался он. – Я занят.

Поэтому девочка, в соответствии со своей привычкой, выбежала в коридор и встала там: уже не в комнате, но заступив ножкой за порог. Она смеялась в лицо своему огромному отцу и издевательски показывала крошечный красный язычок знаменитому сюзерену Пуактесма. Тут дон Мануэль, в соответствии со своей привычкой, опустил на четвереньки, чтобы шлепнуть ее палкой по ноге, а Мелицента завизжала от восторга и отдернула ногу как раз вовремя, чтобы избежать удара, но выставила за порог другую ногу и тоже постаралась отодвинуть ее до получения шлепка.

Они посвятили подобной возне больше четверти часа, и в подобном виде их нашел секретарь – серьезный молодой Рурик. Пристыженный граф Мануэль поднялся с пола, отряхнулся и послал Мелиценту в кладовую за сахарными пирожными. Он сказал Рурику, каковы самые благоприятные условия, которые он может предложить парламентариям Наренты, и дал заверенные предписания.

Когда Рурик ушел, дон Мануэль вновь приблизился к дальнему окну, открыл его и выглянул в него еще раз. Он покачал головой, как человек, не сумевший разгадать некую загадку. Он надел доспехи, опоясался мечом и поехал в Пердигон, куда прибыл святой король Фердинанд посоветоваться с Мануэлем о замысле убийства военачальника мавров Аль-Мотаваккиля.

Вдобавок в тот день в суде высшей инстанции он решал одну тяжбу относительно некоторых, весьма ценных, пахотных земель, но присутствующие при поединке заметили, что он заporол сцену сбрасывания с коня и тяжелого ранения графа Ладиаса и вел себя так, словно его настроение не соответствовало

повестке дня. В действительности, у него была причина найти вторжение подобных тайн без спросу в домашнюю жизнь уважаемого всеми дворянина довольно беспокоящим (ибо сверхъестественные тайны достаточно хороши, если человек является опрометчивым юношей или если он посвящает свою жизнь их раскрытию), а иметь в собственном доме разыгрывающие его окна казалось едва ли благопристойным.

И весь этот месяц, пока он был занят преследованием Отмара и его бандитов в Тауненфельских горах, дон Мануэль в глубине души, по-видимому, тревожило какое-то воспоминание, и как только был схвачен и повешен последний отряд разбойников, он поехал домой и, выглянув в окно, обнаружил, что ничего не изменилось.

Дон Мануэль задумался. Он ударил в гонг, вызывая Рурика. Поговорив с секретарем о том о сем, через какое-то время он заметил:

– Но здесь становится душно. Открой это окно.

Секретарь повиновался. Мануэль, сидя за письменным столом, внимательно за ним наблюдал. Но, открывая окно, секретарь стоял к графу спиной, а когда повернулся, смуглое молодое лицо Рурика оставалось совершенно бесстрастным.

Дон Мануэль, теребя цепь с драгоценными камнями, висящую на шее, рассматривал лицо Рурика. Затем сказал:

– Это все. Можешь идти.

Но лицо графа Мануэля оставалось встревоженным, и остаток дня он продолжал приглядываться к молодому секретарю Рурику. После полудня было замечено, что Рурик под тем или иным предлогом часто заходил в Комнату Заполя, когда там никого не было. На следующее утро Мануэль обнаружил Рурика, среди бела дня вносящего в Комнату Заполя – подумать только! – зажженную лампу. Граф немножко подождал, а затем вошел в комнату через единственную дверь. Комната была пуста. Граф Мануэль сел и забарабанил пальцами по крышке письменного стола. Через некоторое время третье окно открылось, и на подоконник влез секретарь Рурик. Он задул лампу.

– Ты смелее меня, – сказал граф Мануэль, – может быть. Определенно ты моложе. Рурик, я не должен был заманивать темного и чопорного малого в это приключение, а должен был как можно скорее отважиться на него сам. Но у меня теперь другие обязанности, да еще внешние приличия, которые надо соблюдать. А люди начали бы болтать, если б увидели, как уважаемый всеми дворянин с положением в обществе вылезает из собственного окна, и просто не передать, что подумала бы об этом моя жена.

Секретарь обернулся, вздрогнул и, уронив лампу, разбил ее. Его ладони, трясаясь, поднялись к гладкому подбородку и схватились за него. Лицо у него было белым, как у прокаженного, глаза – безумные и сверкающие, а голова вжата в плечи, обтянутые черным костюмом, так что, представ перед хозяином, он показался горбуном. Мануэль мог заметить еще одну особенность, а именно то, что с левой стороны у Рурика была выстрижена большая прядь черных волос.

– Что ты узнал, – спросил Мануэль, – там?

– Я не могу вам этого рассказать, – ответил Рурик, по-идиотски засмеявшись, – но я расскажу вам одну историю. Да-да, граф Мануэль, я расскажу вам веселую историю про то, как давным-давно наша общая бабушка Ева купала своих детей неподалеку от Эдема, когда ее позвал Бог. И она спрятала детей, которых не закончила мыть. А когда добрый Бог спросил ее, все ли ее дети находятся здесь и прижимаются кроткими головками к Его коленям, чтобы помолиться Ему, она ответила: «Да». Поэтому Бог сказал ей, что все то, что она скрыла от Бога, должно быть скрыто и от людей. И Он забрал немытых детей и создал для них некое место, где все вечно остаются юными и где нет ни добра, ни зла, поскольку эти дети не запятнаны человеческим грехом и не спасены драгоценной кровью Христа.

Граф, нахмурившись, сказал:

– Что за бред ты несешь среди бела дня? Я требую от тебя не какой-то глупой легенды, а точных сведений о том, что ты там встретил.

– Любую свободу и любое наслаждение, – безумно ответил ему молодой Рурик, – любой ужас и любой бунт.

Затем он говорил еще какое-то время. Когда Рурик закончил свою речь, граф Мануэль презрительно рассмеялся и сказал все, что можно ожидать от уважаемого всеми дворянина.

Рурик выхватил нож и бросился на своего хозяина с криком:

– Я следую своим помыслам и своим желаниям, старый самодовольный косоглазый лицемер!

Граф Мануэль схватил Рурика за горло и голыми руками задушил молодого секретаря.

– По-моему, сейчас я избавил мир от сильной заразы, – сказал вслух дон Мануэль, а Рурик лежал мертвый у ног Мануэля. – Так или иначе, я не могу потерпеть у себя в доме подобные речи. Однако лучше бы я не завлекал юношу в это приключение, которое по праву принадлежало мне. Я не привык избегать приключений.

Он позвал двоих слуг убрать тело, потом прошел в спальню, и лакеи надели на него камзол из пурпурного шелка, а седую голову увенчали диадемой. А когда граф Мануэль сел за ужин, затрубили трубы. Ему прислуживали пажы в горностае, приносящие яства на золотых блюдах и наливающие белые и красные вина из золотых кубков в золотую чарку Мануэля. Искусные музыканты играли на виолах, лютнях и флейтах, пока возвышенный граф Пуактесмский ел богато приправленные яства и невозмутимо беседовал с женой.

Они не питались так, когда Мануэль только что бросил пасти свиней, а Ниафер была служанкой на посылах у своей госпожи, и когда они вдвоем с благодарностью ели хлеб Портуны. Не было у них и нужды подбадривать себя дорогими винами, когда они переживали такое множество странных приключений из-за любви друг к другу. Когда-то давно они познали любовь, и менестрели повсюду слагали песни о всепобеждающей страсти, насмехающейся над смертью, и никто не отрицал, что даже сейчас они вместе живут душа в душу.

Но сегодня вечером госпожа Ниафер была не в духе, поскольку кондитер приходился двоюродным братом молодому Рурику, и она боялась, что у него еще не прошел припадок гнева из-за того, что дон Мануэль задушил секретаря.

– Тогда повысь этому малому жалованье, – сказал граф Мануэль.

– Легко сказать, а главное, совершенно по-мужски. Мануэль, ты же наверняка знаешь, что тогда повар и дворецкий тоже потребуют больше, и этому не будет конца.

– Но, моя милая, юноша произносил безумные святотатства и собирался перерезать мне горло большим ножом с роговой рукояткой.

– Конечно, он был не прав, – утешительным тоном сказала Ниафер, – и я, Мануэль, вообще не защищаю его поведение, что, надеюсь, ты понимаешь. Но, если б ты остановился хоть на миг и подумал о том, как тяжело сейчас заменять слуг и как ненадежны самые лучшие из них, я верю, ты бы увидел, что мы находимся в их полной власти.

Затем она рассказала ему все о своей второй служанке, и в то время как Мануэль говорил «Да», и «Никогда не слышал ничего похожего», и «Ты совершенно права, моя милая», и тому подобное, в глубине души, по-видимому, его что-то мучило.

Глава XXXVI

Отклонение от сути

В последствии граф Мануэль не мог долго оставаться вдали от окна, через которое вылез с лампой Рурик и через которое он вернулся в умопомешательстве, понося закон и порядок.

Вид из этого окна определенно был любопытен. Из двух других окон Заполя, расположенных рядом с этим и внешне во всех отношениях сходных с ним, вид оставался всегда неизменным и точно таким, каким был в третьем окне, если смотреть сквозь толстое прозрачное стекло. Но когда третье окно Заполя открывалось, весь мир солнечного лета, за которым вы наблюдали сквозь толстое прозрачное стекло, пропадал, и вы смотрели в безграничный серый полумрак, в котором ничего нельзя было разобрать определенно, а воздух там пах весной. Графу Мануэлю казалось весьма любопытным вот так рассматривать сквозь прозрачное стекло свои процветающие владения и все награды за свои знаменитые подвиги, а потом обнаруживать, что они исчезают, как только открываешь третье окно. Это было любопытно и удивительно. И из-за таких происшествий люди начинают сомневаться в вещах, безоговорочная вера в которые, как всем известно, и представляет собой мудрость.

Сейчас, в июне, на второй день после гибели Рурика, граф Мануэль стоял перед тремя окнами и видел на тополиной аллее свою жену, госпожу Ниафер, ведущую за руку маленькую Мелиценту. У Ниафер, несмотря на хромоту, была прекрасная фигура – пока он наблюдал за Ниафер через закрытое окно Заполя. Дон Мануэль с чувством удовлетворения смотрел на жену, которая являлась наградой за его труды и страдания в Дан-Валахлоне, и на девочку, которая являлась наградой за его дружелюбность и проницательность в отношениях с аистом, – пока он наблюдал за ними через закрытое третье окно.

Рука у него почему-то задрожала, когда он открыл это окно, чтобы оказаться лицом к лицу с серой, сладкопахнущей пустотой. Но в оконном стекле внешний вид его цветущих садов оставался неизменным: в правой половине окна были колышущиеся тополя, ему улыбались Ниафер и маленькая Мелицента, и девочка посылала ему воздушный поцелуй. А в открытой половине окна была сплошная пустота. Он, наклонившись вперед, прикрыл немного эту створку окна и увидел, что за привлекательной картиной ничего нет: казалось, его жена с ребенком живут и движутся лишь в старом стекле Заполя.

Дон Мануэль усмехнулся.

– Ха-ха, – сказал он, – значит, возможно, эта скучная, милая, сварливая женщина и эта бесценная, курносая девчушка нереальны. Возможно, они просто удачные образы, скрывающие ночь, которая лишь одна реальна. Рассмотрение вероятности этого факта тревожит. Оно даже способствует еще большему одиночеству. Тем не менее я знаю, что я – реален, и, несомненно, эта серость передо мной тоже реальна. В общем, неважно, что там случилось с Руриком. Должно быть, в этой серости существует какое-то иное существо, которое реально и не удовлетворено. Я должен отправиться на поиски этого существа. Здесь я тупею среди безмятежных и успокаивающих сновидений, которые делаются еще скучнее после нашептывания моей прежней госпожи о том знании, которым обладал отец моего отца.

Тут в сером полумраке появилось лицо, которое было не вполне человеческим, и его круглый беззубый рот тихо сказал:

– Меня зовут Лубрикан, и я пришел проводить тебя, если ты посмеешь последовать за мной.

– Я всегда считал слово «сметь» очень забавным, – ответил Мануэль с высокомерной развязностью, которую он приберегал для общества.

И он вылез из третьего окна Заполя. Когда позднее он влез обратно, с одной стороны его седой головы была сострижена прядь.

Теперь история рассказывает, что впоследствии дон Мануэль изменился и его приближенные сплетничали об этом. Госпожа Ниафер также была приведена в легкое изумление переменой в нем, но не думала, что это очень важно, поскольку поступки мужа всегда было очень трудно объяснить. Кроме того, требовали внимания другие вопросы, так как в то время, разграбив Пию, во владения короля Теодорета

вторглись монголы и осадили Мегариду, и разоренный король послал гонцов к дону Мануэлю.

– Но это же не мое дело, – сказал Мануэль. – Я начинаю уставать от войн и простужаюсь, когда сплю на полях с трудом выигранных сражений.

– Ты бы не простужался, как я много раз тебе говорила, – заявила Ниафер, – если б ел больше зелени, а не напичкивал себя мясом и не перегревался в бою. Все же тебе лучше пойти в поход.

– Моя милая, я ничего подобного не сделаю.

– Да, тебе лучше пойти, ведь эти монголы – отъявленные язычники.

– Когда-то давным-давно некоторые особы были язычниками, милая коротышка...

– Есть вещи намного хуже, Мануэль, – сказала Ниафер с тем мрачным намеком, перед которым дон Мануэль всегда пасовал, поскольку было непонятно, что он означает. – Да, эти монголы – отъявленные язычники, а у короля Теодорета есть, по крайней мере, приличие, чтобы называться христианином, и, кроме того, этот даст мне возможность основательно прибраться у тебя в комнатах.

В соответствии со своей привычкой, Мануэль сделал то, что Ниафер считала наилучшим. Он призвал своих вассалов, собрал родственников и, не создавая никакого шума горнами и рожками, напал на язычников монголов под покровом ночи. Все произошло настолько быстро и неожиданно, что никто никогда не видел такого кровопролития и такой резни, которые дон Мануэль до того, как сесть завтракать, учинил в отношении этих хвастливых варваров.

Он атаковал их со стороны Санназаро. Оставшиеся в живых, не имея выбора, бежали через поля к востоку от Мегариды, но были настигнуты и истреблены на открытом пространстве все до единого.

Владения, таким образом, были спасены от страшной опасности, а Мануэль на некоторое время задержался в Мегариде из-за последовавших банкетов, церковных служб, казней пленных и фантазий сестры короля. Эта романтическая и очень миловидная девушка вынуждала короля Теодорета докучать Мануэлю высокопарными предложениями, чтобы избавитель Мегариды прогнал свою уродливую, увечную жену и женился на прелестной сестре короля.

Мануэль над этим посмеялся. Вернулся он в Пуактесм, разумеется, с простудой, но и с новой славой, множеством награбленного добра, а также двумя новыми фьефами, записанными в графу прихода. В Пуактесме дон Мануэль обнаружил, что кондитер ушел, а его комнаты основательно прибраны и приведены в такой совершенный порядок, что он не мог ни к чему притронуться пальцем.

– Прямо для тебя! – говорит Ниафер. – Мне лишь остается заметить, что теперь ты, надеюсь, удовлетворен.

Мануэль невесело рассмеялся.

– Сейчас все и вся сговорились меня удовлетворять, и это-то меня главным образом и раздражает.

Он потрепал Ниафер по подбородку и сказал, что она сейчас должна думать о том, какой знаменитый у нее муж, а не беспокоиться о каких-то кондитерах. Затем он стал расспрашивать маленькую Мелиценту о том, как сильно скучала она по папе, пока папы не было дома, с чувством долга поцеловал других двоих детей и надлежащим образом восхитился расширением словаря Эммерика за время отцовского отсутствия. А после он один пошел в Комнату Заполя.

Впоследствии он проводил в Комнате Заполя все больше и больше времени, и о перемене в графе Мануэле говорили все больше и больше. Прошло лето. И заключил или нет граф Мануэль, как заявляли некоторые, союз с нечистой силой, – было бесспорно, что граф Мануэль процветал. Но, совершенно определенно, он изменился.

Глава XXXVII

Мнение Гинцельманна

Дальше история рассказывает, что утром Михайлова дня маленькая Мелицента, находясь на сей раз в мирном настроении, расположилась с куклой в высоком кресле у третьего окна Заполя, тогда как ее отец писал что-то, сидя за своим большим столом. Он останавливался, надолго задумываясь и кусая ногти, и был настолько увлечен письмом к Папе Иннокентию, что не заметил, как медленно открылось третье окно. И Мелицента какое-то время беседовала со странным мальчиком, прежде чем дон Мануэль рассеянно не взглянул на них. Тут Мануэль, похоже, заволновался и позвал Мелиценту к себе. Она послушно забралась к отцу на колени.

В Комнате Заполя воцарилась тишина. Странный мальчик сел, откинувшись на спинку кресла, которое только что покинула маленькая Мелицента. Он сидел, закинув ногу на ногу и положив руки в перчатках на правое колено, оценивающе разглядывая Мелиценту. У него было красивое грустное лицо, выющиеся пшеничные волосы ниспадали на плечи. Одет он был в ярко-красный шелковый камзол. На левом боку, словно меч, висели огромные ножницы. На голову была надета четырехцветная остроконечная шляпа, а кожаные перчатки были расшиты жемчугом.

– Вскоре она станет женщиной, – сказал незнакомый мальчик нежным, тонким голоском, – и тогда она тоже придет к нам, и мы обеспечим ее прекрасными печальями.

– Нет, Гинцельманн, – ответил граф Мануэль, поглаживая соломенную головку маленькой Мелиценты. – Она – мамина дочка. Она происходит из народа, у которого нет времени высовываться в сомнительные окна.

– Она ведь и твоя дочь, граф Мануэль. Поэтому между сегодняшним днем и своими похоронами она также захочет, пусть дорогой ценой, вырваться из королевства моей сестры Сускинд. О, совершенно определенно, вы заплатили пока слишком мало, лишь одну прядь своих седых волос, но в свое время вы заплатите другую цену, которую потребует Сускинд. Я-то знаю, ибо именно я собираю причитающееся моей сестре Сускинд, и, когда пробьет час, поверьте мне, граф Мануэль, я не буду просить вашего соизволения, да и нет такой цены, которую вы, по-моему, охотно не заплатите.

– Вероятно. Сускинд мудра и странна, а грозная красота ее юности – осуществление старой надежды. Жизнь превратилась в скучное решение вопроса больших денег и большой крови, но Сускинд восстановит для меня золото и пурпур рассвета.

– Так вы очень сильно любите мою сестру Сускинд? – спросил Гинцельманн с довольно грустной улыбкой.

– Она – наслаждение моего сердца и желание моего желания, и именно по ней я всегда невольно тосковал с тех пор, как ушел, чтобы взойти на высокий Врейдекс в погоне за богатством и славой. Я видел, как мои пожелания исполнились, а мечты осуществились, и все божественные недовольства, облагораживавшие мою юность, умерли без мук в тепле и уюте. И жизнь стала лишь привычкой делать то, чего ожидают от тебя маленькие люди, а молодость покинула меня, и я, который прежде с высоко поднятой головой следовал своим помыслам и своим желаниям, больше уже не могу очень сильно чем-то интересоваться. Теперь я изменился, ибо Сускинд еще раз выпустила меня из Страны Юных и из серых глубин нестарющей, истязающей себя юности, что свели с ума Рурика, но не меня.

– Послушайте, граф Мануэль, это юное ничтожество без гроша в кармане, этот секретарь Рурик, был пойман не так, как пойманы вы. От веры остальных не убежать с этой стороны окна. Всемирно известного Спасителя Мануэля здесь не оставляет удача, и он будет процветать и самоутверждаться до тех пор, пока приказы лишенных воображения богов совершенно не погубят Мануэля, который когда-то следовал своим помыслам и своим желаниям. Даже возвышенные боги с одобрением отмечают, что вы стали таким человеком, которому боги доверяют, и поэтому они бессовестно вам благоволят. Здесь для вас все подготовлено заранее помыслами других. Здесь вам не убежать от стремления сегодня получить еще немного богатств, а завтра – еще немного лугов при каждодневно усиливающимся рукоплесканиях,

почитании и зависти ваших братьев наряду с медленно, но постоянно углубляющимися морщинами, тупеющим мозгом, увеличивающимся брюшком и чопорным одобрением всех на земле и на небесах. Вот награда для тех, кого вы в шутку называете преуспевающими людьми.

Дон Мануэль отвечал очень медленно, и маленькой Мелиценце показалось, что у отца грустный голос. Мануэль сказал:

– По-моему, несомненно, что мне не убежать с этой стороны окна Заполя. На мне лежал долг создать в этом мире некую фигуру, и я выполнил это обязательство. Затем нужно было выполнить еще и другие обязательства. А теперь на меня лег гейс, который неосуществим ни трудом, ни чудом. Это гейс, который наложен на каждого, а жизнь у любого человека такая же, как и у меня: ни на миг она не освобождается от того или иного обязательства. Да, юность болтлива и хвастлива, но в самом конце никто не может следовать своим помыслам и своему желанию. На каждом повороте тебя встречает то, что ожидал, долг следует за долгом, и в конце концов ни один герой не может стать сильнее всех. Поэтому мы волей-неволей уступаем ужасной неразумности этого мира, и Гельмас делается мудрым, а Фердинанд святым, я же преуспевающим. Мы выполняем то, что от нас и ждали, потому что ни у одного из нас никогда не было настоящей возможности сопротивляться в мире, где все люди питаются своей верой.

– А разве успех вас не удовлетворяет?

– Но, – медленно спросил Мануэль точно так же, как он когда-то в своей потерянной молодости спросил Горвендила, – что такое успех? Мне говорят, что я во всем чудесно преуспел, поднявшись с самого низа до таких высот, однако, слыша это, я порой диву даюсь, поскольку знаю, что на уютной вершине графа Мануэля кривляется существо с высохшим сердцем, человек духовно не такой богатый, как выходивший в поле с Мельниковыми свиньями.

– Да, граф Мануэль, вы пришли к приемлемому соглашению с этим миром, уступив его глупости. Так довольствуйтесь покоем, ибо это единственный путь, открытый любому, кто не совсем правильно увидел и оценил пределы этого мира. На худой конец, вы обрели все свои желания и представляете собой весьма знаменитую фигуру, не говоря уж о завидном положении.

– Но я голодаю, Гинцельманн, я высыхаю, становясь каменным, и эта завидная жизнь превращает меня в почитаемого дураками самодовольного идола, а одобрение дураков превращает мое сердце и мозг в каменное сердце и мозг идола. И я оглядываюсь назад, на свои прежние бездыханные устремления, и печально спрашиваю: «Неужели ради этого?»

– Да, – сказал Гинцельманн и пожал плечами, так и не расставаясь со своей грустной улыбкой. – Да-да, все это – лишь еще один способ доказать, что Беда сдержала свое слово. Но ни одному человеку не избавиться от Кручины, граф Мануэль, разве что дорогой ценой.

Какое-то время они молчали. Граф Мануэль гладил соломенную головку маленькой Мелиценты. Гинцельманн вертел в руке крестик, висевший у него на шее и казавшийся сплетенным из струн. Когда Гинцельманн тряхнул им, крест зазвенел, как колокольчик.

– Но тем не менее, – сказал Гинцельманн, – вы остаетесь здесь. Нет, определенно я вас не понимаю, граф Мануэль! Как пьяница идет назад к губительному бочонку, так и вы продолжаете возвращаться в свой прекрасный дом в Сторизенде и к непрестанному нашептыванию отца вашего отца, несмотря на то что вам нужно лишь остаться в низком дворце Сускинд с красными колоннами, чтобы навсегда избавиться от этого шепота и этого тоскливого насыщения человеческих желаний.

– Я, конечно же, вскоре обоснуюсь там постоянно, – сказал граф Мануэль, – но еще рано. Было бы не вполне честно по отношению к жене покинуть Сторизенд прямо сейчас, когда мы собираем урожай и когда все так или иначе уже в беспорядке...

– Я так понимаю, что вы по-прежнему выдумываете извинения, граф, чтобы отложить признание вассальной зависимости от моей сестры.

– Нет, это не так, совсем не так! В делах сейчас действительно беспорядок, и, кроме того, Гинцельманн, в конце следующей недели аист принесет нам последнюю девочку. Мы назовем ее Эттаррой, и мне бы, конечно, хотелось на нее взглянуть...

Гинцельманн по-прежнему грустно улыбался.

– В прошедший месяц вы не могли прийти к нам просто потому, что ваша жена тогда была изнурена стоянием на жаркой кухне и изготовлением варений и солений. Дон Мануэль, придете ли вы, когда девочка будет доставлена, а весь урожай засыпан в закрома?

– Но, Гинцельманн, в течение пары недель мы будем варить пиво, а я всегда более или менее за этим следил...

Гинцельманн, так же грустно улыбаясь, указал маленькой рукой в перчатке на Мелиценту.

– А как насчет другого вашего порабощения – этим ребенком?

– Несомненно, Гинцельманн, что потомство нуждается в отцовском присмотре, а она всего лишь ребенок. И, естественно, я последнее время думал об этом довольно серьезно...

Гинцельманн заговорил, тщательно подбирая слова:

– Она почти самая глупая и самая непривлекательная девочка, которую я когда-либо видел. А я, как вы должны помнить, кровный брат Каину и Сету.

Но дон Мануэль не рассердился.

– Будто я не знал, что в ребенке нет ничего замечательного! Нет, мой милый Гинцельманн, вы, служащий Сускинд, показали мне много странного и прелестного, но не более странного и прелестного, чем то, что я открыл сам. Ведь я – тот Мануэль, которого называют Спасителем Пуактесма, и мои деяния станут темой для менестрелей, чьи дедушки еще не родились. Я познал любовь, войну и всевозможные приключения. Но все вздохи и приглушенный смех вчерашнего дня, и все трубные звуки и крики, и все, что я видел на блистательных возвышениях великих мира сего, и все добро, которое я в свое время, возможно, сделал, и все зло, которое я определенно уничтожил, все это кажется тривиальным по сравнению с производством на свет этого взъерошенного потомства. Нет, разумеется, она менее развита, чем Эммерик и даже Доротея, и она, как ты говоришь, ничем не примечательный ребенок, хотя зачастую, могу тебя уверить, она творит изумительные вещи. Вот к примеру...

– Избавьте меня! – сказал Гинцельманн.

– Но это действительно было с ее стороны очень умно, – с разочарованием сделал оговорку дон Мануэль. – Однако я собирался сказать, что я, который громил язычников и перекидывался шутками с королями, а сейчас ставлю условия Святому Отцу, стал считать поступки этой дурно воспитанной, эгоистичной, некрасивой, маленькой чертовки более важными, чем свои. И пока я не могу решиться покинуть ее. Поэтому, мой друг Гинцельманн, думаю, пока я не приму на себя такое обязательство. Но после Рождества посмотрим.

– А я расскажу вам о двух причинах этих колебаний, граф Мануэль. Одна причина состоит в том, что вы – человек, а другая – в том, что у вас на голове седые волосы.

– Так, может быть, – безнадежно спросил огромный воин, – я, который не прожил еще и двадцати шести лет, уже миновал свой расцвет? И жизнь покидает меня?

– Вы должны помнить цену, которую заплатили, чтобы возвратить из рая госпожу Ниафер. Оценивая такие вещи не по календарю, а как есть на самом деле, вам сейчас около пятидесяти шести.

– Я об этом не сожалею, – решительно сказал Мануэль, – и ради Ниафер я готов стать стошестилетним. Но, определенно, тяжело думать о себе, как о старике, стоящем на пороге могилы.

– О, вы еще не так стары, граф Мануэль, но власть Сускинд сильнее власти ребенка. И, кроме того, есть способ свести власть ребенка на нет. Смерть просто слегка, одним коготком, процарапала морщины, отмечая тот факт, что вы вскоре будете принадлежать ей. Пока это все. И вот так же моя возвышенная сестра Сускинд властвует над вами, который когда-то следовал своим помыслам и своему желанию. Да-да, хотя сегодня вы отказываете Сускинд, завтра вы будете ее умолять, а потом, возможно, она вас накажет. В любом случае сейчас мне нужно идти, поскольку вы упрямы, а я в это время года, в сентябре, ношусь по свету, собирая причитающееся моей сестре, а ее должники весьма многочисленны.

И на этом мальчик, по-прежнему печально улыбаясь, соскользнул с третьего окна в серый

сладкопахнувший полумрак, а маленькая Мелицента сказала:

– Отец, но почему этот странный грустный мальчик хотел, чтобы я вылезла вместе с ним в окно?

– Возможно, он хотел сделать тебе доброе дело, моя милая, так, как он расценивает доброту.

– Но зачем этому грустному мальчику понадобился клочок моих волос? – спросила Мелицента. – И зачем он срезал его своими большими блестящими ножницами, пока ты писал, а он играл со мной?

– Пришлось заплатить, – ответил Мануэль. Он знал, что теперь чары Альвов наложены на его ребенка и что это цена его пирушек. Он знал также, что Сускинд никогда не сбавит цену.

Затем Мелицента строго спросила:

– А почему лицо у тебя так побелело?

– Должно быть, я побледнел от голода, дитя мое. Так что, по-моему, нам с тобой лучше пойти пообедать.

Глава XXXVIII

Прощание с Сускинд

После обеда дон Мануэль один зашел в Комнату Заполя, снарядился как следует и в последний раз вылез из заколдованного окна. Говорят, что его последнее посещение глубин было ужасным, и повествуется о том, что из всех деяний наполненной событиями жизни дон Мануэля совершенное в тот день было самым зловещим. Но он прошел через все благодаря своему снаряжению и твердому сердцу. И по возвращении дон Мануэль сжимал в руках, вымазанных в крови, прядь прекрасных соломенных волос.

Он в последний раз обернулся на серые глубины. Некая девушка в короне бесшумно поднялась рядом с ним – вся румяно-бледная, – обхватила его своими окровавленными прелестными руками, прижала к своей израненной груди и поцеловала в последний раз. Затем ее руки отпустили дон Мануэля, и она была поглощена серыми сладкопахнущими глубинами.

– Прощай, королева Сускинд, – говорит граф Мануэль. – Ты, которая не была человеком, но знала лишь правду обо всем сущем, никогда не могла понять наших дурацких человеческих взглядов. Иначе ты бы никогда не затребовала цену, которую я не могу заплатить.

– Плачь, плачь же по Сускинд! – сказал после Лубрикан, тихо воя в сером, пахнущем апрелем полумраке. – Ибо она одна знала тайну сохранения того недовольства, что божественно там, где все остальное чахнет с годами и опускается до животной покорности.

– Что ж, да, но несчастье не является истинным желанием человека, – ответил Мануэль. – Я знаю, так как изведаль и счастье, и несчастье, но ни одно из них меня не удовлетворило.

– Плачь, плачь же по Сускинд! – воскликнул затем нежный и тонкий голосок Гинцельманна. – Ибо именно она полюбила бы тебя, Мануэль, такой любовью, о которой мечтает юность и которой нет нигде с твоей стороны окна, где все женщины превращаются в дурацкие фигуры из теплой земли, а любовь чахнет с годами и опускается до животной покорности.

– Это правда, – сказал Мануэль. – Вся моя последующая жизнь окажется утомительным занятием из-за длительного желания любви Сускинд, уст Сускинд, грозной красоты ее юности и всего благородного недовольства юности. Но чары Альвов сняты с головы моего ребенка, и Мелицента будет жить так же, как живет Ниафер, а так будет лучше для всех нас, и я удовлетворен.

А снизу послышалось множество голосов, бессвязно воющих:

– Мы плачем по Сускинд. Сускинд убита единственным оружием, которое могло ее убить. И все мы плачем по Сускинд, которая была красивейшей, мудрейшей и самой безрассудной из королев. Пусть все спрятанные дети плачут по Сускинд, сердцем и жизнью которой был апрель, и которая отважно устраивала заговоры против лишенных воображения богов, и которая была искромсана ради сохранения волос совершенно заурядного ребенка.

– А тот юный Мануэль, который в свое время был своенравным героем, и который мучился под гнетом упорядоченных заблуждений, и который повсюду расхаживал с высоко поднятой головой, хвастаясь, что следует своим помыслам и своему желанию... что ж, тот юный малый тоже мертв, – сказал дон Мануэль с кривой усмешкой. – Ибо уважаемый всеми граф Пуактесмский должен быть тем каким ему повелевают быть воля, вера и нужды остальных. И этому не помочь, и от этого убежать, и с этой стороны окна должны соблюдаться наши старые внешние приличия, чтобы все мы не сошли с ума.

– Мы плачем, протяжно запевая погребальную песнь по Сускинд...

– Но я, который не плачу... я пою погребальную песнь по Мануэлю. Впоследствии я во всем должен быть рассудителен, и я больше никогда не буду всем недоволен, и я должен есть и спать, как это делают животные, и, возможно, даже начну думать благодушно о своей смерти и славном воскресении. Да-да, все это несомненно, и я никогда не смогу отправиться в путешествие, чтобы увидеть пределы этого мира и их оценить. И во мне больше не возникает желания совершить это, ибо мои поступки окутаны неким облаком, и меня преследует некий шепот, и я тоже чахну и опускаюсь до животной покорности. Между тем

ни один волос не упал с детской головки, и я удовлетворен.

– Пусть все спрятанные дети и все живущие, кроме высокого седого сына Ориандра, чья кровь – соленая морская вода, плачут по Сускинд! Сускинд мертва, но не запятнана человеческим грехом и не спасена драгоценной кровью Христа, и юность исчезла из этого мира. О, плачьте, ибо весь мир становится холодным, как сын Ориандра.

– А Ориандр тоже мертв, что я отлично знаю, так как в свое время его убил. Теперь мое время уходит, и я ухожу вместе с ним, дабы уступить Дорогу своим детям так же, как волей-неволей он уступил дорогу мне. И в свое время эти дети, а за ними их дети тоже уйдут. Юность обязана убивать старость. Сейчас я не могу догадаться, почему так Должно быть, да и не вижу в этом хоть какого-то толка и не нахожу в себе того, что гарантирует Доверие управляющих свыше богов. Но несомненно, что ни один волос не упал с детской головки, и несомненно, я удовлетворен.

Сказав это, старик закрыл окно.

А через мгновение вошла и стала приставать к нему маленькая Мелицента, и она была необычайно грязна и растрепана, так как каталась на террасе по земле и потеряла половину пуговиц. И дон Мануэль печально вытер ей нос. Внезапно он рассмеялся и поцеловал ее, а потом сказал, что нужно послать за каменщиками и заложить третье окно Заполя, чтобы его никогда больше нельзя было открыть и дышать туманным сладкопахнущим воздухом весны.

Глава XXXIX

Уход Мануэля

Когда же дон Мануэль отвернулся от окна Заполя, ему показалось, что дверь приоткрыл тот юный Горвендил и, пристально посмотрев какое-то мгновение на дона Мануэля, ушел прочь. Это произошло, если это вообще произошло, настолько тихо и быстро, что граф Мануэль не мог быть в этом полностью уверен. Но он не мог питать сомнений относительно другого человека, оказавшегося перед ним. Нельзя было понять, как этот худощавый незнакомец вошел в личные покои графа Пуактесмского, да у Мануэля и не было нужды гадать о подоплеке этого вторжения, ибо вновь прибывший, в конце концов, был немного знаком графу.

Поэтому Мануэль ничего не сказал, а просто стоял, поглаживая круглую соломенную головку маленькой Мелиценты. Незнакомец ждал, тоже не произнося ни слова. Полная тишина царила до тех пор, пока где-то вдали не завывала собака.

– Да, несомненно, – сказал дон Мануэль, – можно было догадаться, что моя жизнь связана с жизнью Сускинд, так как мое стремление к ней является единственным желанием, которое осталось неудовлетворенным. О, всадник на белом коне, добро пожаловать.

Тот же ответил:

– Почему ты думаешь, что я знаю нечто об этой Сускинд или что мы, Лешие, ведем учет ваших деяний? Неважно, что ты думаешь, однако предписано, что первый, кого я здесь найду, должен уехать отсюда на черном коне. Но ты стоишь рядом с ребенком. Поэтому тебе вновь приходится выбирать, дон Мануэль, ты или другой человек поедет на моем черном коне.

Тут Мануэль наклонился и поцеловал маленькую Мелиценту.

– Иди к маме, милая, и скажи ей...– Тут он замолчал, и его губы задержались. Мелицента спрашивает:

– Но что мне ей сказать, папа?

– О, одну очень странную вещь, моя дорогая. Ты скажешь маме, что папа всегда любил ее больше всего на свете, и что она всегда должна это помнить, и... что она должна дать тебе имбирного печенья, – с улыбкой сказал Мануэль.

И ошастливленная девочка убежала, даже не обернувшись, а Мануэль затворил за ней дверь и остался наедине с худощавым посетителем.

– Так ты, – говорит незнакомец, – в конце концов набрался храбрости! Однако бесполезно позировать передо мной, знающим, что тебя принуждает к этому скорее тщеславие, нежели преданность. О, весьма вероятно, ты обожаешь этого ребенка, и других своих детей тоже, но ты должен признать, что после четвертьчасовой игры с любым из них искренне устаешь от этих сорванцов.

Мануэль внимательно посмотрел на него и, прищурившись, сонно улыбнулся.

– Нет, я люблю всех своих детей с обычной отцовской безрассудной страстью.

– Ты также должен был сделать на прощание красивый жест, отправив своей жене лживое послание, которое пару дней будет ее утешать. Ты – тебе хочется думать, великодушно – представляешь ей эту прощальную ложь наполовину с презрением, а наполовину с облегчением, поскольку наконец избавляешься от самонадеянной и бестолковой дуры, от которой тоже искренне устал.

– Нет-нет, – сказал Мануэль, по-прежнему улыбаясь, – на мой взгляд, милая Ниафер остается самой умной и красивой женщиной, и мое восхищение ею никогда не уменьшалось. Но откуда у вас такие любопытные представления?

– Но граф Мануэль, я же был в самом конце с таким количеством мужей. А Мануэль пожал плечами.

– На какие страшно неблагоприятные поступки намекаете! Нет, мой друг, подобные вещи выглядят весьма некрасиво, а мужчинам следует запомнить, что даже в самом конце остается в силе обет молчания.

– Полно, граф Мануэль, ты – странный, хладнокровный Малый, и ты носил эти маски и личины достаточно успешно, пока вертелся твой мир. Но сейчас ты привязан к иначе упорядоченному миру, где твои красивые обертки совсем некстати.

– Не знаю, как это получается, – ответил граф Мануэль, – но, так или иначе, в подобных вещах существует приличие и неприличие, и по собственной воле я никогда никому не выставлю напоказ обнаженную душу Мануэля. Нет, ни за что, по-моему, это было бы неприглядное зрелище. Определенно, я никогда на нее не смотрел, да и не собираюсь. Вероятно, как вы и утверждаете, какая-то власть, что сильнее меня, может однажды сорвать все маски. Но то будет не моя вина, и даже тогда я сохраню право считать, что подобное обнажение отдает дурным вкусом. Между тем я буду оставаться верным собственному чувству внешних приличий, а не чьему-либо: даже чувству того, – поклонился граф Мануэль, – кто, так сказать, является моим гостем.

– Ох, как всегда, ты весьма сносно лицедействуешь, и люди, в целом, провозгласят тебя человеком, преуспевшим в жизни. Но оглянись назад! Граф Мануэль, пробил час исповеди, ведь все люди при моем приходе исповедуются, и ты должен признать, что колебался между различными желаниями, никогда не зная наверняка, чего желаешь, и не удовлетворяясь ни одним желанием, когда оно осуществлялось.

– Тише, мой друг! Я вынужден сделать из ваших сумасбродных речей вывод, что вы, Лешие, в самом деле никак не регистрируете человеческие поступки.

Незнакомец поднял то, что у него было на месте бровей.

– Но как мы можем это сделать, – спросил он, – когда нам нужно следить за множеством других, действительно важных вещей?

Прямой до грубости Мануэль ответил без раздражения, даже как-то весело, во всем сохраняя достоинство высокого государя, знающего себе цену.

– Тогда ваши бессмысленные замечания простительны. Я должен осмелиться и сообщить вам, что, по мнению всех людей, я обладаю, если оглянуться назад, весьма положительными достижениями. Понимаете ли я не хочу хвастаться, мне отвратительно самовосхваление. Однако правдивость очень важна в этот торжественный час, и кто угодно в этой стране скажет вам, что именно я взошел на серый Врейдекс и так сурово обошелся со змеями и другими ужасными защитниками Мирамона Ллуагора, что уничтожил большинство из них, а остальных обратил в бегство. Как я поставил собственные требования страшному волшебнику, пожаловав ему жизнь при условии, что он будет служить под моим командованием в кампании, которую я предпринял с целью избавления Пуактесма от ига норманнов; и как мне удалось довести все это до победного конца, хотя меня задерживали поиски и защита одной женщины.

– Да, – сказал худощавый незнакомец, – я знаю, что ты таким образом выжал все, что только можно, из моего романтического, мечтательного братца, и допускаю, что это замечательно. Но какую роль это играет сейчас?

– Затем вам расскажут, что именно я мудро убеждал короля Гельмаса до тех пор, пока не отвратил его от глупости, и именно я святыми доводами отвлек короля Фердинанда от порочности. Я вернул магию платю Алсар, поскольку лишь из-за меня его магия была бы безвозвратно потеряна. Я победил Фрайдис, эту женщину странных деяний, и без посторонней помощи дрался против спорнов, калькаров и других ужасов античности, убив, чтобы быть точным, семьсот восемьдесят два существа. Я также победил земную Беду, которую другие называют Кручиной, а еще кое-кто Мимиром, после весьма выдающегося сражения, которое мы вели заколдованными мечами в течение целого месяца без всяких передышек. Я отважно отправился в языческий рай, разбил наголову всех его жестоких стражей и вывел оттуда желанную женщину. Таким образом, мой друг, я вновь обрел ту героическую неизменную любовь, которая существует между мной и моей женой.

– Да, – сказал незнакомец, – это тоже замечательно. Но какую роль это играет сейчас?

– Среди людей ходила молва, что ничто не способно противостоять дону Мануэлю. Поэтому, когда непристойный и злой бог, которому сегодня многие поклоняются, как Сло-Ви-е-пу-су Сновидений, собрался укрепить свою власть, заключив со мной союз, я загнал его, воющего от страха, в самую середину огромного пламени. Я не хвастаюсь, но, когда сами боги убегают от героя, на это есть причина. И об этом

подвиге, и обо всех этих подвигах, и о множестве других подвигов, равным образом невероятных и имеющих подтверждение, расскажут вам все в окрестностях. Что касается вершин доблести, которых я достиг, избавляя Пуактесм от норманнов, вы найдете документальное свидетельство в тех эпических поэмах, как раз слева от вас, которые увековечивают мои свершения в этой кампании...

– Никто не спорит, что, вероятно, эта кампания тоже была замечательна, и, определенно, я не оспариваю этого, потому что вижу, что эти деяния и гроша ломаного не стоят в нашем с вами деле, а кроме того, я никогда никому ничего не доказываю.

– И я тоже! Потому что ненавижу тщеславие и знаю, что эти события сейчас заняли свое место в истории. Нет, мой друг, вы не можете разрушить мою веру в этот мир, тогда как вы говорите мне, что наши деяния в мире, к которому я привязан, не регистрируются. Поэтому, совершал я или нет эти поступки, я сохраняю в этой жизни и в последующей веру в них, не прибегая к отвратительному хвастовству; вот именно поэтому я не считаю необходимым рассказывать вам об этих предметах или даже намекать на них.

– О, без сомнения, это было нечто, превзошедшее во многих отношениях дела всех ваших собратьев, – согласился незнакомец с неохотно выраженным уважением. – Но, повторяю, какую роль это играет сейчас?

– И, если вы извините мне обычную откровенность мой друг, этот постоянно повторяемый вопрос становится несколько навязчив. Нет, он не приводит меня в уныние, я через это прошел. Нет, я уже раз открыл окно, чтобы правильнее оценить самые дорогие награды за свои устремления. Это мгновение равняется всей моей жизни, это единственное тихое мгновение подытожило всю мою жизнь, и, – тут Мануэль печально улыбнулся, – все же, мой друг, я без хвастовства должен сказать вам, что в это мгновение все сомнения относительно моей значимости покинули меня – того, кто спас королевство, породил короля и сотворил бога. Поэтому вы теряете время, мой друг, пытаюсь убедить меня, что вся человеческая жизнь неудачна и не важна, ибо я не симпатизирую этим современным болезненным и пессимистичным умонастроениям. Они выглядят весьма некрасиво, и от них нет никакого толку.

Незнакомец злобно ответил:

– Да, ты отлично говоришь и красиво позируешь во всех отношениях, кроме одного. Ты называешь меня «другом». Ха, Мануэль, тут из-за прищурившейся маски высовывается больное, пресыщенное и разочарованное существо, однако ты решительно соблюдаешь внешние приличия.

– Говорит простая вежливость, Дедушка Смерть, – сказал Мануэль с нескрываемым смехом, – а что до остального, если вы еще раз извините мою откровенность, вы в меньшей степени интересуетесь содержимым моего сердца, нежели продолжением его работы.

– Поистине это не мое дело, граф Мануэль, да и любое из твоих деяний не играет для меня роли. Поэтому давай пойдем... о, самый необычный человек, в самом конце утверждающий, что жизнь была успешным и важным занятием если, конечно, тебе не нужно какое-то время, чтобы попрощаться с любимой женой, обожаемыми детьми и со всеми остальными прекрасными творениями.

Мануэль пожал широкими плечами.

– С какой целью? Нет, ведь я – Мануэль. Я жил в одиночестве, обычном для всех людей, но разница состоит в том, что я его познал. Теперь мне необходимо, как необходимо всем людям, умереть в том же самом одиночестве, и я знаю, что с этим ничего не поделаешь.

– Когда-то, Мануэль, ты испугался отправиться со мной в путешествие и попросил Ниафер вскочить место себя на моего черного коня, сказав: «Лучше она, чем я».

– Да-да, какие любопытные поступки мы совершаем будучи мальчишками! Теперь я стал мудрее, ибо с тех пор достиг всего желаемого, кроме пределов этого мира и их оценки. Да и их, вероятно, достиг бы, если б только желал этого чуть-чуть сильнее. Честно говоря, я вырос, настолько привыкнув получать желаемое, что верю даже сейчас: стоит мне пожелать, чтобы вы ушли отсюда в одиночку, вы тоже мне подчинитесь.

Дедушка Смерть неприятно улыбнулся.

– Я придерживаюсь на этот счет собственного мнения. Но если допустить, что сказанное тобой верно,

желаешь ли ты этого?

– Нет, – очень тихо сказал Мануэль. – О Боже! Нет!

И на том дон Мануэль прошел к западному окну и встал там, глядя на широко раскинувшийся холмистый край. Он рассматривал прекрасную страну, в которой приятно жить, страну, богатую зерном и железом, осеняемую высокими лесами и орошаемую чистыми водами. В ней были обнесенные каменными стенами города, а замки венчали ее возвышенности. Далеко внизу в лучах заката блеснули свинцовые крыши крепостей, ибо Сторизенд охранял самую высокую часть Пуактесма.

– Странно, – сказал дон Мануэль, – осознавать, что все видимое мной сейчас мгновением раньше было моим, и также чудно думать о том, каким знаменитым малым был этот Спаситель Мануэль, и о великолепных поступках, которые он совершил, и страшно гадать, похожи ли на него все остальные общепризнанные герои человечества. О, несомненно, достижения графа Мануэля замечательны и равных им не было нигде прежде, люди еще долго будут о них говорить. Однако оглядываясь назад – сейчас, когда этот знаменитый граф Пуактесмский значит для меня гораздо меньше, – я вижу лишь достижения бесхвостой обезьяны отчаявшейся забраться на самый верх, которая блуждала, переходя от тайны к тайне при помощи жалких паллиативов, ничего не понимая, жадная во всех своих желаниях и одновременно пронизанная трусостью. Поэтому в одном тайном месте молодость графа была обменена на предмет вожделений, которым едва ли стоило обладать. И прекрасный гейс, наложенный на него матерью, был обменен на обычный гейс перед ожидаемым.

– Подобные представления, – ответил Дедушка Смерть, – лелеют большинство человеческих существ во времена легкомысленной юности. Затем здравый смысл, словно легкое бесформенное облако, окутывает ваши поступки, и вы отчасти забываете об этих представлениях. После я привношу тьму.

– В этой тихой тьме, мой друг, я, возможно, вновь стану тем Мануэлем, которого помню, и я, чтобы развлекаться в этой тьме, может быть, вновь вернусь к своим недоказуемым идеям, отбросив идеи, принадлежащие другим. Поэтому давайте пойдём отсюда.

– С большой охотой, – ответил Дедушка Смерть и направился к двери.

– Прошу прощения, – сказал Мануэль, – но в Пуактесме граф Пуактесмский в любом обществе проходит первым. Для вас это может показаться неважным, но теперь я признаю как силу, так и глупость своих привычек, а всю свою жизнь я проходил первым. Поэтому вы поедете чуть позади меня, мой друг, и будете везти этот саван до тех пор, пока он мне не понадобится.

Затем граф надел доспехи, опоясался мечом и покинул Сторизенд верхом на черном коне, в золоченых латах, держа перед собой щит, на котором изображен вставший на дыбы и взнузданный жеребец Пуактесма и девиз: «Mundus vult decipi». Позади него, на белом коне ехал Дедушка Смерть, везя в аккуратном узелке могильное одеяние графа. Они двигались в сторону заката, и на фоне желтого заката каждая фигура казалась черной, как смоль.

Польше графа Мануэля в Пуактесме не видели, да и кто не знал наверняка, куда он отправился. Был один паренек по имени Юрген, сын Котта, который пришел в Сторизенд очень рано на следующее утро с помраченным рассудком и с жутким рассказом о невероятных событиях, свидетелем которых он стал на Морвене. Но на рассказ ребенка не обратили внимания поскольку все знали, что граф Мануэль непобедим, и имея все, чего можно желать, – никогда бы не покинул этого по собственной воле, да, определенно, и не принял бы участия в подобных сомнительных событиях. Поэтому маленького Юргена выпороли как за гуляния по ночам, так и за дикую ложь. И в Пуактесме стали ждать возвращения великого дона Мануэля. А вскоре начали подозревать, что Мануэль, добившись во всем успеха, отбыл домой.

Глава XL

Концовка: Да саро

Дальше в Пуактесме рассказывают (но не все, поскольку чернь отрицает такое продолжение истории), что после того ужасного причастия, свидетелем которого стал на Морвене юный Юрген, Спаситель Пуактесма отправился в далекое и волнующее путешествие с Дедушкой Смертью, и они миновали закат и подъехали к темным водам Леты.

– Теперь мы должны перейти вброд эти призрачные воды, – сказал Дедушка Смерть, – отчасти потому, что твоя судьба находится на противоположном берегу, а отчасти потому, что при соприкосновении с этими водами смоются все твои воспоминания. А этого требует твоя судьба.

– Но какова моя судьба?

– Что и у всех живых существ, граф Мануэль. Если б ты был самим собой, тебя нельзя было бы наказать, а если б ты оказался кем-нибудь другим, ты бы обнаружил, что это запрещено.

– Это темные слова, чересчур хорошо подходящие к этому подозрительному месту, и я вас не понимаю.

– Да, – ответил Дедушка Смерть, – но это не играет роли.

Тут оба коня вошли в воду, переправились на другой берег, и там их ждали свиньи Евбулея, но они еще были привязаны.

В оставшийся миг дон Мануэль посмотрел назад и увидел, что Дедушка Смерть говорил правду. Все воспоминания о жизни Мануэля смылись, они плыли, постепенно погружаясь в призрачные воды Леты. Тонули мудрое лицо Гельмаса, и лик Святого Фердинана, с потускневшим нимбом, и загадочные черты Гордандила, и сверкающие птицы, и блистательные образы и мерцающие создания Мирамона кишели там, а среди них плыла, двигая челюстями, гладкая голова из белой глины. Золотая прелесть Алианоры, и темное величие Фрайдис, и насмешливая бессмертная улыбка юного Слото-Виепуса показались на миг и исчезли. Затем в последний раз явили свое слегка удивленное неодобрение глаза Ниафер, а личики детей, которые, в конце концов, были ее детьми, а не Мануэля, пропали вместе с ней. И сияющие доспехи, и реющие флаги, и горящие на солнце крыши башен замков, и весь блеск и все цвета, которые Мануэль знал и любил, кроме румяно-бледных оттенков лица Сускинд, казалось, движутся без всякого порядка в спокойной воде, словно яркий затонувший корабль, который несет подводное течение.

Мануэль вздохнул, словно с облегчением.

– Нелепый конец, – сказал он.

– Да-да, – ответил Дедушка Смерть, неторопливо отвязывая одну за другой свиней Евбулея. – Да, это в самом деле конец, поскольку здесь проходит вся твоя жизнь, чтобы в последний раз предстать перед глазами одного лишь тебя. А я тут ничего не вижу, кроме обычной воды, и диву даюсь, что ты нашел в этом темном омуте, что так пристально в него смотришь.

– Точно не знаю, – ответил Мануэль, но мне кажется, я все более и более смутно различаю утонувшие там любовь, желания и приключения, что у меня были, когда я жил в ином, а не в этом дряхлом теле. И, однако, эта вода обманлива, потому что там, где она должна отражать мое лицо, она показывает лицо юноши, а не лицо старика, которым я сейчас являюсь.

– А это что такое?

И Мануэль поднял от воды то красивое, пышущее здоровьем юное лицо, которое он видел отраженным в воде. Когда его воспоминания исчезли, высокий юноша без особого любопытства стал гадать, кто этот курносый незнакомец, стоящий тут со свиньями мельника, с удивлением указывающий в сторону валунов, поросших мхом и подпиравших изъеденный червями деревянный крест. Незнакомец указывал на странное, незаконченное изваяние, что стояло рядом с Гарантонским прудом, вода которого, как говорят, навеивает странные сны.

– Что это такое? – повторил незнакомец.

– Это фигура человека, – сказал Мануэль, – которую я делаю и переделываю, но не могу добиться того, чтобы она мне полностью понравилась. Поэтому думаю и дальше трудиться над ней, пока статуя не станет соответствовать моим помыслам и моему желанию.

Так было в стародавние времена.

Примечания автора

Author's Note

To

Six Most Gallant Champions

Is dedicated this history of a champion: less to repay than to acknowledge large debts to each of them, collectively at outset, as hereafter seriatim.

James Branch Cabell (1879 – 1958)

Figures of Earth is, with some superficial air of paradox, the one volume in the long Biography of Dom Manuel's life which deals with Dom Manuel himself. Most of the matter strictly appropriate to a Preface you may find, if you so elect, in the Foreword addressed to Sinclair Lewis. And, in fact, after writing two prefaces to this

«Figures of Earth»—first, in this epistle to Lewis, and, secondly, in the remarks* affixed to the illustrated edition,—I had thought this volume could very well continue to survive as long as its deficiencies permit, without the confection of a third preface, until I began a little more carefully to consider this romance, in the seventh year of its existence.

But now, now, the deficiency which I note in chief (like the superior officer of a disastrously wrecked crew) lies in the fact that what I had meant to be the main «point» of «Figures of Earth,» while explicitly enough stated in the book, remains for every practical end indiscernible... For I have written many books during the last quarter of a century. Yet this is the only one of them which began at one plainly recognizable instant with one plainly recognizable imagining. It is the only book by me which ever, virtually, came into being, with its goal set, and with its theme and its contents more or less pre-determined throughout, between two ticks of the clock.

Egotism here becomes rather unavoidable. At Dumbarton Grange the library in which I wrote for some twelve years was lighted by three windows set side by side and opening outward. It was in the instant of unclosing one of these windows, on a fine afternoon in the spring of 1919, to speak with a woman and a child who were then returning to the house (with the day's batch of mail from the post office), that, for no reason at all, I reflected it would be, upon every personal ground, regrettable if, as the moving window unclosed, that especial woman and that particular child proved to be figures in the glass, and the window opened upon nothingness. For that, I believed, was about to happen. There would be, I knew, revealed beyond that moving window, when it had opened all the way, not absolute darkness, but a gray nothingness, rather sweetly scented... Well! there was not. I once more enjoyed the quite familiar experience of being mistaken. It is gratifying to record that nothing whatever came of that panic surmise, of that second-long nightmare—of that brief but over-tropical flowering, for all I know, of indigestion,—save, ultimately, the 80,000 words or so of this book.

For I was already planning, vaguely, to begin on, later in that year, «the book about Manuel.» And now I had the germ of it,—in the instant when Dom Manuel opens the over-familiar window, in his own home, to see his wife and child, his lands, and all the Poictesme of which he was at once the master and the main glory, presented as bright, shallow, very fondly loved illusions in the protective glass of Ageus. I knew that the fantastic thing which had not happened to me,—nor, I hope, to anybody,—was precisely the thing, and the most important thing, which had happened to the gray Count of Poictesme.

So I made that evening a memorandum of that historical circumstance; and for some months this book existed only in the form of that memorandum. Then, through, as it were, this wholly isolated window, I began to grope at «the book about Manuel,»—of whom I had hitherto learned only, from my other romances, who were his children, and who had been the sole witness of Dom Manuel's death, inasmuch as I had read about that also, with some interest, in the fourth chapter of «Jurgen»; and from the unclosing of this window I developed «Figures of Earth,» for the most part toward, necessarily, anterior events. For it seemed to me—as it still seems,—that the opening of this particular magic casement, upon an outlook rather more perilous than the bright foam of fairy seas, was alike the climax and the main «point» of my book.

Yet this fact, I am resignedly sure, as I nowadays appraise this seven-year-old romance, could not ever be detected by any reader of «Figures of Earth,» In consequence, it has seemed well here to confess at some length the original conception of this volume, without at all going into the value of that conception, nor into, heaven knows, how this conception came so successfully to be obscured.

So I began «the book about Manuel» that summer,—in 1919, upon the back porch of our cottage at the Rockbridge Alum Springs, whence, as I recall it, one could always, just as Manuel did upon Upper Morven, regard the changing green and purple of the mountains and the tall clouds trailing northward, and could observe that the things one viewed were all gigantic and lovely and seemed not to be very greatly bothering about humankind. I suppose, though, that, in point of fact, it occasionally rained. In any case, upon that same porch, as it happened, this book was finished in the summer of 1920.

And the notes made at this time as to «Figures of Earth» show much that nowadays is wholly incomprehensible. There was once an Olrun in the book; and I can recall clearly enough how her part in the story was absorbed by two of the other characters,—by Suskind and by Alianora. Freydis, it appears, was originally called Hlif. Miramon at one stage of the book's being, I find with real surprise, was married *en secondes nocces* to Math. Othmar has lost that prominence which once was his. And it seems, too, there once figured in Manuel's

heart affairs a Bel-Imperia, who, so near as I can deduce from my notes, was a lady in a tapestry. Someone unstitched her, to, I imagine, her destruction, although I suspect that a few skeins of this quite forgotten Bel-Imperia endure in the Radegonde of another tale.

Nor can I make anything whatever of my notes about Guivret (who seems to have been in no way connected with Guivric the Sage), nor about Biduz, nor about the Anti-Pope,—even though, to be sure, one mention of this heresiarch yet survives in the present book. I am wholly baffled to read, in my own penciling, such proposed chapter headings as «The Jealousy of Niafer» and «How Sclaug Loosed the Dead,»—which latter is with added incomprehensibility annotated «(?Phorgemon).» And «The Spirit Who Had Half of Everything» seems to have been exorcised pretty thoroughly... No; I find the most of my old notes as to this book merely bewildering; and I find, too, something of pathos in these embryos of unborn dreams which, for one cause or another, were obliterated and have been utterly forgotten by their creator, very much as in this book vexed Miramon Lluagor twists off the head of a not quite satisfactory, whimpering design, and drops the valueless fragments into his waste-basket... But I do know that the entire book developed, howsoever helter-skelter, and after fumbling in no matter how many blind alleys, from that first memorandum about the troubling window of Ageus. All leads toward—and through—that window.

The book, then, was published in the February of 1921. I need not here deal with its semi-serial appearance in the guise of short stories: these details are recorded elsewhere. But I confess with appropriate humility that the reception of «Figures of Earth» by the public was, as I have written in another place, a depressing business. This romance, at that time, through one extraneous reason and another, disappointed well-nigh everybody, for all that it has since become, so near as I can judge, the best liked of my books, especially among women. It seems, indeed, a fact sufficiently edifying that, in appraising the two legendary heroes of Poictesme, the sex of whom Jurgen esteemed himself a connoisseur, should, almost unanimously, prefer Manuel.

For the rest,—since, as you may remember, this is the third preface which I have written for this book,—I can but repeat more or less what I have conceded elsewhere. This «Figures of Earth» appeared immediately following, and during the temporary sequestration of, «Jurgen.» The fact was forthwith, quite unreticently, discovered that in «Figures of Earth» I had not succeeded in my attempt to rewrite its predecessor: and this crass failure, so open, so flagrant, and so undeniable, caused what I can only describe as the instant and overwhelming and universal triumph of «Figures of Earth» to be precisely what did not occur. In 1921 Comstockery still surged, of course, in full cry against the imprisoned pawnbroker and the crimes of his author, both literary and personal; and the, after all, tolerably large portion of the reading public who were not disgusted by Jurgen's lechery were now, so near as I could gather, enraged by Manuel's lack of it.

It followed that—among the futile persons who use serious, long words in talking about mere books,—aggrieved reproof of my auctorial malversations, upon the one ground or the other, became in 1921 biloquial and pandemic. Not many other volumes, I believe, have been burlesqued and cried down in the public prints by their own dedicatees... But from the cicatrix of that healed wound I turn away. I preserve a forgiving silence, comparable to that of Hermione in the fifth act of «A Winter's Tale»: I resolve that whenever I mention the names of Louis Untermeyer and H.L. Mencken it shall be in some connection more pleasant, and that here I will not mention them at all.

Meanwhile the fifteen or so experiments in contrapuntal prose were, in particular, uncharted passages from which I stayed unique in deriving pleasure where others found bewilderment and no tongue-tied irritation: but, in general, and above every misdemeanor else, the book exasperated everybody by not being a more successfully managed re-hashing of the then notorious «Jurgen.»

Since 1921, and since the rehabilitation of «Jurgen,» the notion has uprisen, gradually, among the more bold and speculative thinkers, that perhaps I was not, after all, in this «Figures of Earth» attempting to rewrite «Jurgen»: and Manuel has made his own friend.

James Branch Cabell

Richmond-in-Virginia

30 April 1927

* Omitted in this edition since it was not possible to include all of Frank C. Papé's magnificent illustrations. –
THE PUBLISHER

A Foreword

«Amoto quoeramus seria ludo»

To Sinclair Lewis

A Foreword

My Dear Lewis:

To you (whom I take to be as familiar with the Manuelian cycle of romance as is any person now alive) it has for some while appeared, I know, a not uncurious circumstance that in the *Key to the Popular Tales of Poictesme* there should have been included so little directly relative to Manuel himself. No reader of the *Popular Tales* (as I recall your saying at the Alum when we talked over, among so many other matters, this monumental book) can fail to note that always Dom Manuel looms obscurely in the background, somewhat as do King Arthur and white-bearded Charlemagne in their several cycles, dispensing justice and bestowing rewards, and generally arranging the future, for the survivors of the outcome of stories which more intimately concern themselves with Anavalt and Coth and Holden, and with Kerin and Ninzian and Gonfal and Donander, and with Miramon (in his rôle of Manuel's seneschal), or even with Sclaug and Thragnar, than with the liege-lord of Poictesme. Except in the old sixteenth-century chapbook (unknown to you, I believe, and never reprinted since 1822, and not ever modernized into any cognizable spelling), there seems to have been nowhere an English rendering of the legends in which Dom Manuel is really the main figure.

Well, this book attempts to supply that desideratum, and is, so far as the writer is aware, the one fairly complete epitome in modern English of the Manuelian historiography not included by Lewistam which has yet been prepared.

It is obvious, of course, that in a single volume of this bulk there could not be included more than a selection from the great body of myths which, we may assume, have accumulated gradually round the mighty though shadowy figure of Manuel the Redeemer. Instead, my aim has been to make choice of such stories and traditions as seemed most fit to be cast into the shape of a connected narrative and regular sequence of events; to lend to all that wholesome, edifying and optimistic tone which in reading-matter is so generally preferable to mere intelligence; and meanwhile to preserve as much of the quaint style of the gestes as is consistent with clearness. Then, too, in the original mediaeval romances, both in their prose and metrical form, there are occasional allusions to natural processes which make these stories unfit to be placed in the hands of American readers, who, as a body, attest their respectability by insisting that their parents were guilty of unmentionable conduct; and such passages of course necessitate considerable editing.

II

No schoolboy (and far less the scholastic chronicler of those last final upshots for whose furtherance «Hannibal invaded Rome and Erasmus wrote in Oxford cloisters») needs nowadays to be told that the Manuel of these legends is to all intents a fictitious person. That in the earlier half of the thirteenth century there was ruling over the Poictoumois a powerful chieftain named Manuel, nobody has of late disputed seriously. But the events of the actual human existence of this Lord of Poictesme—very much as the Emperor Frederick Barbarossa has been identified with the wood-demon Barbatos, and the prophet Elijah, «caught up into the chariot of the Vedic Vayu,» has become one with the Slavonic Perun,—have been inextricably blended with the legends of the Dirghic Manu-Elul, Lord of August.

Thus, even the irregularity in Manuel's eyes is taken by Vanderhoffen, in his *Tudor Tales*, to be a myth connecting Manuel with the Vedic Rudra and the Russian Magarko and the Servian Vii,—“and every beneficent storm-god represented with his eye perpetually winking (like sheet lightning), lest his concentrated look (the

thunderbolt) should reduce the universe to ashes... His watery parentage, and the storm-god's relationship with a swan-maiden of the Apsarasas (typifying the mists and clouds), and with Freydis the fire queen, are equally obvious: whereas Niafer is plainly a variant of Nephthys, Lady of the House, whose personality Dr. Budge sums up as 'the goddess of the death which is not eternal,' or Nerthus, the Subterranean Earth, which the warm rainstorm quickens to life and fertility."

All this seems dull enough to be plausible. Yet no less an authority than Charles Garnier has replied, in rather indignant rebuttal: «Qu'ont été en réalité Manuel et Siegfried, Achille et Rustem? Par quels exploits ont-ils mérité l'éternelle admiration que leur ont vouée les hommes de leur race? Nul ne répondra jamais à ces questions... Mais Poictesme croit à la réalité de cette figure que ses romans ont faite si belle, car le pays n'a pas d'autre histoire. Cette figure du Comte Manuel est réelle d'ailleurs, car elle est l'image purifiée de la race qui l'a produite, et, si on peut s'exprimer ainsi, l'incarnation de son génie.»

—Which is quite just, and, when you come to think it over, proves Dom Manuel to be nowadays, for practical purposes, at least as real as Dr. Paul Vanderhoffen.

III

Between the two main epic cycles of Poictesme, as embodied in *Les Gestes de Manuel* and *La Haulte Histoire de Jurgen*, more or less comparison is inevitable. And Codman, I believe, has put the gist of the matter succinctly enough.

Says Codman: «The Gestes are mundane stories, the History is a cosmic affair, in that, where Manuel faces the world, Jurgen considers the universe... Dom Manuel is the Achilles of Poictesme, as Jurgen is its Ulysses.»

And, roughly, the distinction serves. Yet minute consideration discovers, I think, in these two sets of legends a more profound, if subtler, difference, in the handling of the protagonist: with Jurgen all of the physical and mental man is rendered as a matter of course; whereas in dealing with Manuel there is, always, I believe, a certain perceptible and strange, if not inexplicable, aloofness. Manuel did thus and thus, Manuel said so and so, these legends recount: yes, but never anywhere have I detected any firm assertion as to Manuel's thoughts and emotions, nor any peep into the workings of this hero's mind. He is «done» from the outside, always at arm's length. It is not merely that Manuel's nature is tintured with the cool unhumanness of his father the water-demon: rather, these old poets of Poictesme would seem, whether of intention or no, to have dealt with their national hero as a person, howsoever admirable in many of his exploits, whom they have never been able altogether to love, or entirely to sympathize with, or to view quite without distrust.

There are several ways of accounting for this fact,—ranging from the hurtful as well as beneficent aspect of the storm-god, to the natural inability of a poet to understand a man who succeeds in everything: but the fact is, after all, of no present importance save that it may well have prompted Lewistam to scamp his dealings with this always somewhat ambiguous Manuel, and so to omit the hereinafter included legends, as unsuited to the clearer and sunnier atmosphere of the *Popular Tales*.

For my part, I am quite content, in this Comedy of Appearances, to follow the old romancers' lead. «Such and such things were said and done by our great Manuel,» they say to us, in effect: «such and such were the appearances, and do you make what you can of them.»

I say that, too, with the addition that in real life, also, such is the fashion in which we are compelled to deal with all happenings and with all our fellows, whether they wear or lack the gaudy name of heroism.

Dumbarton Grange

October, 1920

Chronology of James Branch Cabell's Published Works

1879: April 14, James Branch Cabell born at 101 East Franklin Street, Richmond, Virginia.

1894: Matriculated College of William and Mary at age fifteen.

1898: Graduated from college, where he had taught French and Greek as an undergraduate.

1898—1900: Worked as a newspaper reporter in New York.

1901: Reporter in Richmond; first stories accepted for publication; suspected of murder in Richmond.

1902: Seven stories published in national magazines.

1904: *The Eagle's Shadow*.

1905: *The Line of Love*.

1907: *Branchiana* (genealogy); *Gallantry*.

1909: *The Cords of Vanity*; *Chivalry*.

1911: *Branch of Abingdom* (genealogy).

1911—1913: Employed in office of the Branch (his uncle's) coal mines in West Virginia

1913: *The Soul of Melicent* (later title *Domnei*); November 8, married Priscilla Bradley Shepard.

1915: *The Rivet in Grandfather's Neck*; August 25, Ballard Hartwell Cabell born; *The Major's and Their Marriages* (his wife's genealogy).

1916: *The Certain Hour*; *From the Hidden Way*.

1917: *The Cream of the Jest*.

1919: *Beyond Life*; *Jurgen* (suppressed January 14, 1920, cleared October 19, 1922).

1920: *The Judging of Jurgen*.

1921: *Figures of Earth*; *Taboo*; Joseph Hergesheimer; *The Jewel Merchants*; edited October, November, and December issues of the *Reviewer*.

1922: *The Lineage of Lichfield*.

1923: *The High Place*.

1924: *Straws and Prayer-Books*.

1926: *The Silver Stallion*; *The Music from Behind the Moon*.

1927: *Something About Eve*.

1928: *The White Robe*; *Ballades from the Hidden Way*.

1929: *Sonnets from Antan*; *The Way of Ecben*.

1927—1930: *The Storisende Edition of the The Works of James Branch Cabell* with prefaces, in eighteen volumes.

1930: *Some of Us*; *Between Dawn and Sunrise* (selections edited by John Macy).

1932: *These Restless Heads* (dropped James from name).

1933: *Special Delivery*.

1934: *Smirt*; *Ladies and Gentlemen*.

1935: *Smith*.

1936: *Preface to the Past* (prefaces from the Storisende Edition).

1937: *Smire*.

1938: *The King Was in His Counting House*.

1940: *Hamlet Had an Uncle*.

1942: *The First Gentleman of America*.

1943: *The St. Johns* (with A.J. Hanna).

1946: There Were Two Pirates.

1947: Let Me Lie.

1948: The Witch-Woman.

1949: The Devil's Own Dear Son; March 29, death of Priscilla Bradley Cabell.

1950: June 15, married Margaret Waller Freeman.

1952: Quiet Please.

1955: As I Remember It.

1958: May 5, died at 3201 Monument Avenue, Richmond, Virginia.

Notes